

ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИЙ

(основные материалы к курсу)

Составитель: религиовед Железняк С.Е.

г. Набережные Челны

2011

ВВЕДЕНИЕ: ПРАВОСЛАВНОЕ МИССИОНЕРСТВО И ЕГО ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

1. «Миссия» (от лат. missio – посылка, поручение) по-гречески звучит как священноапостольство, и апостольская Церковь одной из основных форм своего служения имеет миссию. Миссия – это та часть жизни Церкви, где живой благодатный организм Церкви соприкасается с непросвещенным миром. Божественная Литургия начинается возгласием: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа...» Мы живем (или плохо живем) в Царстве Божиим, – в Церкви. Господь говорит Своим ученикам: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам...» Этот благодатный Божий Мир, которым и в котором живет Церковь, соприкасается с миром непросвещенным, не воспринявшим спасающую благодать Божию. – «Свет во тьме светит и тьма не Его объяла...» – свет Христовой Соборной Святой Церкви светит во тьме, в мире сем. И та грань, где соприкасаются свет и непросвещенный мир, это есть поле деятельности миссии.

Богословие миссии призвано приоткрыть тайну священноапостольства, тайну распространения благодатного света в непросвещенном мире. Для этого нужно дать представление о мире, спасаемом и просвещаемом благодатью Божией. Нужно описать человека и то, как благодатью Божией он становится членом Церкви, живет, строит свою жизнь в отношении к Богу, к другим людям и к миру. Необходимо изъяснить, как человек может в меру образа и подобия Божия быть сотрудником Богу в Его благодатном просвещении другого человека. Требуется приоткрыть тайны границ Церкви, соотношения Церкви и мира. И тогда на основании православной антропологии, эклизиологии и сотериологии приоткрывается тайна священноапостольства, возникает миссиология.

Миссионерство начинается с того образа, который дал нам Христос – образа проповеди, образа всех трех лет Своего служения. Этому Образу уподоблялись апостолы, – несшие благовестие о Царстве Божиим. Господь готовил апостолов, посылая их «два – два» на благовестие, и даруя им благодатную силу благовествования и исцеления. Заканчивалось Его земное служение словами, обращенными к апостолам, к Церкви, к нам – «Шедше научите вся народы, крестяще их во имя Отца и Сына, и Святаго Духа... и се Аз с вами есмь до скончания века». Им же даны и совершенные образы Доброго Самарянина и Доброго пастыря, полагающего душу свою за овцы своя.

2. Полнота благодатной жизни Церкви начинается Пятидесятницей. И здесь же является в полноте миссионерское служение Церкви, когда простыми словами апостола Петра благодать Духа Святаго раскрывает сердца слушающих и присоединяет их к Церкви. **Здесь же были явлены основные принципы миссионерства:**

– проповедь благой Евангельской вести должна быть доходчива, понятна; тайны Царства Божия должны доноситься образами, понятными слушающим;

– проповедник – лишь сотрудник Богу в деле просвещения, спасения непросвещенного человека. Проповедник помогает слушающему открыть сердце для принятия благодати Духа Святаго;

– проповедь должна вестись на родном языке, – этот принцип чудесным образом был явлен в Пятидесятницу, когда каждый слышал слова апостола Петра, звучащие на его родном языке;

– миссионерство – это, в конце концов, всегда экзорцизм, изгнание бесов. Свет отгоняет тьму, всегда борется с Князем тьмы – дьяволом и изгоняет его от души человека. Вспомним слова Ф. М. Достоевского – «Бог с дьяволом в мире борется и поле битвы – сердца людей». Эта борьба не против плоти и крови, апостол готов отдать жизнь свою за паству свою по образу своего Учителя.

Жизнь каждого апостола и миссионера дает нам многочисленные примеры такой духовной борьбы и победы Христовой.

Вспомним и слова преподобного старца Силуана Афонского – «Молитесь за мир – кровь проливать».

– следующий основной принцип – «Тако да просветится свет Ваш перед человеки, яко да видят добрые дела ваши и прославят Отца вашего Иже есть на небесах». Пример личной благоче-

стивой жизни – основа миссионерского служения и долг каждого христианина. На этой основе – апостолат мирян.

Уместно привести один пример. В 1910 году на миссионерском епархиальном съезде в Ташкенте встретились известный мулла и протестантский пастор. Пастор прочитал мулле Нагорную проповедь и спрашивает: «Хорошо?» – «Очень Хорошо», – ответил мулла. – «А почему же вы не обращаетесь к Христу?» – «Мы не обращаемся к Христу потому, что вы не живете по Его заповедям», – ответил мулла.

– делу священноапостольства служат благотворительные и иные формы социального служения, а также труды в образовательной и культурной деятельности христиан. Святитель Николай Японский выразил это такими словами: «Вначале завоевать любовь и уважение, а затем нести людям Слово Божие». Огромный опыт подобного служения накоплен католиками и протестантами. Апостол Павел о том же говорит: «Стать для всех всем, чтобы спасти хотя некоторых». Этот завет первоверховного апостола ярко сумел воплотить святитель Иннокентий Вениаминов. По зову Божию он проезжает тысячи километров с семьей и поселяется в землянке на острове Уналашка вблизи Аляски среди алеутов. Он учит алеутов плотницкому делу, искусству каменщика, столяра, огородника, кузнеца, часовщика, затем составляет азбуку, переводит Священное Писание, богослужение на алеутский язык и учит по составленным им же книгам и детей, и взрослых. Ему приходится объезжать свою паству (около 20-ти из Алеутских островов) часто по океану в одиночку на байдарке, обтянутой кожей. Он защищает их от произвола чиновников и купцов, учит вести добычу морских котиков так, чтобы их поголовье не сократилось, лечит алеутов и т.д.

Неудивительно, что эти простые люди с детской доверчивостью и любовью ответили на поеди его любви, и через десять лет не осталось ни одного человека, не принявшего православие.

– принцип, хорошо известный каждому миссионеру: с крещением духовный путь, путь просвещения только начинается. Именно так формировали его и святитель Иннокентий Вениаминов, и святитель Николай Японский, и архимандрит Макарий Глухарев и другие. Крещением ставится онтологически новый камень в основание. На этом основании предстоит строить храм Духа Святого.

– последнее условие успеха проповеди – ненасильственное распространение христианства среди языческого и иного населения, т. к. насилие отнимает свободу и гасит любовь. В православии, и особенно в российском, насильственного принуждения к принятию христианства никогда не было. Были предпочтительность в выборе слуг и хозяев, партнеров по торговле или ведению дел, могли быть враждебные или военные действия, имеющие различные мотивы, в том числе и религиозные, но крестовых военных походов с целью обращения в православие никогда не было. И если святой Стефан Пермский после нескольких лет жизни в среде зырян один или с ближайшими учениками идет сокрушать идолы и кумиры, рубить священную березу, то идет он безоружный к вооруженным язычникам. То же самое происходило в Поволжье с татарами и башкирами в Сибири, и даже тяжелые войны на Кавказе не были насильственным крещением местных народов. Были поощрения крестьянским, особенно местной знати, было освобождение от налогов и пошлин, но насилия не было. Политика ненасилия обнаруживает себя во всей истории Русской Церкви и русского государства, и может быть прослежена по инструкциям, постановлениям, посланиям как государственным, так и церковным на различных уровнях церковной и государственной власти. Пожалуй, единственным явным исключением, подтверждающим общее правило, является инструкция Петра I Тобольскому митрополиту с рекомендацией, не стесняясь насильственных мер, крестить инородцев Сибири. После Петра I снова идут инструкции о недопустимости принуждения к крещению. Характерно, что например, в католической миссии при монастыре в Калифорнии по описанию св. Иннокентия Вениаминова, в середине XIX в. индейцев содержали как рабочий скот и на ночь запирали в бараках. Там же велись дискуссии о том, произошли индейцы от Адама или от дьявола.

Каждый христианин несет в мир радость Благой Вести, радость причастности Воскресению Христову, победе, победившей мир. И эта радость причастности любви Божией, которой он делится с другими, становится неиссякаемым источником радости о Духе Святом. Ибо от избытка сердца глаголют уста. Свидетелями этой благодатной радости были апостолы и все поколения христиан. Потому что православие – это радость, радость и радость.

3. Естественное состояние здорового живого организма Церкви расти. Этот рост во всем многообразии форм изучает история миссий. Русская Церковь в течение тысячелетия просвещает народы Российской империи и иные и имеет огромный опыт. Это связано не только с тем, что территория империи занимала более шестой части суши и не только с разнообразием народов и малых этнических групп, населявших эти земли. Вся историю России, начиная со святого князя Владимира, можно рассматривать как борьбу за православную государственность, а идея союза Церкви и Государства в решении всех вопросов нашей земной жизни со времен св. князя Владимира стала национальной идеей русского народа. Опыт истории симфонии Церкви и государства в России уникален. Российская империя в течение многих веков была главным, а временами и единственным оплотом православия, и крушение ее в 1917 году означало постепенное крушение и остальных меньших «православных миров».

Российские народы, перенявшие от Византии православие и идею православного государства, приняли и завет Христа – идти до конца Земли с проповедью христианства. То, что не всегда удавалось Византии, удавалось России и Русской церкви в течение десяти веков. Удалось создать и сохранить православную империю, в состав которой входили частично или полностью непросвещенные народы и постепенно просвещать их православной верой. Удавалось за границей при посольствах создавать храмы и центры православного просвещения. Иногда впереди шли православные миссионеры, завоеывая любовь и уважение, а затем шла дипломатическая миссия. Так в Пекине через духовную миссию осуществлялось и дипломатическое представительство до 1861 года, пока не появилось русское посольство. Роль духовной миссии в просвещении и истории Аляски и Америки, Японии трудно переоценить.

В истории русского миссионерства сияют многие подвижники, святые, послужившие Церкви и народам, населявшим нашу Родину. Их подвигами сеялось и взращивалось зерно православной веры, и на этой закваске поднимались российские народы, российская государственность, российская культура и хозяйство; вся жизнь пропитывалась духом православной веры. На фундаменте православия строились отношения между различными народами, заселявшими Россию, в том числе и с теми, которые придерживались магометанства, буддизма или язычества. Тысячелетний опыт веропробоведнического подвига в самых различных условиях, духовенства и мирян, аристократии, государей и простолюдинов, ученых богословов и простых крестьян остается сегодня неизвестным и не востребуемым. Нет ни одной монографии по истории российской миссии, кроме маленькой брошюры прот. Е. Смирнова 1904 года.

История российского веропробоведничества начинается с подвигов свв. равноапостольных Ольги и Владимира и Крещения Руси. Российские государственность и культура распространялись, росли и укреплялись вместе с Православием. Постепенно христианство распространяется по городам, из городов по рекам в села, вместе с монашеством. Этот этап монашеской или монастырской колонизации Руси был довольно долгим. Затем следует период становления и укрепления Российского православного царства. С окончанием татарского ига связано расширение государства, усвоения христианству различных племен Севера, народов Поволжья. По мере расширения границ возникали задачи веропробоведничества в Сибири, в Южных и Западных областях. Трудности церковной жизни синодального периода не могли не отразиться на деле веропробоведничества: но в это же время закладывались основы всей миссионерской работы Церкви: сияли подвигами священноапостольства св. Иннокентий Иркутский, св. Иоанн Тобольский, св. Герман Аляскинский, свв. Филарет и Иннокентий, митрополиты московские, св. Николай Японский и многие другие. Тогда же основываются внутренние и внешние миссии, создается система подготовки миссионерских кадров, возникают научные миссионерские школы и издания, и др. Расцвет миссионерства приходится на вторую половину XIX и начало XX века до первой Мировой войны. Этому существенно содействовало созданное в 1870 году Православное миссионерское общество, объединившее здоровые силы православной России в деле помощи веропробоведничеству. За эти годы было достигнуто очень многое, но и разрушительные явления нарастали. Противостоять им силами миссионеров – как мы видим из материалов миссионерских съездов, включая последний пятый в августе 1917 года, – не удавалось, и православная Российская империя рухнула.

Соблазны антихристианских подмен «свободы, равенства, братства» проникали в Россию с Запада и разрушали православную веру в народе, православный уклад народной жизни, православную государственность в течение длительного времени. Эти разрушительные течения проявлялись

периодически во всех слоях общества в различных формах вплоть до восстания декабристов и деятельности террористических организаций. В Россию антихристианский тоталитаризм (в том числе и в демократических одеяниях) шел с Запада, где попытки антицерковных революций сотрясали Европу в течение нескольких веков.

В начале XX века уже далеко не весь российский народ жил в Церкви и Церковью, соблазны находили почву, укоренялись. Во время великих искушений народ не устоял в вере, духовные основы оказались недостаточно прочными, и православная империя пала.

Крушение Российской империи и захват власти большевистской диктатурой сопровождался установлением невиданного в истории тоталитарного атеистического режима и гонениями на православие, начиная с 1917 года. Тоталитарному уничтожению подверглись не только верующие христиане, но и христианский уклад жизни, христианская семья, христианская культура. Уничтожались и изолировались в лагерях и далеких ссылках духовенство, монашество, интеллигентные православные или просто верующие люди. Разрушались христианская мораль, семья культура и воспитывались поколения молодежи, верной пролетарской марксистской идеологии. В результате гонений погибли три поколения православных людей, и оставшиеся в живых православные семьи и интеллигентные священники были редчайшим исключением.

Русская Церковь превратилась в Церковь за решеткой, в Церковь молчания. Но противостояние Русской Церкви атеистическому тоталитаризму всегда имело миссионерский аспект. Молчание ее в советский период временами в лице лучших своих членов бывало весьма громким. Идеологическое давление в России начало ослабевать в семидесятые годы (отчасти и в конце шестидесятых годов), поскольку высшие партийные круги занялись более понятным делом – стяжательством. Крушение советского тоталитарного строя произошло мирным путем, но под теми же лозунгами «свободы, равенства и братства». Советская номенклатура, вписывающая себя в систему западного мира, причем в качестве богатейших людей западного мира, предложила миру вместо коммунистической идеологии идеи стяжательства и разврата (характерные движения за свободу сегодня – борьба за свободу сексуальным меньшинствам – извращенцам).

В результате глубокий духовно-нравственный кризис охватил все сферы нашего общества. Духовная опустошенность стала заполняться псевдодуховными подменами, которым служат десятки тысяч российских и приезжих сектантов и проповедников. В молодежи идет разделение – одни отдаются разврату, культу насилия, стяжательству, вплоть до открытого служения сатане ради жизни в этих страстях. Другие ищут духовности и попадают на всевозможные подмены сектантов. И лишь малая часть приходит к Православию и в Церковь.

Характерно, что волна антихристианского тоталитаризма прокатилась по всему миру. Попытки установления антихристианских тоталитарных режимов были как в Европе, так и в Америке. Крушение Российской империи было, очевидно, катастрофой для всего православия и привело к крушению других «малых» православных миров (в Болгарии, Румынии и др.). В результате крушения России около двух миллионов человек оказались вне родины (различные оценки дают до трех и более миллионов). Беженцы, вынужденные бороться за выживание, были носителями православной русской культуры и православной веры. Если складывались благоприятные обстоятельства (например, в Маньчжурии, в г. Харбине в тридцатые годы), то быстро возникали православные общины, строились храмы, организовывались русские школы, училища и др. Одновременно русские несли по всему миру «даже до конца земли» великую русскую православную культуру. В Европе, в Америке, в Азии, встречаясь с язычеством, католичеством или протестантизмом, русские свидетельствовали о высоте и глубине православной веры. Так осуществлялась великая духовная миссия русской эмиграции.

С гибелью Российской империи последовательно погибали другие «православные миры», в течение многих веков бывшие средой обитания Поместных христианских церквей и являвшиеся плодом воцерковления многих народов. В результате в шестидесятые годы большинство православных христиан во всем мире жило в атмосфере притеснений или гонений. Меньшинство посреди моря вражды – скорее правило, чем исключение. Ситуация была осмыслена тогда, как православие в «постхристианском мире». Всюду православные сталкиваются с вызовом духовно враждебной им культуры. Одновременно благодаря диаспоре, разошедшейся по всему миру, было покончено с замкнутостью «православных миров», и православные общины были поставлены на виду всего мира. В

результате разрушения монастырей и духовных школ были подорваны основания источников благочестия и духовного преемства. Аналогичные процессы происходили и в католическом мире. Современный мир бесконечных подмен, явно или неявно «постхристианский», характерен многообразием форм противостояния Церкви как православной, так и католической. Открытость католичества секулярному миру и секулярной культуре, провозглашенные Вторым Ватиканским собором, привели к катастрофе – отпадению от Католической церкви многих мирян и духовенства в различных странах Запада. Этот опыт католичества и попытки аналогичных отношений с современным миром в основном более консервативного православия также расцениваются как самоубийственные. Весь постхристианский Запад «даже до концов Земли» знаком сегодня с Православием, но можно ли надеяться, что хоть один из народов готов был бы принять христианство и войти в Православную Церковь, как это было еще в XIX веке? В этом отношении крайне важен опыт Православия в Америке. В результате возникновения многочисленных новых православных приходов и объединения их вокруг православной епархии Русской Церкви, которая окрепла при епископе Тихоне Белавине (впоследствии Патриархе) в начале века, появилась новая автокефальная церковь – Американская. Появление Американской автокефальной церкви, как и Японской, явилось качественно новым этапом в миссионерской жизни всего православия. Одной из центральных, главных проблем жизни Американской церкви является проблема взаимоотношения православия и секулярной американской псевдохристианской культуры. Дело в том, что эклектичная, «синтетическая» современная культура, в значительной мере ориентированная на африканские и иные языческие культуры, претендует на всего человека, не оставляя ему реальной свободы выбора – западный образ жизни и западное видение мира слишком далеко ушли от христианского. Таково положение на Западе. В России внешне ситуация значительно более безнадежная. По мере того как Америка, Азия, Европа обогатились сотнями православных приходов, Россия превратилась в духовную пустыню. Во всей Сибири осталось несколько действующих храмов. Духовные школы то полностью запрещались, то разрешались, а затем снова подвергались разгрому во время недавних «хрущевских» гонений, надолго переживших правление Хрущева. На фоне разрушения православия «до основания» в течение семидесяти лет – и храмов, и душ, и морали, и культуры – в чем же отличие жизни Православной Церкви в России и на свободном Западе? Главным отличием является то, что Запад в основном сам отказался от веры и жизни по вере, жизни в Церкви. У нас же только часть народа соблазнилась и отступила от Христа. Другая же часть не отказалась от веры и Церкви в эпоху невиданных гонений и пострадала за Христа. Сейчас не просто описать подробности этой героической истории гонений, хотя известно очень многое и множество свидетелей еще живы. Общее число пострадавших за веру составляет сотни тысяч, а может быть и миллионы человек. Сонм новомучеников российских предстоит за нас ныне пред Богом и зовет нас сегодня к труду веропроповедывания. Поэтому нет оснований объединять духовные пустыни Запада с посттоталитарной жаждой духовности в России. О возможности духовного возвращения свидетельствуют и первые плоды посттоталитарного веропроповедывания, строительства храмов, воссоздания духовных школ, возрождения православных издательств, монастырей и многое, многое другое. И главное для нас сегодня – обретение корней в мученическом подвиге за Христа наших отцов и дедов. Тогда откроются и пути промысла Божия, ведущие к воссозданию православной Руси, этого уникального «православного мира», живущего идеалами святости, стремящегося к святости, и в этом смысле – святой Руси.

В следственных показаниях епископа Арсения Жадановского (на допросе 28 мая 1937 г., дело N П-25682), расстрелянного на Бутовском полигоне под Москвой в 1937 году (на этом полигоне каждую ночь расстреливали сотни людей до 1953 года включительно), есть такие строки: «Православная церковь в настоящее время находится в очень тяжелом положении... Православная церковь неоднократно переживала гонение и снова возрождалась, так и в настоящее время. Положение, которое переживает Церковь при Советской власти, должно измениться. Церковь будет восстановлена, и откроются монастыри. Советская власть будет свергнута народом, и управлять страной будут русские верующие люди, преданные Православной Церкви».

Сегодня наступает время духовного возрождения России, которое провидели многие наши святые.

4. Глубокий духовно-нравственный кризис охватил весь мир и наше посттоталитарное бездуховное общество в особенности. В этой ситуации главная задача – это евхаристическое возрождение православных приходов, на которые обращено пристальное внимание общества. Воз-

рождение богослужebной жизни и вхождение в благодатную евхаристическую жизнь Церкви, в Царствие Божие, делает каждого церковного христианина полноценным свидетелем Царства Божия, пришедшего в силе, ставит его в ряды миссионеров. Веропроеводничество жизнью, которая также по мере благодатствования становится евхаристичной на всех путях житейских, является сегодня основной формой миссионерства, поскольку по причине умножения беззаконий доверие к словам иссякло. Евхаристичность жизни означает также стяжание благодатной любви к страждущему миру и многострадальному народу российскому. И эта любовь не расслабляет христиан, а сообщает им духовную напряженность, позволяющую преодолевать одну из основных трудностей современной жизни – противостояние православного и современного секулярного видения мира.

Глубокое воцерковление народа, семьи, возрастание детей в христианских семьях и в храме, воспитание и образование юношества и участие детей, юношей и взрослых в активной приходской жизни позволяет выявить тех, кто способен к миссионерскому служению. Народ Божий должен сам дать из своей среды будущих миссионеров, стремящихся потрудиться подвигом священноапостольства. Подготовка к служению – это с одной стороны духовное возрастание, а с другой – образование и приобретение навыков, опыта, в том числе опыта участия в жизни храма (богослужebной и внебогослужebной) и опыта общения с людьми.

Веропроеводничество всегда более обращено к сердцу, чем к уму. «Но чтобы действовать на сердце, надобно говорить от сердца: от избытка бо сердца уста глаголют. И потому тот, кто исполнен и избыточествует верою и любовью, может иметь уста и премудрость, ей же не возмoгут противиться сердца слушающих, и которая указывает как, где и что говорить...» (св. Иннокентий Вениаминов).

Главным фактором духовного просвещения и воцерковления народа является возрождение богослужebной и более широко приходской жизни и подлинный пример православных христиан, несущих евхаристическую радость своим ближним. Только завоевав любовь и уважение ближних, можно нести им Слово Божие.

Уже сейчас идет создание центров духовного просвещения – миссионерских центров – которые иногда называются центрами православной культуры. Работа таких центров оказывает влияние на все слои населения. Центры имеют библиотеки, фоно- и видеотеки. При всем разнообразии современных православных изданий необходима дополнительная издательская работа с миссионерскими целями, в том числе для детей, юношества, пожилых людей.

Постепенно начинается организация благотворительности с параллельной миссионерской работой для стариков, детей, инвалидов, в больницах, в тюрьмах, в детских домах и др. Назрело время воссоздания Православного миссионерского общества в целях консолидации всех здоровых сил для спасения и просвещения российских народов.

Необходима организация противодействия пропаганде духовно-нравственного растрения (в том числе в школах под видом сексуального образования), ограничения деятельности псевдодуховных и тоталитарных сект, католичества, протестантизма, магометанства и буддизма в среде с русскоязычным населением, т.е. В среде с православными духовными корнями.

В основе православного подхода – евхаристическое понимание Церкви. И православная экклезиология содержит в себе возможности определения основных миссионерских принципов, обязанностей, целей и средств.

Евхаристия является источником и силой действенного христианского свидетельства, и по мере возрождения приходской жизни будут расти и совершенствоваться формы такого свидетельства. И сегодня каждый монастырь, каждый приход стремится быть тем *праведником*, без которого не стоит ни одно село, ни один город, ни тем более государство.

Церковь как тело Христово есть свидетельство и миссия в обращенности к страждущему миру и человеку. Средоточие жизни и словесного служения Церкви – Евхаристия, которая есть актуализация *Царствия Божия, пришедшего в силе*, есть служение Самого Иисуса Христа, Который «не отступил... вся творя, дондеже нас на небо возвел еси и Царство Свое даровал еси будущее...» Это и есть совершенный образ священноапостольства и предстояния и жертва бескровная о всех и за вся...

Решения всех трудных вопросов современного свидетельства ищутся сегодня изнутри живого евхаристического церковного сознания, обращенного к чаемому явлению Христа в силе и славе...

АПОСТОЛЫ

Хотя и все апостолы славно трудились в плане миссии, но наиболее подробно запечатлена миссионерская деятельность апостола Павла. Поэтому миссию апостолов мы рассмотрим на его примере, достаточно подробнее зафиксированном в Священном Писании (Книга Деяний и Послания апостола Павла).

Путь ко Христу апостола Павла. Его обращение. Святой Павел, первоначально носивший еврейское имя Савл, принадлежал к колену Вениаминову и родился в киликийском городе Тарсе (в Малой Азии), который тогда славился своей греческой академией и образованностью своих жителей. Как уроженец этого города, происходивший от иудеев, вышедший из рабства у римских граждан, Павел имел права римского гражданина. В Тарсе Павел получил свое первое воспитание и, вероятно, там же познакомился с языческой культурой, ибо в его речах и посланиях ясно проглядывают следы знакомства с языческими писателями.

Последующее образование он получил в Иерусалиме, в славившейся тогда раввинской академии у знаменитого учителя Гамалиила, который считался знатоком Закона и, несмотря на принадлежность к партии фарисеев, был человеком свободомыслящим и любителем греческой мудрости. Здесь же, по принятому у евреев обычаю, молодой Савл изучил искусство делать палатки, которое потом помогло ему зарабатывать средства на пропитание собственным трудом.

Молодой Савл, видимо, готовился к должности раввина (религиозного наставника), а потому сразу же после окончания своего воспитания и образования он проявил себя сильным ревнителем фарисейских преданий и гонителей веры Христовой. Может быть по назначению синедриона он стал свидетелем смерти первомученика Стефана, а затем получил власть официально преследовать христиан даже за пределами Палестины в Дамаске.

Господь, усмотревший в нем «сосуд избранный Себе», на пути в Дамаск чудесным образом призвал его к Апостольскому служению. Во время путешествия Савла осветил ярчайший свет, от которого он слепым упал на землю. Из света раздался голос: «Савл, Савл, почему ты гонишь Меня?» На вопрос Савла: «Кто Ты?» — Господь ответил: «Я Иисус, Которого ты гонишь». Господь повелел Савлу идти в Дамаск, где ему будет указано, что делать дальше. Спутники Савла слышали голос Христа, но света не видели. Приведенный под руки в Дамаск, ослепший Савл был научен вере и на третий день крещен Ананией. В момент погружения в воду Савл прозрел. С этого времени он сделался ревностным проповедником прежде гонимого учения. На время он отправился в Аравию, а затем снова вернулся в Дамаск для проповеди о Христе.

Ярость иудеев, возмущенных его обращением ко Христу, заставила его бежать в Иерусалим, где он присоединился к обществу верующих и познакомился с Апостолами. Из-за покушения эллинистов убить его, он отправился в свой родной г. Тарс. Отсюда около 43 года он был вызван Варнавой в Антиохию для проповеди, и потом путешествовал вместе с ним в Иерусалим, куда привел помощь нуждающимся.

1-е миссионерское путешествие. Вскоре после возвращения из Иерусалима — по повелению Духа Святого — Савл вместе с Варнавой отправился в свое первое Апостольское путешествие, продолжавшееся с 45 по 51 год. Апостолы прошли весь остров Кипр, и с этого времени Савл, который обратил к вере проконсула Сергия Павла, именуется уже Павлом. За это время миссионерского путешествия Павла и Варнавы были основаны христианские общины в малоазийских городах: Антиохии Писидийской, Иконии, Листре и Дервии. В 51 году святой Павел принял участие в Апостольском Соборе в Иерусалиме, где горячо восставал против необходимости для язычников, ставших христианами, соблюдать обряды Моисеева закона.

Чем характерно это его путешествие? Именно в это время апостол решает поменять свое родное имя Савл на другое, римское — Павел. Что двигало им? Разумеется, возможность ведения более успешной проповеди среди язычников, населения Римской империи. Апостол, будучи по

рождению римским гражданином, более охотно, доброжелательно воспринимался языческим народом, если и имя имел римское. Особенностью методики проповеди апостола является следующее. Первоначально он обращался к своим единоплеменникам – иудеям, как избранному Божию народу. Проповедь среди них была и более легкой и понятнее, так как им достаточно было указать на исполнение пророчеств в Иисусе. Тем не менее, когда проповедь была отвергаема иудеями, апостол переносил ее к язычникам.

Апостольский собор. Поводом Иерусалимского собора были события в Антиохийской церкви, описанные в книге Деяний. Первое миссионерское путешествие апостолов Варнавы и Павла, начавшееся в Антиохии, сопровождалось большим успехом евангельской проповеди среди язычников малоазийских провинций Римской империи. Вернувшись в Антиохию, Варнава и Павел «рассказали всё, что сотворил Бог с ними и как Он отверз дверь веры язычникам» (Деян 14. 27). Однако успех апостолов далеко не на всех производил положительное впечатление. Более того, он послужил причиной конфликта. «Некоторые, пришедшие из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись. Когда же произошло разногласие и немалое состязание у Павла и Варнавы с ними, то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к Апостолам и пресвитерам в Иерусалим» (Деян 15. 1-2). Цель посольства в Иерусалим – достижение согласия по этому спорному вопросу. В Иерусалиме некоторые иудеохристиане из «фарисейской ереси» снова выступили. Они настаивали на необходимости твердого соблюдения закона Моисея и требовали обрезания христиан из язычников. Тогда «апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения сего дела» (15. 5-6).

Согласно же личным воспоминаниям апостола Павла, он с Варнавой и Титом отправился в Иерусалим «по откровению» (Гал 2. 1), а не по поручению Антиохийской церкви. Для Павла не подлежат сомнению ни его апостольский авторитет, ни его языческая миссия, ибо и то и другое основано на откровении Божиим: «Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» (1. 11-12). Получив откровение и поручение от Бога, он не нуждался в санкционировании своей апостольской деятельности со стороны христианских руководителей в Иерусалиме: «Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам» (1. 15-17). Новое путешествие в Иерусалим Павел предпринимает не ради оправдания своей миссионерской деятельности, но для того, чтобы уверенно представить «особо знаменитейшим» его «благовествование» среди язычников, ради признания его как «апостола язычников» и ради безусловного признания основанных им языкохристианских церквей (2. 2). Основная цель апостола Павла – утверждение единства христианства в виде безусловного обоюдного признания церквей в Иудее и основанных им церквей в Сирии, Киликии (1. 21) и в других местах. Павлу важно также взаимное признание апостольских усилий среди иудеев и апостольства самого Павла среди язычников. Как образец обращенного ко Христу язычника Павел берет с собою в Иерусалим Тита, эллина и необрезанного (2. 1, 3). В книге Деяний о присутствии в Иерусалиме Тита не сообщается.

Книга Деяний сообщает об общем заседании апостолов и пресвитеров (Деян 15. 6), которое состоялось по требованию иудеохристиан фарисейского происхождения. После длительной дискуссии были представлены мнения трех сторон. Сначала слово взял апостол Петр, который, сравнивая опыт собственной миссионерской деятельности, обращение Корнилия сотника (Деян 10. 1 – 11. 18), с результатами миссии апостола Павла, фактически поддержал точку зрения последнего: как иудеи, так и язычники спасаются благодатью по вере, а не за дела закона. «Бог дал им свидетельство, даровав им Духа Святаго, как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верою очистив сердца их. Что же вы ныне искушаете Бога, желая возложить на выи учеников иго, которого не могли понести ни отцы наши, ни мы? Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа спасемся, как и они» (15. 8-11). Затем собрание выслушало «Варнаву и Павла, рассказывавших, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников» (15. 12). Последним выступил брат Господень Иаков, обладавший большим авторитетом в Иерусалимской церкви и являвшийся фактическим главой консервативных иудеохристиан. Он высказал свое уравновешенное суждение (15. 19-20), которое было принято собранием как общее решение.

Книга Деяний подробно останавливается на решениях собора, изложенных в виде послания языкохристианам Антиохии, Сирии и Киликии (Деян 15. 23-29). Это послание и составляет постановление Иерусалимского собора апостолов. Важно то, что решения собора рассматриваются как деяние Святого Духа. Слова «угодно Святому Духу и нам» которыми начинается изложение постановлений (15. 28), стали образцовой формулой для последующих церковных соборов в истории Церкви. В послании Иерусалимского собора речь идет об официальном признании Иерусалимской церковью («апостолы, пресвитеры и братья») миссионерской деятельности апостола Павла среди язычников при условии соблюдения самых необходимых требований общения христиан из иудеев с христианами из язычников.

Сообщения Павла и Луки согласны в том, что предпосылка дискуссии, состоявшейся на соборе в Иерусалиме, – признание допустимости миссии среди язычников. Принципиальные проблемы вхождения язычников в Церковь подробно обсуждаются евангелистом Лукой в Деян 10. 1 – 11. 18. Как «лжебратья» из Гал 2. 4, так и уверовавшие «из фарисейской ереси» (Деян 15. 5) были готовы принять языкохристиан при условии их присоединения к завету Бога с Израилем, что с необходимостью требовало обрезания.

В книге Деяний Иерусалимский собор апостолов представлен как поворотный момент и центр исторической картины раннего христианства. На этом соборе был официально закреплен переход от начальной Церкви в Иерусалиме к вселенскому языкохристианству широкой апостольской миссии.

Согласно книге Деяний Иерусалимский собор апостолов завершился решением послать в Антиохию с Павлом и Варнавой «Иуду, прозываемого Варсавою, и Силу, мужей, начальствующих между братьями», вручив им послание собора языкохристианам Антиохии, Сирии и Киликии (Деян 15. 22-29). В библеистике это послание часто называется «Апостольским декретом». Это послание должно сообщить решение, принятое уполномоченной коллегией, т.е. апостолами и пресвитерами в согласии со всей церковью (Деян. 15. 22). Содержание послания отражает предложение Иакова: **не возлагать на языкохристиан «никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда»** (15. 20, 28-29). Так называемый «западный» текст книги Деяний, к которому восходит и Синодальный перевод на русский язык, к этим условиям добавляет некоторые этические требования, в частности «золотое правило» не делать другим того, чего не хотят себе. Обрезание среди условий не упоминается, т.к. его необязательность для язычников подразумевается в 15. 19, 28: «не затруднять обращающихся к Богу из язычников». Это и означает не требовать от них обрезания. Решение собора решает проблему, как она представлена в Деян 15. 1, 5 и в соборной речи апостола Петра (15. 7-11). Эта проблема состояла в принципиальной для ветхозаветной традиции возможности вхождения язычников в Церковь Божию. С одной стороны, решения собора должны были удовлетворять самым минимальным требованиям закона Моисея, с другой стороны, они должны были для языкохристиан открыть возможность общения с иудеохристианами и облегчить языческую миссию вообще. Условия, сформулированные в 15. 28-29, находили компромиссное решение проблемы. Они требовали соблюдения предписаний Лев. 17-18. Во-первых, запрещалось всякое участие в языческие жертвоприношениях (Лев. 17. 7-9), в том числе запрещалось вкушение «идоложертвенного», т.е. мяса, оставшегося от языческих жертвоприношений. Во-вторых, запрещалось вкушение крови и удавленины (Лев. 17. 10-14). Эти два запрета фактически представляли собою одно требование, т.к. под «удавлениной» имелось в виду мясо животных умерщвленных без истечения крови. Под «воздержанием от блуда» подразумевался запрет родственных браков и половых извращений (Лев 18. 6-30). Тем самым гарантировалась возможность общения (прежде всего за трапезой) обрезанных иудеохристиан с необрезанными языкохристианами.

Дальнейшая история христианства показала, что постановления собора имели временное значение. Они предполагали «известное равновесие иудейского и языческого элементов в Церкви. С распространением христианства среди язычников это равновесие все более и более нарушалось в пользу христиан языческого происхождения». Что касается иудеохристиан, то и для них освобождение от закона было неизбежным следствием разрушения Иерусалимского храма в 50 г. Р.Х.

2-е миссионерское путешествие. Вернувшись в Антиохию, Апостол Павел в сопровождении Силы предпринял второе Апостольское путешествие. Сначала он посетил ранее основанные им церкви в Малой Азии, а затем перешел в Македонию, где основал общины в Филиппах, Солуни

и Верию. В Листре святой Павел приобрел любимого ученика своего Тимофея, а от Троады продолжал путешествие с присоединившимся к ним Евангелистом Лукой. Из Македонии святой Павел перешел в Грецию, где проповедовал в Афинах и Коринфе, задержавшись в последнем на полтора года. Отсюда он послал два послания к Солуньянам. Второе путешествие длилось с 51 по 54 год. Потом святой Павел отправился в Иерусалим, посетив по пути Эфес и Кесарию, а из Иерусалима прибыл в Антиохию.

Весьма поучительно проповедь апостола в афинском ареопаге (городском форуме). Не нападая прямо на языческие верования афинян, ап. Павел находит некоторую зацепку в их религиозности – отмечает их особую набожность, почитание «неведомого Бога». Отсюда он отталкивается в своей проповеди, постоянно используя осторожные, сдержанные выражения.

3-е миссионерское путешествие. После недолгого пребывания в Антиохии Апостол Павел предпринял третье Апостольское путешествие (56-58 гг.), посетив сначала, по обычаю своему, ранее основанные малоазийские церкви, а затем остановился в Эфесе, где в течение двух лет занимался ежедневно проповедью в училище Тиранна. Отсюда он написал свое послание к Галатам (по поводу усиления там партии иудействующих) и первое послание к Коринфянам (по поводу возникших там беспорядков и в ответ на письмо Коринфян к нему). Народное восстание, поднятое серебряных дел мастером Димитрием против Павла, заставило Апостола оставить Эфес, и он отправился в Македонию, а затем в Иерусалим.

В Иерусалиме из-за возникшего против него народного мятежа Апостол Павел был взят под стражу римскими властями и оказался в заточении, сначала при проконсуле Феликсе, а потом при сменившем его проконсуле Фесте. Это случилось в 59 году, а два года спустя Апостол Павел, как римский гражданин, по его желанию был отправлен в Рим на суд кесаря. Потерпев кораблекрушение у о. Мальты, Апостол только летом 62 года достиг Рима, где пользовался большим снисхождением римских властей и свободно проповедовал. Из Рима Апостол Павел написал свои послания к Филиппийцам (с благодарностью за присланное ему с Епафродитом денежное пособие), к Колоссянам, к Ефесянам и к Филимону, жителю Колосс (по поводу бежавшего от него раба Онисима). Все эти три послания были написаны в 63 году и отправлены с Тихиком. Из Рима же вскоре написано и послание к палестинским евреям.

Дальнейшая судьба Апостола Павла в точности не известна. Некоторые считают, что он оставался в Риме и по повелению Нерона был предан мученической смерти в 64 году. Но есть основания предполагать, что после двухлетнего заключения и защиты своего дела перед сенатом и императором Апостол Павел был освобожден и снова путешествовал на Восток. Указания на это можно найти в его «пастырских посланиях» — к Тимофею и Титу. Пробыв долгое время на острове Крит, он оставил там своего ученика Тита для рукоположения пресвитеров по всем городам, что свидетельствует о рукоположении им Тита в епископы Критской церкви. Позже в своем послании к Титу Апостол Павел наставляет его, как проходить обязанности епископа. Из этого же послания видно, что он предполагал провести ту зиму в Никополе, близ родного Тарса.

Весной 65 года он посетил остальные малоазийские церкви и в Милете оставил больного Трофима, из-за которого произошло возмущение против Апостола в Иерусалиме, повлекшее за собой его первое заключение. Проходил ли Апостол Павел через Эфес, неизвестно, так как он говорил, что пресвитеры ефесские уже не увидят его лица, но он по-видимому, в это время рукоположил Тимофея во епископа для Эфеса. Далее Апостол прошел через Троаду и достиг Македонии. Там он услышал об усилении лжеучений в Эфесе и написал свое первое послание к Тимофею. Пробыв некоторое время в Коринфе и встретившись на пути с Апостолом Петром, Павел вместе с ним продолжал путь через Далматию и Италию, дошел до Рима, где оставил Апостола Петра, а сам уже в 66 году отправился далее на запад, дойдя, вероятно до Испании.

После возвращения в Рим он был снова заключен в темницу, в которой и находился до смерти. Есть предание, что после возвращения в Рим он проповедовал даже при дворе императора Нерона и обратил к вере во Христа его любимую наложницу. За это он был предан суду, и хотя милостью Божией избавлен был, по собственному выражению, от львиных челюстей, то есть от съедения зверями в цирке, однако был заключен в темницу.

После девятимесячного заключения он был усечен мечом, как римский гражданин, недалеко от Рима в 67 году после Р. Х., в 12 год царствования Нерона.

При общем взгляде на жизнь Апостола Павла видно, что она резко делится на две половины. До своего обращения ко Христу святой Павел, тогда Савл, был строгим фарисеем, исполнителем закона Моисеева и отеческих преданий, думавшим оправдаться делами закона и ревностью к вере отцов, доходившей до фанатизма. После своего обращения он стал Апостолом Христовым, всецело преданным делу евангельского благовестия, счастливым в своем призвании, но сознающим свое собственное бессилие при исполнении этого высокого служения и приписывающим все свои дела и заслуги благодати Божией. Вся жизнь Апостола до обращения, по глубокому убеждению его, была заблуждением, грехом и вела его к осуждению. Только благодать Божия извлекла его из этого губительного заблуждения. С этого времени Апостол Павел старается лишь быть достойным этой благодати Божией и не уклоняться от своего призвания. Он сознает, что нет и не может быть речи о каких бы то ни было заслугах перед Богом: все — дело Его милости.

Апостол Павел написал 14 посланий, представляющих собой систематизацию христианского учения. Эти послания, благодаря его широкому образованию и проницательности, отличаются большой самобытностью.

Апостол Павел, как и Апостол Петр, много потрудился в распространении Христовой веры и справедливо почитается вместе с ним «столпом» Церкви Христовой и первоверховным Апостолом. Они оба мученически скончались в Риме при императоре Нероне, и их память празднуется в один день.

ОСНОВНЫЕ ПЕРИОДЫ В ИСТОРИИ МИССИОНЕРСТВА, ИХ ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСОНАЛИИ, РОЛЬ ЦЕРКВИ В КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ

История духовного просвещения Руси начинается со св. апостола Андрея, прошедшего по преданию русские земли и установившего на киевских горах крест. Следующим было посещение южных краев России Кириллом и Мефодием во время путешествия их к хазарам. Вскоре пришло время создания славянской письменности для перевода на славянские языки Священного Писания и богослужения... Ко времени просвещения киевского князя Владимира существовала уже значительная духовная христианская литература.

Путь Ольги, мудрой государственной деятельницы, был очень непрост. Мы знаем, как она стала христианкой, крестилась в Царьграде и возвратилась в Россию. Она всю жизнь пыталась привести ко Христу своего сына Святослава, но его дикая, необузданная натура так и не поддавалась ее влиянию. Не сразу пошел за Ольгой и ее внук. Правда, Святослав любил и уважал мать; ее похороны были устроены так, как она завещала — по христианскому чину. Много лет спустя ее внук Владимир принимает Св. Крещение и приносит христианство на Русь. Это был прежде всего личный пример великого князя Владимира Красное Солнышко и его дружины. Однако в летописи говорится, что воля князя была достаточно определенной: все, кто хотели быть друзьями князя, должны были последовать его примеру. И народ сошел в Днепр и крестился. Это можно назвать настоящим советом великого князя или как-то иначе — подробностей мы не знаем. Известно лишь, что никаких серьезных противостояний не было.

Владимир делит русскую землю на уделы и посылает своих сыновей в разные города. К примеру, князь Глеб приходит в Муром с дружиной и духовенством и предлагает жителям города креститься. Горожане отказываются. В таких случаях, по повелению князя Владимира, увеличивался размер подати или следовали другие меры, свидетельствовавшие о недовольстве князя. Но мы знаем лишь, что князь Глеб вышел из Мурома, поставил рядом с городом свой княжеский двор с теремом и храмом и начал править городом, находясь вне его стен и не требуя от жителей крещения. Довольно скоро Глеб погибает вместе с Борисом. Горожане его чтят, но не крестятся. И только при его преемнике князе Константине Муром принимает Св. Крещение.

По-видимому, примерно то же происходило и в других российских городах. Вместе с христианством в русские города пришла высокая культура (зодчество, книги, пение, ученость). По уровню просвещения эти города были выше тогдашних городов Европы. Дочь Ярослава Анна в домонгольский период становится королевой Франции и, в отличие от неграмотного мужа, владеет языками, высокой византийской культурой, которая была уже усвоена при дворе Ярослава. Монастыри как центры духовного и нравственного просвещения и воспитания были во всех крупных го-

родах (по образцу Киева). Вне городов первое время монастырей, возможно, не было. Между городами жило море непросвещенных народов, населявших русскую землю.

Так начиналось просвещение Руси в первый домонгольский период. Но Господь попустил, казалось, полное разорение поднимавшейся высокой христианской культуры и Православной Церкви. Татарское иго было временем разорения и одичания, когда при слове «татарин» в страхе бросали все и бежали в леса. Князь князя и брат брата предавал и продавал татарам. С народа собирали огромную дань, а вереницы русских людей шли на многочисленные невольничьи рынки Азии и Европы. В разоренных монастырях лишь кое-где теплилась жизнь. Страх перед «ненавистой рознью мира сего» охватил народ.

В это время монахи уходили в укромные лесные уголки. Монахи уходят по рекам в местности, населенные непросвещенными народами, и там ставят кельи, храмы и часовни. Они живут простой жизнью: ловят рыбу, возделывают землю, валят лес. И утверждают монашеский строй жизни. Эти маленькие группки монахов, идущие все глубже и глубже в дремучую чащу, и являются в то время просветителями русского народа. Они несут веру, образ молитвы, образ христианской жизни и своим примером учат местное население христианской жизни, отчасти внедряя среди них и высокую христианскую культуру. Именно они были проводниками духовной и культурной жизни и одновременно православной государственности.

Эта малая закваска понемногу давала свои плоды, хотя яркая, полноценная подвижническая жизнь во всей полноте раскрылась уже во времена преподобного Сергия. Его ближайшие современники Стефан Махрицкий, Димитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский – это его соратники, сотаинники. Св. Сергий ставит храм во имя Святой Троицы в глуши, чтобы «взирая на Св. Троицу, одолеть страх перед ненавистой рознью мира сего». Этот путь личного подвига на долгое время становится определяющим. Соратники и ученики преподобного Сергия основали около 150 монастырей. Это целая сеть новых обителей, где идет полноценная, высокая духовная жизнь.

Это было время, когда уже зашаталась и пала Византия, когда Григорий Палама отстаивал опыт молитвы, опыт веры перед обмирщенными учеными мужами Византии. А на Руси общими усилиями духовной закваской заквашивается весь русский народ. Отступает страх, народ получает благодатную силу для одоления «ненавистой розни мира сего». Преподобный Сергий вместе с митрополитом Алексием дают пример и властно противостоят этой розни. Вразумляется рязанский князь, новгородская вольница. Русь становится способной объединиться, чтобы противостоят татарскому игу и утвердить православную государственность. Основной характерный пример линии духовного просвещения в это время – друг и ученик преп. Сергия – Кирилл Белозерский. Он приходит на Белое озеро 60-летним и живет в землянке до самой кончины; его подвигом и подвигом его учеников и соратников просвещается огромный край.

Итак, первый этап просвещения Руси – князь Владимир, крещение русского народа и просвещение городов; второй этап – монашеская колонизация Руси – просвещение народа многочисленными монахами-отшельниками, идущими в глубь страны.

Преп. Сергий и его подвижники – это основная линия русского монашества. Труд, пост и молитва. Трудничество и постничество – это образ монашества. Маленькое поселение двух-трех монахов называлось початком; из них иногда рождались монастыри, а иногда вокруг поселялись крестьяне и появлялось село. Большие села превращались в города. Так возникли Устюг, Ветлуга, Кашин и др.

Основными руководителями народа в то время были монахи. Они же были основными воспитателями, учителями. Они учили любви к Церкви и Богослужению, постам, обрядам, укладу семейной и общественной жизни, навыкам труда. Они учили сознать себя русским, прививали культуру – делали разрозненные племена русским народом.

На севере финские племена присоединялись к Руси: ижоры, карелы, годи, чудь, черемисы, вотяки, мери, отчасти мордва, лопари и др. В это время монашеской колонизации племен, населявших русскую землю, особую роль играет святитель Стефан Пермский. Мы знаем его довольно подробное житие, написанное Епифанием Премудрым.

Стефан составляет зырянскую азбуку и начинает переводить Св. Писание и богослужение. В те времена (да и несколько веков позднее) это было делом неслыханным, на Руси такого еще не бы-

вало. Колонизация племен (и не только монашеская), населявших Русь, приводила к их обрусению, т.е. к потере национальной самобытности, ассимиляции племен к русскому образу жизни. Богослужение совершалось всюду на славянском языке, на местном говорили лишь проповедь и изъясняли Св. Писание и богослужение. Св. Стефан как бы умаляет славянский язык, славянское Богослужение, как бы опускает русскую культуру до уровня зырян.

Главное, что осталось после св. Стефана, – это опыт обращения к малому народу не с целью вовлечь его в русскую культуру и лишить самобытности, а с тем, чтобы умалиться до уровня этого непросвещенного народа, дать ему свою письменность, богослужение и Св. Писание на его языке. Это уникальный опыт. Много веков прошло, но не нашлось равного ему до XIX века. Только в XIX веке в связи с возрождением миссионерского дела и подъемом русской культуры, в связи с расширением внутренней миссии, направленной на просвещение российских народов, и внешней миссией, направленной на просвещение алеутов, китайцев и др., опыт XIV века был возрожден.

Третий период в истории русской православной миссии начинается с царствования Иоанна IV Грозного и продолжается до конца XVIII века. В 1552 г., когда Иоанну Грозному было 19 лет, произошло завоевание Казани, Казанского татарского царства. В 1556 г. присоединяется Астраханское царство, в 1582 г. начинается освоение Сибири. Освоение Сибири продолжается до самого конца XVII века. В 1697 г. последние восточные земли были освоены казаками. В русское государство вошли разные племена и народности, и прежде всего Казанское и Астраханское царства – татары. Им подчинены были финские и монгольские племена: черемисы, чуваша, мордва, вотяки, ногайцы, башкиры.

В середине XVII века в Нижнее Поволжье переселяются кочевые орды калмыков из Азии. В это время и Казанское, и Астраханское царства были уже мусульманскими. Другая часть татар, жившая не по городам, а по деревням, а также кочевые племена придерживались язычества. Различные языческие шаманские культы принимали и другие инородческие племена, жившие в этих областях. С христианством они были не знакомы, за исключением городов, где было много русских пленников. Взав Казань, Иван Грозный освободил около 60 тысяч русских пленников.

В Сибири в основном было три группы инородцев: племена финского (вогулы, остяки, самоеды), монгольского (киргизы, калмыки, буряты, тунгусы, якуты, чукчи, каряки, камчадалы) и тюрко-татарского происхождения. В финской группе было развито шаманство; это была самая дикая и малокультурная группа. Среди монгольских племен был распространен ламаизм, введенный в Сибирь ханом Кубаем в XIII веке.

Ислам привнес в Сибирь хан Ахмет-Гирей в XVI веке. Его принесли с собой и беженцы после завоевания Казанского и Астраханского царств при Иване Грозном. То есть ислам пришел в Сибирь всего лишь лет за 50 до того, как туда пришли казаки, а до ислама о христианстве там практически ничего не знали. И перед Русской Церковью, перед русским народом встала задача – просветить светом Христовым, светом Православия пространство в восемь раз большее, чем недавно еще вся тогдашняя Русь.

Племена, населявшие эти пространства, были не только разноязычными, но и разными по вере, образу жизни, по происхождению, быту. Громадные пространства и суровый климат Сибири, кочевой образ жизни населявших ее племен, а также малая населенность этого края затрудняли постоянные контакты с местными народами, как и крайне низкий уровень развития кочевников. Эти края медленно осваивались государством, причем государственные чиновники отнюдь не всегда были примером христианства. Другая особенность – это то, что миссионеры того времени не имели никакой специальной подготовки. Они не знали языка местных народов, их верований, их быта, не имели никаких пособий по миссионерской работе. Но когда находились духовно просвещенные миссионеры, знавшие местные языки, результат бывал тут же заметен: инородцы тысячами принимали христианство.

В основном этими миссионерами были люди, которые с детства или с юности контактировали с этими народами и знали местные обычаи и язык. Опыта миссионерской деятельности Россия тогда не имела, а настоящих миссионеров не было со времен Стефана Пермского. Пропитанные православным духом монахи, казаки привлекали к себе инородцев, но что-то прочное, надежное получалось лишь тогда, когда инородцы попадали в русскую среду. Не было и речи о том, чтобы на местном языке звучало слово Божие – не было ни местной письменности, ни даже азбуки.

Пришедшие в христианство инородцы хотя и участвовали в богослужениях, но ничего по-русски не понимали. Таким образом, даже потянувшиеся к христианству язычники оставались жить в языческой среде, и в христианство глубоко не укоренялись.

Другая трудность была особенно характерна для татар: будучи завоеванными русскими, они сохраняли к ним недоверие, а к нашей вере – неприязнь. Этому часто способствовала и политика государственных чиновников, которые начинали свою деятельность с разрушения мечетей, кумиров и кумирен.

Самыми многочисленными и самыми культурными были татары. Они не забыли о том, что в течение двух веков господствовали на Руси. Антагонизм по отношению к русским и ко всему русскому (политический и религиозный) постоянно жил в среде татар, парализуя и русскую политику, и русскую духовную миссию. Инородцы как бы ушли в себя и в течение долгого времени оставались загадкой для русских. Даже проповедь христианская как бы скользила по поверхности. Самыми податливыми оказались шаманские племена, крепче них были ламаисты, но еще крепче были татары. Ислам захватил практически все татарские народности, так что в течение долгих веков слова «татарин» и «магометанин» были синонимами.

И все-таки просвещение шло. В Казани, в течение девяти лет (с 1555 по 1564) подвизался св. архиепископ Гурий. При нем были обращены в христианство тысячи татар, построены школы, храмы, монастыри; он защищал татар от произвола чиновников, учил их. Св. Гурий постоянно проповедовал и трудился, даже больной до самой своей кончины. Перед кончиной он призвал к себе архимандрита Варсонофия, и принял от него схиму. Скончался он в декабре 1564 г. и погребен за алтарем храма Спасо-Преображенской обители. Его ближайшим соратником был архимандрит Варсонофий. Позднее он основывает монастырь в честь Преображения Господня, строит церкви; много проповедует, чему способствует знание языка.

Народ чтит Варсонофия. По его молитвам исцелялись больные; он известен был своей ученостью. Почил в 1576 г. и был погребен рядом со святителем Гурием, с которым его связывала при жизни большая духовная любовь.

Третьим просветителем татар был Герман – преемник Гурия в управлении Казанской епархией. Герман скончался в 1569 г. С тех пор появились целые обширные православные татарские поселения (с того времени их называли «старокрещенами»), много крещеных татар было и в самой Казани.

ОБЗОР МИССИИ СВВ. КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Братья Константин (в монашестве – Кирилл) и Мефодий были родом из Солуни. И в самом городе, и в его окрестностях в то время уже проживало много славян, и с детства братья были двуязычны – кроме родного греческого владели македонским славянским диалектом.

В 862 году моравский князь Ростислав направляет в Константинополь послов с просьбой отправить к нему миссионеров, которые могли бы помочь ему в укреплении христианства на славянских землях. Патриарх Фотий немедленно откликается на эту просьбу, тем более, что это затрагивало и другие интересы – необходимость противостоять культурной и политической экспансии Германии.

Было решено направить с этой миссией Константина и Мефодия – Константин был прекрасно образован, Мефодий зарекомендовал себя хорошим дипломатом, оба они уже показали себя во время хазарской миссии и, что не маловажно, хорошо владели славянским языком.

Константин перед отправкой в моравские земли работает над созданием славянской азбуки, грамматики, переводит на славянский язык Священное Писание и Богослужение.

Итак, трудами Константина составляется азбука, переводится Евангелие, прежде всего воскресные и праздничные чтения, Апостол, некоторые богослужебные тексты. В то время это было непросто. Большая сложность заключалась в том, что в Европе (и не только там) существовало мнение, что есть лишь три священных языка: еврейский, латинский и греческий. Все остальные народы должны служить Богу на этих языках. Было опасение в том, что его не поймут, более

того, обвинят в ереси. Он собирает соратников и отправляется к князю Ростиславу. Понемногу у него появляются ученики и помощники: Климент, Наум, Ангеларий, Савва, Лаврентий и, конечно, Мефодий.

Не известно было, разрешат ли ему донести до славянского народа Богослужение и Священное Писание на их родном языке. Но это ему было дано. Князь его поддерживает, и он получает признание при дворе, получает союзников, учеников – и не только в вере, но и в государственном плане.

Из Рима с некоторой задержкой приходит не возражение против этой деятельности. Из Константинополя идет моравскому князю послание: «Бог, Иже велит всякому, дабы в разум истины пришли и на больший чин подвиг, видя веру твою и совет, сотворил ныне и в наше лето явле буквой ваш язык, егоже не ведаше было». В благословении патриарха и послании императора было указано, что через Кирилла дана грамота и духовное просвещение моравскому народу.

Конфликт с местным духовенством (поставленным из Германии) назревает: Баварский архиепископ теряет паству, немецким священникам приходится уходить, а в Моравии принимают тех священников, которые готовы служить на моравском языке.

Итак, этот конфликт переходит в Рим; римский папа переводит Моравскую землю из ведения немецких епископов в ведение епископа итальянского, Венецианского. И теперь, как сказано в житии, «Должен был Кирилл браниться» - прежде всего с латинскими архиереями и священниками. Споры эти оканчиваются ничем.

Интенсивно идет обучение и подготовка учеников. Как указывается в житии, ученики учаются богослужению – утрени, вечерне, часам и литургии. В этом видится основа всякого духовного просвещения и богословия – византийская Литургия. Из учеников выделяется Горазд - он хорошо знает латинский язык (видимо, окончил какое-то учебное заведение в Европе). Так проходят три года.

Чтобы противостоять латинскому священству, надо было сделать священниками учеников. Его же епископ – в Венеции, поэтому он собирается туда вместе с учениками, чтобы рукоположить их для службы на родном славянском языке. И, хотя абсолютно всё против, и по-человечески надежды не много на то, что что-то удастся, Константин, тем не менее, отправляется в Италию. С собой он берет мощи св. Климента, папы Римского, которые он обрел в Крыму. Прощаясь с князем Ростиславом, Константин отказывается от подарков, предлагаемых ему и просит только отпустить на свободу 900 пленников (возможно, греков). Подобное он сделал еще во время своей хазарской миссии – тогда он убедил освободить 200 невольников.

Путь в Венецию лежит через Венгрию, по земле князя Каца (Коцела), по земле полонской. Князь торжественно встречает братьев, и они живут у него около месяца. За это время удается собрать до 50 новых учеников, и все, что можно, передать им за это короткое время.

Собор итальянских епископов (их было около 20 и еще около 200 священников и монахов) тщательно готовился к встрече с Константином. О рукоположении священников речи быть не могло. Все они были настроены против богослужения на славянском языке и даже против грамоты на родном для славян языке.

Итальянские епископы и священники не могут ему противостоять, а с другой стороны, не могут его и принять. В результате он едет с учениками в Рим, где его торжественно встречает духовенство во главе с папой. Папа Адриан II не только торжественно встречает их, но и повелевает отслужить литургию на славянском языке несколько раз в римских храмах, а славянское Евангелие было положено на престол базилики Марии. Таким образом, славянский язык был легитимизирован в Риме. В Риме Константин живет около трех месяцев. За это время он знакомится со всеми видными людьми столицы Италии – и со священниками, и со знатью, и с простолюдинами. К нему приходят евреи и пытаются с ним состязаться в спорах о вере.

В результате путешествия в Рим была одержана победа – было разрешено Папой служить на славянском языке, были рукоположены три священника и три иподиакона. Константин чувствует приближение смерти и поэтому за 50 дней до смерти он принимает монашеский постриг с именем Кирилла. Перед смертью он так обращается к брату Мефодию: «Вот, брат, мы были с тобой

парою волов, пахавших одну борозду. Я на гряде падаю, скончав свой день, а ты крепко любишь гору Олимп. Неужели полосе нашей после меня остаться также недопаханной? Нет. Мое тебе крепкое завещание: никоим образом не моги ради горы Олимп оставить сего нашего учения, ибо последним скорее спасен будешь, чем первым (т.е. подвигом монашеским)». Мефодий обещает ему не уходить в Грецию, на Олимп, в свой монастырь, а идти заканчивать дело, которое они начали, и обещает закончить перевод Св. Писания на славянский язык. Похоронен был св. Кирилл в Риме, в 869 году.

В это же время приходит к папе послание от венгерского князя Коцела, через земли которого Константин и Мефодий шли в Венецию. Он просит папу прислать Мефодия и других учеников Кирилла. Папа тут же соглашается с условием, чтобы они шли не только в княжество Коцела (Паннонскую землю), но и к Ростиславу и Святославу Моравским и другим моравским князьям. Папа римский направляет Мефодия как посланника ап. Петра.

У князя Коцела идет широко проповедь Мефодия, уже священника, и других учеников Кирилла. Идет проповедь и у князя Ростислава и других князей; дело Богослужения на славянском языке ширится. По просьбе князя Коцела его область передается в подчинение папы, а Мефодия посвящают в епископа Паннонского. Мефодий возвращается в Паннонскую землю, к князю Коцелу, и начинается борьба не на жизнь, а на смерть с немецкими епископами, князьями и королем, продолжавшаяся до самой смерти Мефодия.

Вскоре он попадает на суд к немецким епископам. Зальцбургский архиепископ не признает решения папы. Вместе с немецким королем они после суда пленяют Мефодия и заточают в тюрьме в Швабию. Потребовалось вмешательство папы с угрозой отлучения всей Германии от Церкви, чтобы Мефодий был освобожден.

Недолго оставалось уже жить Мефодию. И ему удается на восемь месяцев отойти от всех дел и закончить то, что он обещал Кириллу - завершить перевод Библии. Были переведены фактически все книги Библии, Номоканон и некоторые творения святых отцов. К празднику Димитрия Солунского Мефодий заканчивает работу и торжественно празднует этот день как день окончания перевода Библии на славянский язык. Мефодий умирает во вторник на Страстной неделе 885 г. Погребение его совершили на трех языках: латинском, греческом и славянском.

После его смерти указом папы Стефана, уступившего давлению немцев, славянская миссия была ликвидирована, а ученики св. Мефодия изгнаны из Моравии. И, хотя миссия святых Кирилла и Мефодия не удалась среди западных славян, она принесла неожиданные плоды среди южных славян. Южные славяне все более и более обращают свой духовный взор ко Христу. Болгарский царь Борис, в 865 году получивший крещение, очень нуждался в миссионерах и поэтому, когда ученики свт. Мефодия достигли Болгарского царства, они были радушно встречены царем Борисом. Ученики св. Мефодия Климент и Наум ежедневно консультировали Бориса, продолжали переводить богослужебные книги, совершали богослужение. В 893 году Климент был поставлен в епископы Охридские.

Крещение Киевской Руси и распространение христианства в домонгольский период.

Рождением Русской Церкви считается год Крещения Руси при святом князе Владимире, когда христианство было провозглашено государственной религией.

По единогласному свидетельству литературных памятников христианство на Руси в это время нашло для себя самую благоприятную почву и с большим успехом укоренилось в русско-славянской среде. Можно отметить несколько естественных факторов, обусловивших быструю христианизацию Киевской Руси.

Во-первых, русские люди уже более века были знакомы с "греческой верой". Это и торгово-военные сношения с Византией, и обращение в христианство представителей княжеского двора и дружины, и близкое соседство юго-западных рубежей Руси с областями кирилло-мефодиевского влияния. Несомненно, в Киеве существовала более или менее многочисленная община христиан и даже было несколько православных храмов. Боярское окружение князя Владимира, еще

язычника, уже было расположено к христианской религии. Большую роль играл и авторитет "премудрой Ольги" - воспитательницы князя.

Во-вторых, византийская форма христианства пришла на Русь в одежде славянского языка, и поэтому благая весть о Христе сразу нашла себе доступ в сердца русских людей. "Русская Церковь воспользовалась всем, что греческая миссия успела выработать для просвещения славян еще раньше в других славянских странах – славянской Библией, славянским богослужением и первыми славянскими пастырями и учителями, и с самого же начала явилась в России Церковью национальной".

И, конечно, одним из важнейших был политический фактор, а именно "победа определенной тенденции в государственно-национальном самосознании", религиозная переориентация Киевского князя, его исторический выбор. Принятие христианства не стало только его личным делом, но сразу осознано, как государственная задача включения Руси в христианскую традицию культурного мира. Авторитет князя был очень высок. Это был прежде всего военный лидер, стяжавший себе славу собственной доблестью. Кроме того, вся армия (дружина) и высшие круги киевского общества поддержали в вопросе веры сторону князя.

Нельзя не отметить согласованное действие духовной и светской власти в целях христианского просвещения Руси. Наконец, к числу благоприятных факторов следует отнести национальные черты русско-славянского характера с его великодушием, мягкосердечием, честностью и гостеприимством, которому очень по сердцу пришлось возвышенное христианское учение с главной заповедью о любви; а также довольно низкая ступень развития славянского язычества, не имевшего строго выработанного ритуала с храмами и жреческим сословием.

Обращение киевлян проходило в несколько этапов. Вначале крестились члены княжеской семьи и оставшиеся язычники среди бояр и в дружине князя. Затем были низвергнуты с публичным порагунием идола Киева.

Прибывшие на Русь священники, знавшие славянский язык (видимо из Болгарии), стали оглашать народ евангельской проповедью. Уже на этом этапе было немало охотно принявших крещение. Но были колеблющиеся и явные противники. Тогда святой Владимир в ультимативной форме издал указ с назначением дня всеобщего крещения: "Аще кто не обрящется за утра на реце, богат ли или убог, или нищ, или работен, противен мне да будет". Народ не захотел огорчить своего правителя и не посмел нарушить его волю. 1 августа был проведен всеобщий чин крещения, "Священники читали положенные молитвы и крестили в водах Днепра и Почайны бесчисленное множество киевлян".

Можно ли говорить при этом о насильственном введении христианства на Руси? Думается, что нет. Это было внутренним делом государства, народ выполнял решение своего законного правительства. Князь был в отношении соплеменных ему русских людей, можно сказать отцом, ответственным за духовное здоровье и историческую судьбу своего народа. Как он прежде развращал его, заставляя служить идолам, так теперь имел "полное нравственное право" заставить бросить язычество и принять христианство. Подчиненные следовали примеру князя и бояр, рассуждая: "Если бы не добро это было, то не приняли бы они этого", примеру Киева - другие города, а за ними - пригороды и сёла. Везде собственно русско-славянское население охотно, без сопротивления принимало христианство. Пожалуй, единственным исключением, где введение новой веры носило принудительный характер, был Новгород. Сопротивление там было сломлено вооруженной силой. Но этот единственный факт, который не идет ни в какое сравнение с деятельностью западно-европейских королей, которые никогда не гнушались насильственных мер при введении христианства у своих подданных и жестоким образом подавляли всякое сопротивление. Так, например, Карл Великий, насаждая христианство на территории Бельгии, совершил пять военных походов и вырезал всю местную национальную элиту.

Равноапостольный Владимир стремился глубоко укоренить христианство в русской среде. Понимая важное просветительное значение православного богослужения, он повелел повсеместно строить храмы, особенно на месте бывших языческих памятников. К концу его правления в одном только Киеве было несколько сот церквей. Внешняя сторона христианского богослужения - красота храма, роскошь облачений, "престоянье дьякона" - поражала наших предков, очень чутких ко всему прекрасному.

Устроено было также множество школ и училищ в Киеве и других городах Руси и "введено обязательное школьное обучение всех сословий. Там же готовились и будущие пастыри Русской Церкви. Роль школьных учителей выполняло, как правило, духовенство.

Сам князь с представителями духовенства совершает "апостольские" путешествия в разные города Руси, где подобно Киеву, насаждает евангельские семена.

Уже в 922 г. Русская Церковь была разделена на восемь епархий, еще восемь образовались к середине XIII века. Несомненно, миссионерство было прямой обязанностью каждого епископа. Наиболее известны в этом отношении Новгородский епископ Иоаким Корсунянин и святые ростовские епископы Леонтий и Исаия. Святой Леонтий, например, столкнувшись с упорством взрослых язычников Ростова, сумел своей добротой и ласковым обращением найти подход к детской душе и через детей уже повлиял на обращение родителей. Епископии были центром книжного учения.

Уже в домонгольский период на Руси было очень много приходских священников, на плечи которых ложилась главная забота о духовном просвещении народа. Приходы образовывались самими князьями таким образом: князь с духовенством являлся в какую-либо область, крестил её население, делил область с крещеным населением на определенные участки, а затем отдавал распоряжение строить на каждом участке храмы, вокруг которых и создавались приходы (2,36). При великом князе Ярославе Мудром, который «насеял словами книжными сердца людей», почти при всех приходских церквях были устроены школы.

Своим миссионерским служением выделяется в этот период Киево-Печерский монастырь - крупнейший культурно-просветительный центр Киевской Руси. Помимо непосредственного сильного влияния на перемену мировоззрения и нравов окружающего населения и просвещения иноверцев Киева (братия монастыря была также многонациональна), он воспитал ряд замечательных миссионеров: святители Леонтий и Исаия, преподобные Кукша с учеником и Нифонт. Другие монастыри также несли просветительную функцию, но все они были городскими и возникали уже в христианизированной среде, поэтому их миссионерское значение не так выражено, как в другие периоды.

Святой Владимир разделил Русь на уделы между двенадцатью своими сыновьями и направил вместе с ними епископов и священников для миссионерской проповеди. Теперь каждый князь заботился о распространении христианства в своем уделе, и каждый стольный княжеский город становился центром христианства".

Как всегда большое значение играла благотворительность. После крещения произошла разительная перемена в нравах князя Владимира, которой дивились современники. Покровительство слабым и бедным, попечение об устройении больниц и богоделен стало обычным для него занятием.

Уже при жизни святого Владимира вся славянская Русь была крещена. Труднее обстояло дело с инородческой Русью. Сказывались отдаленность от центров христианства и определенный языковой барьер. Большое сопротивление оказывали язычники в Ростове (меря, весь) и в Муроме (мурома). Последний долго оставался без своего князя (после изгнания Глеба Владимировича) и был крещен только при правнучке святого Владимира – князе Ярославе-Константине Святославиче – в начале XII века. Князь прибыл в Муром с духовенством и целой колонией христиан христиан и очень ревностно заботился о просвещении своего княжества. Дольше всех оставались в язычестве радимичи и вятичи (славяне польского происхождения), занимавшие черниговскую и части Орловской и Калужской областей. Они жили самостоятельно до конца XI века (платили дань русским князьям, но не входили в состав Русской земли), не скоро сблизились с прочими русскими племенами и отличались грубостью своих языческих нравов. Крещены они были к середине XII века.

Борьба против христианства инспирировалась и поддерживалась языческими волхвами, особенно в годы народных бедствий, которые они приписывали гневу покинутых богов. Выступления эти носили часто не столько антихристианский, сколько антифеодальный характер, а волхвы примыкали к ним, используя их для реставрации язычества. Эти выступления имели мало успеха и подавлялись гражданскими властями. В большинстве случаев язычество не дерзало выступать открыто и укрывалось в глухие места Руси и в "темные уголки человеческого духа", но не стало

определять характер русской жизни. Хотя некоторое время существовало двоеверие, что вообще свойственно всякому переходному периоду. Почитались священник и волхв, и соблюдалось много старых верований и обрядов. Несмотря на это, многочисленные примеры святости домонгольского периода свидетельствовали о "быстрых всходах евангельских семян".

Результаты внешней миссии Русской Церкви зависели от направления, в котором она осуществлялась. На юге они были скромные. Половцы знакомились с христианством посредством пленных с обеих сторон в результате враждебных столкновений с русскими племенами. В 1169 году было взято в плен полторы тысячи нападавших половцев, многие из них крестились и даже приняли монашество. В 1223 г. после битвы на Калке с татарами многие половцы бежали в русские города и крестились. Позже (вторая половина XI - начала XII века) был и другой путь распространения христианства между ними через родственные связи половецких князей с русскими. Были случаи обращения в христианство крымских евреев.

На юго-западе и западе православие начало распространяться среди ливов, латышей и эстов, но вскоре было остановлено вооруженным натиском немецких военно-монашеских орденов. На востоке более успешной была миссия среди волжско-камских болгар, с которыми Русь имела тесные торговые сношения. Мусульманство у них не приняло еще нетерпимого характера. Уже святому князю Владимиру удалось привлечь несколько болгарских князей, которые крестились и остались у него на службе. Во второй половине XII в. святой Андрей Боголюбский старался воздействовать на души этих мусульман и язычников через великолепие христианского храма. Он приказывал всех приходивших инородцев-гостей водить в соборную церковь и ризницу: "пусть смотрят на истинное христианство и крестятся, что и бывало, – многие крестились".

Значительно активнее миссионерство распространялось в северных направлениях. Это были владения наиболее обширной Новгородской епархии, занимавшей Новгородскую и Архангельскую области, Кольский полуостров, а также большую часть или половину Финляндии и Петрозаводской, Петербургской и Псковской областей. К концу XII в. к ней относился "весь север до Белого моря и Ледовитого океана, северо-запад до финского залива и северо-восток до Уральских гор и реки Оби в Сибири". Жили здесь и коренные славяне, но основная масса – язычники-инородцы.

Раньше всех подверглись обрусению и христианизации ижорцы и корелы, но особенно успешно – в конце Киевского периода. В 1227 г. Новгородский князь Ярослав Всеволодович посылал к корелам христианскую миссию, и они все охотно крестились, пожелав быть одной веры с князем в благодарность за избавление их от воинственного племени "ямь".

Отдельные иноки-миссионеры просвещают чухонцев (святой Нифонт, середина XII века), чудь Олонецкого края (преподобный Кирилл Челмогорский с 1147 г.), инородцев Вологодского края (преподобный Герасим, середина XII в.).

Даже новгородская вольница, заняв города черемис и вотеков на реке Вятке в 1174 г., воздвигла там русские храмы и насаждала христианство в окрестностях.

Но в этих северных краях на инородцев оказывали отрицательное влияние соседние племена, например, Литва с ее более разработанным языческим культом и жреческим сословием, и финны, у которых сильно были развиты кудесничество и колдовство.

Миссионерское служение Русской Православной Церкви в Золотой Орде.

Настоящее исследование посвящено миссионерской деятельности Русской Православной Церкви в один из наиболее тяжелых периодов ее исторического бытия – в эпоху татаро-монгольского ига, на территории чужого и враждебного Руси государства – Золотой Орды.

После возвращения со своего великого завоевательного похода на Русь и Восточную Европу в половецкие степи внук знаменитого императора монголов Чингис-хана, хан Батый (1208-1256) основал в 1243 году огромное государство - улус Джучи. В русских летописях это государство называется Золотой Ордой, встречаются также названия Синяя Орда или Большая Орда. Хану Зо-

лотой Орды подчинялись: Русь, Половецкие земли, Таврида, Кавказские страны и все земли от устья Дона до реки Дуная. Столица нового государства - город Сарай - основана Батыем в 1253 году (расположена приблизительно в 100 км от современной Астрахани). Русские земли не входили в состав Золотой Орды, они рассматривались татарами как, хотя и зависимые от них государства, но имеющие своих князей.

Население Золотой Орды было этнически очень разнородным. Русские люди были там в большом числе в качестве пленников и рабов, а также было немало заложников - князей и знатных людей. На восточном берегу Дона по приказу Батыя было даже основано особое поселение - поселок русских, занимавшихся переправой через реку купцов и послов. В Сарае русские занимали особый квартал.

Религиозный состав Золотой Орды был представлен мусульманами, язычниками и христианами. Сами татаро-монголы до начала XIV в. Были язычниками и отличались значительной веротерпимостью. «Основным правилом их жизни служила Яса, или «Книга Запретов», со-державшая в себе законы великого Чингис-хана и строго предписывавшая эту веротерпимость и одинаковое уважение ко всем религиям». При дворе ханов как в Каракоруме - столице Великой монгольской империи, так и в Золотой Орде находились представители различных религий.

После покорения Руси, на основании Ясы, Русской Православной Церкви были дарованы значительные привилегии, хотя во время многочисленных походов татары нарушали эти запреты - грабили церкви и убивали священников и монахов. Тем не менее, в официальной политике Золотая Орда старалась оградить Православную Церковь от притеснений и гонений и предписывала ее служителям молиться за татарскую власть.

Принятие татарами со времени воцарения хана Узбека в 1313 году ислама не изменило их правил веротерпимости. По-видимому, этнические, культурные и исторические особенности этих народов привели к тому, что у них прижилась мягкая форма ислама в отличие от ислама «жесткого», который мы встречаем у турков и персов - современных иранцев.

«Русское миссионерство среди монголов берет свое начало с момента посещения ставки великого когана в Каракоруме русскими князьями, которые всегда имели при себе священников». Послы римского папы, бывшие в монгольской империи в 1246 и 1253 годах, видели при дворе императора русских клириков, которые проповедовали там христианство. В самой Золотой Орде миссионерскую деятельность открывает ростовский епископ Кирилл (1231-1261), дважды побывавший в Орде. В первую свою поездку святитель, по желанию хана Берке, рассказывал о русском миссионере - святителе Леонтии и о просвещении им ростовской земли, а также проповедал ему христианское вероучение. Летописи свидетельствуют о расположении хана к христианской вере. Во второй раз святитель Кирилл посетил Орду, будучи уже непосредственно приглашен ханом Берке с просьбой исцелить его больного сына. Ростовский святитель совершил чудо исцеления, свидетелем которого был родной племянник хана – будущий святой, царевич Петр Ордынский. Неотступно следовал он за епископом, слушая его проповеди. Евангельское семя глубоко запало в сердце молодого язычника - тайно он оставляет ханскую ставку и вместе со своим духовным отцом приезжает в Ростов. Там святитель крестил его с именем Петра. Впоследствии ордынский царевич построил церковь и монастырь, провел благочестивую жизнь и перед смертью принял монашеский постриг.

Но в широком масштабе миссия Русской Церкви в Золотой Орде стала осуществляться с устроением в 1261 году Сарайской епархии с первым епископом Митрофаном. Возникла она стараниями святых митрополита Киевского Кирилла II (1243-1286) и благоверного князя Александра Невского. Это событие отвечало и честолюбивым замыслам золотоордынских ханов, которые желали иметь при своем дворе «большого русского попа», как говорили татары. Здесь можно видеть и стремление подражать Великим монгольским императорам, которые имели в своей ставке представителей религий всех покоренных народов. Кроме того, Орда преследовала и некоторые политические цели, например, используя Сарайского епископа как посредника в сношениях с Византийской империей.

Со стороны Русской Православной Церкви главным назначением новой епархии было, конечно, духовное окормление православных русских людей в Орде, «где между неверными томились целые тысячи несчастных чад Православной Русской Церкви», как захваченных в плен тата-

рами в первое нашествие, так и пополнявшими это число вследствие новых татарских набегов. Кроме того, в юрисдикции Сарайского епископа находились русские люди, которые исполняли дипломатические функции или занимались торговлей, а также русские князья-заложники, нередко проживавшие в Орде по несколько лет. Помимо русских православной паствой Сарайского епископа были и греки и население кавказских епархий, проживавших на территории Орды. Впоследствии Сарайская епархия территориально разрасталась, в нее входили новые земли, в т.ч. и собственно русские: в 1269 г. Был присоединен Переяславль Южный (близ Киева); при митрополите Феогносте включены селения рязанского княжества, «стоящие по Дону-реке», и епископы Сарайские стали именоваться Сарайскими и Подонскими. В середине XV в. епископская кафедра была переведена в Москву на Крутицы, где с конца XIII в. было подворье Сарайских епископов, и стала называться Сарайской и Крутицкой.

Находившихся в условиях горького рабства православных людей нужно было благодатно и морально укреплять, напоминая им о духовной свободе, свободе от греха, дарованной человечеству Христом, которая не зависит от физического или политического статуса.

Второй задачей, которую призвано было решить образование Сарайской епархии, была миссионерская - обращение в христианство язычников-татар и еретиков-несториан и яковитов, бывших в значительном количестве в войске татар и при дворе их хана. Об этом служении мы узнаем по деятельности второго Сарайского епископа Феогноста. Это был просвещенный иерарх своего времени, трижды он посетил Константинополь, где как знаменитый русский епископ пользовался уважением. Особенно важна для нас вторая поездка епископа Феогноста на Константинопольский Собор 1276 года, где были разрешены недоуменные вопросы пастырско-литургического характера. Круг этих вопросов свидетельствует об обширном поле миссионерской деятельности Русской Церкви в Сарайской епархии. Так, например, речь на Соборе шла о переносных походных престолах, которые могли быть в употреблении в отдаленных кочевых станах, где жили православные христиане и новокрещенные. Собору был задан вопрос: «Подобает ли, освятив трапезу, переносить ее с места на место и на ней литургисать?» Собор ответил утвердительно: «Подобает, ибо это по нужде; переходящие и кочующие не имеют для себя постоянного местопребывания; только надобно охранять ее со всем благоговением и страхом, поставлять ее на чистом месте и служить на ней». Походные престолы скорее всего самостоятельно не употреблялись, но находились в походных церквах. Материалом для них мог служить войлок, из которого изготавливались кибитки, т.к. другого строительного материала не было. Такие храмы-кибитки на колесах легко могли следовать в ханских передвижениях по кочевьям. Основанием для этого предположения может служить свидетельство одного арабского хрониста о разбивке походной церкви при кочевой ставке хана Хулага.

Другой вопрос епископа Феогноста касался совершения таинства Крещения. По практике Православной Церкви оно совершалось через погружение, но в случае, если кочевье располагалось в степи у колодцев, крестить в них было невозможно; также затруднительно было возить с собой большие крещальные сосуды. И поэтому возникали недоумения, как поступать, «если пожелает креститься какой-либо татарин, а сосуда велика для погружения его не будет; ... не встретится ни реки, ни озера, где бы можно было погрузить?» Был получен ответ: «Пусть обливают его, произнося трижды: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». В случае нужды мог крестить и причетник. Несториан и яковитов предписывалось присоединять через миропомазание с обязательным отречением от своей ереси. Другие вопросы касались совершения литургии при отсутствии виноградного вина. «Должно ли служить (Литургию) с сухим виноградом или нет?» Ответ: «Если где, в какой-либо земле, совсем не будет вина, пусть выжмут свежую виноградную лозу, но не сухую». То есть эти вопросы касались местной практики Сарайской епархии, которая была приспособлена к нуждам верующих и новокрещенных.

Третье путешествие епископа Феогноста в Константинополь в 1279 г. Было предпринято по поручению митрополита Киевского Кирилла и золотоордынского хана Менгу-Темира, которые послали Сарайского епископа с определенной дипломатической миссией к Константинопольскому патриарху и Византийскому императору. В эту поездку был также разрешен вопрос, касающийся брака ханской дочери и Ярославского князя Феодора. «Несмотря на то, что, по требованию князя, и сама невеста и родители ее изъявили полное согласие, чтобы она крестилась, признано было необходимым испросить разрешения и благословения на брак у Константинопольского патриарха. И

когда епископ Сарайский возвратился с благоприятным ответом, невеста приняла святое Крещение с именем Анны и сделалась супругой Феодора». После этого подобные браки были нередким явлением, и татарские княжны свободно принимали христианство и, таким образом, проповедывали христианскую веру среди соплеменников уже примером своей личной жизни. Например, Анна с князем Феодором прожили в Орде несколько лет. Христоробивый князь построил несколько храмов в улусах Орды. Дети этой благочестивой четы, святые князья Давид и Константин, также родились в Орде и получили воспитание в православной вере и христианских добродетелях. Когда семья переселилась в Ярославль, княгиня Анна построила там много храмов, прославилась добродетельной жизнью и перед смертью приняла монашество с именем Анастасии. За свое благочестие вся семья была причислена к лику святых. Были и другие примеры подобных браков, когда татарские княжны, выходя замуж за русских князей, принимали православную веру и оказывали благотворное влияние на язычников. Так Великий князь Георгий Данилович Московский был женат на сестре хана Узбека, Кончаке, а удельный Белоозерский князь Глеб Василькович - на близкой родственнице хана Берке. Относительно миссионерской деятельности других Сарайских епископов исторических свидетельств не сохранилось, но есть основания полагать, что она была такой же плодотворной.

В Сарайской епархии были православными не только русские и греки, но также знатные и простые татары, жившие по кочевьям в разных местах Золотой Орды». Многие из них добровольно переходили на службу русским князьям, и те позволяли им селиться в русских городах, женили на своих дочерях. И эти выходцы уже в русском войске становились защитниками новой родины и христианской веры.

Ханских князей-чингисидов, приехавших на Москву зимой, жаловали шубой, а прибывшим летом присваивали княжеский титул. Впоследствии они становились родоначальниками таких русских знатных фамилий, как Мещерские, Сабуровы, Годуновы, Старковы, Адашевы, Глинские, Строгановы, Поливановы, Белеутовы и др. Часто обращение таких князей в Православие сопровождалось массовым крещением их подданных и слуг. Все наши православные историки единогласно свидетельствуют о том, что обращение татар в православную веру - это плоды миссионерского служения Русской Церкви.

После 1313 года, когда ислам в Золотой Орде стал господствующей религией, на Русь уходили многие монголы-несториане, не желавшие принимать религию Магомета.

Некоторые татары, временно проживавшие на Руси по роду своей деятельности, иногда вынужденно принимали Крещение ввиду угрозы расправы возмущившихся русских людей - особенно это касается баскаков. Но потом они становились добрыми христианами - таковы, например, баскак Великого Устюга татарский вельможа Багут - впоследствии - Иоанн Устюжский; он основал Иоанно-Предтеченский монастырь и своей добродетельной жизнью приобрел себе всеобщую любовь, также дед преподобного Пафнутия Боровского, Мартин в крещении и другие.

Широко известна миссия святителя и чудотворца митрополита Московского Алексия (1354-1378), исцелившего в Орде жену хана Чанибека, Тайдулу. Это чудо, свидетелем которого был сам хан со своими сыновьями, князьями и вельможами, поразило всех. Исцеленная царица выдала святителю особый ярлык и перстень и подарила участок земли в Кремле, где находилось подворье хамских баскаков и где впоследствии был основан Чудов монастырь. Вообще, с воцарения хана Узбека в 1313 году было установлено, чтобы «на будущее время ко вновь вступающим на престол ханам являлись за получением утвердительных ярлыков не только князья, но и митрополиты». Поэтому и Московский митрополит Петр путешествовал с этой целью в Орду. Светлая личность предстоятеля Русской Церкви оказала на хана такое благоприятное впечатление, что, по словам летописи, святой Петр «у царя бысть в чести велицей и отпущен бысть от царя со мною честию». В просторном ярлыке, дарованном святителю, были значительно расширены прежние права митрополитов. Кроме того, есть мнение ученых, что успешная миссия святителя Петра сорвала планы Римского папы с помощью немецких послов водворить в Золотой Орде католического епископа подобно нашему Сарайскому. Как один из факторов православного влияния в Орде можно признать то обстоятельство, что у ряда золотоордынских ханов были жены-христианки. Существовала даже особая традиция, ведущая начало от хана Узбека, что старшие жены ханов покровительствовали христианам и ведали их делами.

И, конечно, нельзя умолчать о такой проповеди христианства в Золотой Орде, которая была запечатлена мученической смертью русских князей - Михаила Черниговского с боярином Феодором и Романа Рязанского. Они явили образцы мужественного исповедания и стойкости за веру Христову, что, несомненно, произвело сильное впечатление на суровых и жестоких татарских воинов и не могло не вызвать в их сердцах чувства уважения к религии русских.

Военные походы татаро-монголов на Русь, дипломатические и торговые отношения, наконец, семейные узы вызывали тесное общение между этими двумя разнородными государствами, и татары могли наблюдать на Святой Руси примеры глубокой веры и высокой духовно-нравственной жизни, возможно они были непосредственными свидетелями проявления благодатных дарований у православных русских людей, среди которых немало было и явных угодников Божиих. Такая осведомленность татар о внутренней духовной жизни русских видна, например, из пригласительного послания хана Чанибека в Москву: «... мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего: да испросит же он здрочья моей супруге». И может быть эта немая проповедь, благовестие самой жизнью святых русских людей имели не меньшее значение, чем убеждение словом.

Из Золотой Орды русские клирики, ремесленники, купцы, строители несли православную веру и русскую культуру дальше, вглубь на восток. В качестве союзников татаро-монголов русские воины осваивали Сибирь, Азию и Дальний Восток. В период монгольского ига, как свидетельствуют китайские историки, русские появились в Китае. В состав пекинской гвардии входил Русская рота, которая имела свое управление и особый лагерь, где русские воины занимались земледелием, охотой и рыбной ловлей.

Как мы видим, на миссионерском поприще в Золотой Орде подвизались многие представители Русской Православной Церкви, люди разных национальностей и социальных групп. Воплотив в своей жизни христианский идеал, с мудростью и кротостью насаждали они евангельское семя на nive сердец воинственного и необузданного душой народа, просвещая его светом Христовой веры и полагая основы новой, духовной, жизни. И несмотря на необычайно-тяжелые условия, в которых находилась Русь и Русская Церковь, значительный успех этой миссии свидетельствовал о сохранившейся живой вере и глубоком православном самосознании русских людей, проходивших это апостольское служение.

СТЕФАН ПЕРМСКИЙ

Выход Стефана на проповедь. Успех миссии в первые годы. Миссия св. Стефана началась с г. Пырас (ныне – г. Котлас), куда он прибыл осенью 1379 года, где много проповедовал зырянам о ложности их богов. В те времена главными божествами зырян были Войпель («ночное ухо» – повелитель холода и непогоды) и Йомала. Также поклонялись они солнцу, огню, воде, деревьям и животным. Знали они и Великого Духа, называемого Ен, но считали его бесконечно далёким и недоступным для поклонения людей. Особым почётом в среде зырян пользовались туны – волхвы и кудесники. Они и стали главными врагами Стефана. Прошло немало времени, пока речи его тронули сердца язычников, но после уже сами жители просили проповедника научить их христианской вере.

Святитель возблагодарил Бога за первый успех проповеди, построил часовню во имя св. Николая Чудотворца, и, взяв с собою несколько спутников из числа новообращённых, отправился далее, вглубь Перми.

Многие, слышавшие проповедь Стефана, уверовали и пожелали креститься. Но было и немало тех, которые отвергли его, и от которых пришлось преподобному претерпеть немало скорбей и поношений.

Из Пыраса св. Стефан со своими спутниками добрались до селения Гам. Но гамичи, подстрекаемые жрецами, кинулись на него с неистовыми криками и угрозами, желая убить его. Однако и тут Господь хранил его: видя кроткий и смиренный вид Стефана, слыша речи его на родном для них языке, жители села сменили гнев на милость, и стали внимать проповеди стефановой.

Однако, проповедуя в Гапе, Стефан понял, насколько местный народ предан идолослужению, и рассудил, что, пока не будут истреблены местные идолы, успеха ждать не придётся. И тогда Стефан, выбрав время, когда возле кумирницы в заповедной роще не было народа, поджёг её. Гамичи, заметив дым, сбежались всем селом на место сожжения идолов, и смотрели на святителя со страхом и недоумением, не зная, что делать: одни призывали убить его, другие говорили, что убийство «посла московского» чревато опасными последствиями, и считали, что поруганные боги сами должны за себя отомстить, третьи же говорили: «Беда, что он не начинает первым, вот если бы он хоть однажды начал, мы бы растерзали его». Здесь имеется в виду то, что Стефан, обращая зырян в христианство, действовал только силой слова, и никогда не прибегал к насилию, и даже при угрозе физической расправы никогда не отвечал ударом на удар, являя собой образец христианской кротости и смирения.

После просвещения Гама Стефан отправился далее вверх по Вычегде и дошёл до места впадения в неё реки Вымь. Здесь располагалось зырянское поселение, возле которого святитель построил себе келью. В полукилометре от него находилась прокудливая берёза: «Слово "прокудливая" имеет тот же корень, что и "кудесник", а потому означает, что именно возле нее с особым успехом шаманили главные жрецы-кудесники зырян. То была главная святыня всей Перми Великой. Стефан собственноручно срубил ее и сжег. С воплями гнева и ужаса сбежались зыряне спасать божество. А между тем оно позорнейшим образом превращалось в пепел, не в силах изменить свою горькую участь. И опять, готовый к смерти, Стефан молился, воздев руки, и ничего не отвечал на гневные крики язычников. И опять его готовность кротко принять любую участь обезоружила врагов».

Епифаний в своём произведении целую главу поучению, сказанному св. Стефаном в Усть-Выми, в связи с сокрушением идолов, в которой он призывал зырян оставить языческие заблуждения. «...Зачем поклоняетесь вы идолам, и почитаете их, и богами называете их, истуканов идольских? Кумиры ваши – это куски дерева бездушные, дело рук человеческих. Они рты имеют – и не говорят, уши имеют – и не слышат, глаза имеют – и не видят... А христиане веруют в Бога, и чтут, и славят Его. И я вам говорю, что Он есть истинный Бог, и нет инаго Бога, кроме Него...».

И многие же уверовали, слыша слова Стефана, а многие же остались в язычестве и не было мира между ними, как пишет Епифаний.

В Усть-Выми же св. Стефан построил первый храм на зырянской земле, названный им в честь Пресвятой Богородицы. Как пишет св. Епифаний, Стефан постановил праздновать праздник воздвижения церкви 25 марта.

Победа св. Стефана над Памом-Сотником. Но распространение христианства не могло не тревожить местных жрецов. Доселе встречавшиеся св. Стефану волхвы не могли противостоять ему. Но выше по реке Выми жил главный жрец зырян, волхв по имени Пам. Как и многие колдуны зырянские он фактически был одним из местных князей, и имел своей столицей укрепленное селение Княжпогост. Согласно Вычегодско-Вымской летописи, Пам неоднократно участвовал в вооружённом походе на Стефана, но при этом трижды терял зрение и по молитвам святого прозревал.

А в самом начале миссии Стефана, противясь распространению новой веры, когда подкупам и подарками, а когда и силой, пытался отвратить от христианства новообращённых зырян, но больших успехов в этом не достиг, и это приводило его в ярость.

В конце 1380 года, т.е. спустя год с момента появления св. Стефана в Перми, он стал собираться в путь, чтобы лично вступить в борьбу со Стефаном, надеясь уничтожить и посрамить его.

Св. Епифаний пишет, что новообращённые зыряне отнеслись к этому намерению Памы с изрядной долей скепсиса: «Безумный старец, зачем ты похваляешься, надеясь победить истенного раба Божия? Ведь сей Стефана и богов ваших с землёй сравнял, и не сумели они ему повредить, а со знаменитых кумиров снял покрывала и побросал их своему служке по имени Матвейка, и тот сделал из них штаны и портянки и износил всё безо всякой для себя напасти и вреда. Сделал это всё Стефан не прибыли ради, но для поругания идолов».

«Пойду и посрамлю вашего учителя», – решил Пам и вступил в спор со св. Стефаном.

В основе первого аргумента Пама лежала типично языческая точка зрения: чем больше богов, тем больше помощников: «... у вас, христиан, один Бог, а у нас множество богов, множество помощников, множество поборников. Дают они нам ловлю: все, что есть в водах и что есть в воздухе, и болотах, и дубравах...». Боги зырянские, по версии Пама, помогают в охоте, а также общаются вести из дальних стран.

Св. Стефан же, возражая ему, говорит: «Можно ли, окаянный, бахвалиться тем, что ты многобожию следуешь и множество богов упоминаешь? Скорее устыдиться сего подобало бы, ибо сказано: да постыдятся все, служащие истуканам, хвалящиеся идолами своими! (Псал. 96:7)». Бог – всемогущ, наполняющий небо и землю, и Его проповедовали апостолы, в то время как боги языческие есть бесы, а идолы созданы руками человека.

Пам, видя, что его аргумент опровергнут, выдвинул другой: с его точки зрения, религия зырян есть освящённая веками и поколениями традиция, отвергать которую недопустимо, если не предложить взамен гораздо более возвышенное учение: «Ведь отцы наши и деды, и прадеды, и пращурсы так жили, – я ли лучше их окажусь? Не быть сему никогда. Поведай же мне, какую истину знаете вы, христиане, что дерзаете так хулить нашу веру?».

В ответ св. Стефан рассказал о творении мира Богом, о сотворении первых людей, о Промысле Божиим о мире, и о распятии Христа.

Но кудесник, выслушав Стефана, его словам не поверил, и, не сумев победить в споре, решил устрашить Стефана, вызвавшись пройти через огонь и воду, и предложив тоже самое сделать Стефану, так как был уверен, что Стефан на это не согласится никогда.

Но св. Стефан принял его предложение, сказав: «я не повелеваю стихиями, но христианский Бог велик, иду с тобою».

Были прорублены две проруби во льду, а на окраине села была подожжена отдельно стоящая хижина. Сотворив молитву, святой, взяв Пама за руку, как и было условлено, чтобы идти вместе с ним, пошёл в огонь. Но тут Пам, увидев, что Стефан готов пройти это испытание, стал порываться, не желая идти вместе со Стефаном.

Также Пам отказался и от другого испытания: войти вместе со Стефаном в одну прорубь, а выйти в другую, ниже по течению реки.

Видевшие это зыряне вознегодовали на Пама и спросили: «Старый пес! ... Скажи, окаянный, почему не вошел ты ни в огонь, ни в воду и тем всячески посрамлен?»

Обратясь к народу, Стефан спросил, кем считать Пама после всего произошедшего и что с ним сделать. Народ ответил: «Обманщика предать смерти! Если оставить его в живых, он наделает тебе пакостей!». Однако св. Стефан отказался это сделать, мотивируя это тем, что Христос послал его не убивать людей, а учить их.

В итоге Пам вынужден был уступить Стефану Пермь, а сам вместе со своим родом ушёл в Сибирь и на реке Обь основал селение Алтым, жители которого вплоть до конца 19 века хранили память о нем как о первом поселенце.

А благодарный Богу св. Стефан построил храм св. Николаю на реке Вишере.

Учреждение Пермской епархии. О Стефане-епископе. После победы св. Стефана над Памом число желающих принять христианскую веру выросло многократно. Желавших креститься было столь много, что зачастую святитель крестил людей в реках Выми и Вычегде.

Успехи Стефана в обращении зырян к вере были столь велики, что заставили стефановых земляков вспомнить о предсказании блаженного Прокопия. И тогда многие благочестивые устюжане стали охотно жертвовать на благоустройство пермских храмов, а также многие духовные лица, узнав о подвигах Стефана, пошли в Пермь, желая стать его помощниками.

Таким образом, росла паства, пополнялся и клир, и Стефан решил идти в Москву, чтобы просить прислать в Пермь епископа.

Но не только многочисленность паствы была тому причиной. Другая же причина была в удалённости пермских земель от Москвы. Как, немного преувеличивая, говорит св. Епифаний,

«Прямо скажем, непременно требовала земля та епископа, поскольку до митрополита и до Москвы отсюда далеко; как далеко отстоит Царьград от Москвы, также далека от Москвы отдалённая земля Пермская».

Прибыв в Москву в 1383 году, св. Стефан рассказал князю Дмитрию Иоанновичу и митрополиту Пимену о своей проповеди среди зырян, и объяснил необходимость иметь в той земле епископа. Это означало создать восемнадцатую епархию Русской Церкви, или четвёртую – из числа епархий на русском севере.

Стал вопрос о кандидатуре. Сам св. Стефан на эту должность не стремился. Но ни князь, ни митрополит не нашли более достойного кандидата, чем Стефан.

И поэтому, как гласит московская летопись 6891 г. от Сотворения мира (1383-1384 от Р.Х.), митрополит Пимен рукоположил св. Стефана в сан епископа.

Возвращаясь обратно, Стефан прибыл в свой родной город Устюг, где с молитвой припал ко гробу св. Прокопия, который много десятилетий назад предрёк его миссию.

Вернувшись в землю зырянскую, святитель сделал местом нахождения своей кафедры село Усть-Вымь, а первая на зырянской земле церковь стала называться кафедральным собором.

Став епископом, св. Стефан, как о том пишет св. Епифаний, «... по-прежнему заведённых порядков держался, и дело обычное исполнял... И грамоте пермской учил их, и книги писал им, и церкви святые ставил им, <...> и монастыри приготовлял, и в монахи постригал, и игуменов им назначал, и священников, попов и дьяконов сам поставлял <...>».

И чудо можно было видеть в земле той: <...> где прежде капища идольские и кумирницы жертвенные были, и жертвенники языческие стояли, здесь церкви святые воздвигнулись, и монастыри, и молельни выросли...».

Близ Усть-Выми основал свт. Стефан и первый в Коми крае монастырь, называвшийся Михайло-Архангельский.

Стефан создавал школы, странноприимные дома и богадельни, основал ряд монастырей: кроме Михайло-Архангельского в Усть-Выми, архангельский в Яренске, а также два – Спасский и Стефановский в районе Усть-Сысольска (ныне г.Сыктывкар).

Из коми преданий известно, что, поднимаясь вверх по Вычегде, св. Стефан дошёл до того места, где ныне находится Ульяновский монастырь, тогда же Стефаном и основанный и названный им во имя Спаса Нерукотворного.

Также существует предание о том, что на реке Печора существовал Троицкий монастырь, основанный также свт. Стефаном. В этом месте находится ныне г. Троицко-Печорск, центр самого юго-восточного района Республики Коми.

Также ходил св. Стефан и на север: дойдя по реке Вашка до селения Вендинга (ныне – в Удорском районе), св. Стефан поставил там деревянный крест.

Таким образом, за время своего миссионерства свт. Стефан лично сумел охватить своей проповедью не менее трети нынешней Республики Коми, т.е. территорию, равную, например, Греции в её нынешних границах.

Но в епископском сане Стефану пришлось заботиться не только о делах духовных. Приходилось также защищать епархию от врагов внешних. Пермская земля и до этого неоднократно подвергалась нападению банд вогулов (манси), совершавших из-за Урала свои хищнические набеги.

Кроме того, страдала Пермская земля и от набегов новгородцев. Тем более, что учреждение московским митрополитом Пермской епархии было воспринято как посягательство на каноническую территорию Новгорода. И эта проблема была с успехом решена св. Стефаном: лично прибыв в Новгород, Пермский святитель добился расположения к себе новгородского архиепископа Алексия, знавших о подвигах проповедника, а также уважения веча. Результатом дипломатической миссии стало то, что вече решило запретить ходить новгородским укшуйникам в Пермские земли.

С пребыванием в Новгороде связано появление одного исторического документа, называемого «Поучение против стригольников», которое является одним из важных источников сведений об этой ереси. Эти еретики не верили в Божественность Иисуса Христа, отрицали загробную жизнь, не признавали церковную иерархию и Таинства.

Связь Поучения со Стефаном Пермским основывается на присутствии его имени в заглавии этого поучения об одном из его списков: «А сие списание от правила святых апостол и святых отец дал владыце наугородскому Алексею Стефан владыка Перемыский на стригольники».

Когда в зырянской земле случился неурожай, то Стефан открыл свои житницы, раздавая хлеб безвозмездно. Также он отправил послание великому князю Дмитрию Донскому послание, в котором, рассказав о бедствиях, просил о приостановлении сбора податей с пермян. Князь Дмитрий, тронутый плачевным положением зырян, приказал не только приостановить сбор податей, но и простить недоимки последних лет. Убытки же, понесённые епархией, князь возместил щедрыми дарами.

В 1390 году митрополит Киприан вызвал Стефана в Москву на Собор. Проезжая мимо Троицкого монастыря (будущей лавры), основанного прп. Сергием Радонежским, свт. Стефан из-за недостатка времени не смог заехать в монастырь, чтобы повидать прп. Сергия. Остановившись на дороге, он лишь прочитал молитву «Достойно есть», поклонился в ту сторону, где находилась обитель, мысленно обратившись к прп. Сергию, произнёс: «Мир тебе, духовный брат мой».

В этот момент прп. Сергий совершал трапезу вместе с братией. Уразумев преподанное ему св. Стефаном благословение, встал из-за стола, сотворил молитву и, до земли поклонившись, сказал: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий пребывает с тобою».

На недоумение братии преподобный ответил: «В этот самый час епископ Стефан, идущий в Москву, стал против монастыря нашего и поклонился Св. Троице и нас, смиренных, благословил».

Стефан как просветитель зырян. Стефанова азбука. Просветительская же деятельность свт. Стефана имеет в себе две составляющие, неразрывно связанные между собой. Во-первых, известно, что св. Стефан создал зырянскую письменность, позже вышедшую из употребления. Во-вторых, перевёл на коми язык несколько книг, в том числе Псалтирь, и перевёл церковные службы на коми язык (в том числе Божественную Литургию). Последнее вызвало необходимость создания новых слов для обозначения понятий, которых до того у зырян не было.

Св. Епифаний пишет о этом так: «... не только просветил их крещением святым, но и грамотой их снабдил, и разум книжный даровал, и письму их обучил. Ибо сам он грамоту новую составил, неизвестную ранее азбуку пермскую сочинил и теми письменными словами написал и передал им новые книги, кои пермяне дотоле никогда не имели. До крещения у пермян не было грамоты, не понимали они написанного и вовсе не знали, что такое книги. Были у них лишь сказители, кои рассказывали о жизни, и о мироздании, и об Адаме, и о разделении языков и прочее баяли и лгали, а не сообщали истины, и так век свой и все годы свои напрасно они растрчивали». В 16 веке, царь Иван Грозный, провел политику русификации. При нем решено было перевести всё богослужение коми церковью на славянский язык. Возникло гонение на зырянскую письменность, в результате чего были сожжены практически все книги, в том числе богослужебные, написанные на зырянском языке, а те, кто пытался спасти книги от уничтожения, подвергались репрессиям со стороны властей.

Смерть свт. Стефана. В 1396 году митрополит Киприан снова пригласил св. Стефана в Москву по делам церковным.

Однако Господь открыл св. Стефану, что это будет его последнее путешествие, и что он никогда больше не увидит земли Пермской.

И тогда он призвал к себе священнослужителей и мирян и обратился к ним с последним поучением, в котором он рассказал о своей близкой кончине, и завещал укрепляться в вере, отвергать от себя еретиков и раскольников, а также предостерёг от искушения возвращения в прежнее язычество.

Произнеся поучение, он, трижды благословил предстоящих, св. Стефан оставил владычный город, а народ ещё некоторое время стоял и плакал, глядя в ту сторону, куда поехал святитель.

Прибыв в Москву к Пасхе (2 апреля), св. Стефан вскоре заболел и после немногих дней болезни почувствовал, что его смерть совсем близка. Умер свт. Стефан в праздник Преполовения Пятидесятницы, 29 апреля (9 мая н.ст.) 1396 года.

Миссия в Литве. Православные братства. Издательская деятельность

В XVI веке сложилась очень серьезная ситуация в Литовской Руси, где литовско-русское дворянство легко поддавалось иезуитской пропаганде вследствие своего давнего тяготения к польскому католическому дворянству. Кто из дворян не переходил в католичество, тот приставал к протестантам. С щеголеватым ксендзом, привыкшим господствовать в обществе, или с либеральным, светским протестантским пастором в доме пана нельзя было и думать стать рядом русскому попу или монаху в его грубой одежде, в чеботищах, смазанных дегтем, с хлопской речью и манерами. Высшая иерархия по своему происхождению, образованию и образу жизни примыкавшая к панам, тоже подверглась влиянию польской народности и католичества. Идеалами ее стали польские бискупы (епископы) и приоры (настоятели мужских монастырей). Иезуиты всячески старались усилить в ней недовольство тем, что в ее суды и управление вмешиваются миряне, не только паны, но и какие-нибудь скорняки, кузнецы и седельники, тогда как в католической церкви бискуп есть сильный орган святейшего отца, указывали на то, что польский примас и несколько бискупов заседают в сенате, куда Речь Посполитая постыдится допустить иерархов, подчиненных патриарху — рабу султана. Король Стефан со своей стороны много помог иезуитам, назначая на православные епископии и настоятельства людей, какие именно и нужны были для целей унии, большею частью из дворян, несколько не приготовленных к духовному служению и желавших только попользоваться церковными именами. Монастыри с их именами напрямую раздавались католикам. В епископы посвящались лица недостойные, даже двоеженцы. В таком положении находилась западно-русская церковь, когда на польский престол вступил (1587 г.) Сигизмунд III, с детства воспитанный иезуитами и готовый для католичества на все, и наступило самое опасное и тяжелое время для Православия. Какими же средствами могла располагать церковь для предстоящей борьбы, когда для этой борьбы оказывалась несостоятельной сама ее иерархия? Средства эти она и теперь нашла в той же живой связи с народом и оставшимися в православии панями, на которую опирались прежде, т. е. именно в том, в чем иезуиты видели ее слабую сторону и ее позор.

Защитниками Православия и православными миссионерами на литовской земле стали паны. Между ними главными выделились переселенец из Москвы князь Андрей Курбский и князь Константин Константинович Острожский. Князь Курбский по удалении из Москвы в Литву посвятил на защиту Православия все свои средства и силы. С этой целью он вел живую переписку с влиятельными горожанами и панями западной Руси, предостерегая их одинаково и от протестантизма и от католичества. Считая самым лучшим средством для борьбы с врагами умножение книг и переводов, он очень жалел, что, по лености церковных учителей, не переведено на русский язык и десятой доли необходимых отеческих книг, наконец, даже сам принялся за это дело, для чего уже стариком выучился латинскому языку. По его просьбе, родственник его князь Михаил Оболенский три года учился в краковской академии, ездил для науки за границу и потом помогал ему в переводах. Кроме Оболенского, его помощниками были Амвросий и бежавший с Соловков старец Артемий; последний нашел приют в Слуцке у князя Юрия Олельковича и сделался известен своими сильными и красноречивыми посланиями против протестантов, особенно против новоявившихся русских еретиков — Феодосия и Игнатия. Князь К. К. Острожский, богатый и могущественный вельможа, около 1580 года открыл у себя в Остроге высшую школу; это была самая древняя школа в западной Руси вместе со слущкой, открытой князем Слуцким. При школе заведена была типография, в которой работал известный первопечатник Иван Федоров; вместе с виленской, львовской, заблудовской и краковской типографиями она долго снабжала богослужебными и учительными книгами всю Россию. Острожский, как и Курбский, так же вел обширную переписку с панями и поддерживал своими средствами и влиянием галицкие братства. Любовь к просвещению увлекала его иногда даже на опасную дорогу к дружбе с протестантами, за которую его укорял Курбский, и к мысли об унии с Римской церковью, от которой он ждал для Православия просветительных средств; впрочем, он мыслил унию не иначе как под условием согласия на нее всей православной церкви. Самым важным памятником его ревности к вере осталась Острожская Библия (1580—1581), которая была первым печатным изданием Библии в России. Из предисловия к ней

видно, каких трудов стоило ее издание; не было ни людей, способных к исправлению ее текста, ни полных русских списков Библии. Единственный такой список, присланный из Москвы в 1575 году, оказался очень испорченным. Острожский выписал несколько списков разных библейских книг с востока — от патриарха Иеремии, с острова Кандии, из монастырей греческих, сербских и болгарских; и все-таки несколько целых книг (Товита, Иудифь и 3 Ездры) и частей других книг (Иеремии, Иезекииля, Притчей) оказалось нужным перевести с Вульгаты. Из сотрудников князя особенно известны Герасим Смотрицкий, трудившийся над изданием Библии, и клирик Василий Суражский, написавший сборник по поводу книги Скарги и против протестантов, известный под именем «Книги о единой истинной вере».

Вельможное покровительство церкви, однако, держалось недолго. Благодаря иезуитам паны быстро ополячивались, и следующее поколение их выставило прямыми врагами Православию, на самом деле такими были дети самих ревнителей веры — сын Курбского Димитрий и сын Острожского Януш. Для церкви более надежной оказалась сила народная, сила городских общин и братств с их школами. В конце XVI века права их получили подтверждение и расширение со стороны восточных патриархов. Патриарх Иоаким (антиохийский) во время своего проезда чрез Россию (1586 г.) дал грамоту древнейшему Львовскому братству. Утвердив обычные правила всех братств о братских сходках и взносах, о выборе старост, наблюдении братьев за поведением друг друга, о братском суде и взаимной помощи в нуждах, патриарх, кроме того, дал львовскому братству право обличать противных закону Христову, отлучать их от церкви, обличать самих епископов. Это братство в ряду других было объявлено старейшим. Братство, поощренное патриархом, завело у себя госпиталь, типографию и школу, а своим влиянием на церковные дела сильно стеснило власть местного епископа Гедеона Болобана. В 1588 году проездом в Москву и 1589 году на обратном пути западную Россию посетил константинопольский патриарх Иеремия и отнесся к церковным братствам с еще большей благосклонностью.

Противодействие унии со стороны православных

Положение православной церкви с начала XVII века сделалось совершенно невыносимым, особенно в Литве, на Волыни и в Галиции; в Малороссии, благодаря силе казачества, было относительно спокойно. Учитель виленской братской школы Мелетий Смотрицкий в 1610 году горько оплакивал бедствия Православия в сочинении «Фринос положительно или Плач церкви Восточной», которое поразило своей печальной правдой самих латинян. Один волынский депутат Лаврентий Древинский выступил в защиту Православия с сильной речью на сейме 1620 года. «Уже в больших городах, — говорил он, — церкви запечатаны, церковные имения расхищены, в монастырях нет монахов, — там скот запирают. Дети мрут без крещения; покойников вывозят из городов без погребения, как падаль; мужья с женами живут без благословения; народ умирает без причащения. Так делается в Могилеве, Орше, Минске. Во Львове не униат не может к цеху приписаться; к больному с святыми тайнами открыто идти нельзя. В Вильне тело православного покойника нужно вывозить в те только ворота, в которые из города вывозят нечистоту...». Православные постоянно подвергались оскорблениям и насилиям то уличной черни, то оборванных польских жолнеров и рыцарей, которые воротились из Москвы после смутного времени, то иезуитских школяров, воспитанных своими наставниками в духе фанатизма и нападавших на православные процессии, церкви и частные дома; они жаловались на эти насилия в судах, но нигде управы не получали. Сильных защитников у них уже не было. Самый деятельный из них, князь Острожский, умер в 1608 году, а другие сильные паны успели ополячиться. Остались одни защитники — казаки. Гетман реестровых казаков Конашевич Сагайдачный умел искусно сдерживать фанатизм поляков до самой своей смерти (+1622); казаки притом же были нужны тогда Польше для войны с царем Михаилом Феодоровичем и с Турцией, и правительству было бы крайне бестактно раздражать их притеснением Малороссии за веру, тем более что за реестровым казачеством в степях Украины, после возникновения унии, с опасной быстротой возрастала грозная сила вольного степного казачества. И прежде угнетенные холопы толпами убегали в степь с целью стать казаками, унося туда с собою страшную ненависть к польскому панству; после унии противогосударственное вольное казачество получило неожиданно новое и весьма высокое значение, став под знамя веры и народности. Но сила этих защитников веры и народности не простиралась далее границ Малороссии, притом же по своей грубости была далеко не пригодной для настоящей религиозной борьбы с унией. Православной церкви приходилось надеяться главным образом на свои духовные силы,

которых, к ее счастью, оказывалось у нее постоянно более, чем у новой униатской церкви, несмотря на поддержку последней со стороны образованных и ловких иезуитов. Борьба с унией духовным оружием началась непосредственно за собором 1596 года. В 1597 году Скарга выдал об этом соборе сочинение, в котором православный собор того же года против унии признавался незаконным на том основании, что миряне, которые составляли на нем большинство, не имели будто бы права вмешиваться в церковные дела, напротив, обязаны были во всем повиноваться своей иерархии, а иерархия их приняла унию. Сочинение это вызвало «Апокрисис, альбо Отповедь», написанную (1592) Христофором Филалетом. В противность мыслям Скарги автор развивал здесь мысль о праве участия мирян в церковных делах; в христианстве, по его мнению, не одно колено Левино пользуется священными правами, но все цари и иереи; если нужно слушаться иерархии, то православные все-таки правы, не приставши к унии вместе с своими владыками Гедеоном и Михаилом; правы будут и овцы Кирилла Луцкого, если вслед за ним потурчатся, а потуречиться он очень может; значит, не на титулы духовные нужно смотреть, а на что-то иное. Раздражение иезуитов против Апокрисиса выразилось в бранном сочинении «Антир-рисис», где Христофор Филалет уличается в протестантстве. Со стороны православных около 1605 года во Львове вышло еще очень подробное историческое сочинение о происхождении унии — «Перестрога» (предостережение). Послышался сильный голос против унии с востока — в многочисленных посланиях на Русь патриарха александрийского Мелетия Пигаса и русских иноков с Афона. Русский монах Иоанн Вишенский посылал оттуда свои послания к князю Острожскому, к львовскому братству и к униатским епископам и написал «Краткое извещение о латинских прелестях». В сильных и резких чертах он обличал упадок веры и благочестия в высших классах православного общества, мирскую жизнь владык, жадность их до почестей и имений, притеснения духовенству, наезды на чужие имения, господствовавшую среди них симонию и проч. Горячо восставая против всяких латинских прелестей, строгий афонский монах доходил при этом даже до крайнего ригоризма и целиком отрицал всю латинскую ученость, советуя православным обратиться, вместо нее, лучше к Часослову, Псалтири и другим церковным книгам и больше молиться Богу, который один только и может спасти православных от бед.

Братские школы в этой духовной борьбе за Православие оказали особенно важные заслуги. Несмотря на все притеснения от католиков и униатов, братства продолжали умножаться повсюду; кроме львовского и виленского, устроились братства в Перемышле, Слуцке, Минске, Могилеве, Луцке и других местах. Все они заводили у себя школы, а некоторые и типографии для распространения церковных и других православных книг. В 1615 году жена мозырского поветового маршалка Гальшка (Елизавета) Гулевичивна пожертвовала в Киеве место и несколько зданий для устройства нового братского монастыря со школою. После этого православные устроили киевское Богоявленское братство со знаменитым потом братским училищем. В 1620 году гетман Сагайдачный выстроил для братского монастыря Богоявленскую церковь, а патриарх Феофан дал ей права патриаршей ставропигии. Первым настоятелем Богоявленского монастыря был Исая Копинский, а первым ректором братской школы Иов Борецкий, бывший прежде ректором львовской школы. В образовании всех братских школ преобладал тогда греческий элемент, принесенный сюда с востока главными распространителями просвещения в южной России — греками. Не было в этих школах ни обширных курсов, ни строгого деления на классы, ни даже строгого систематического преподавания, тем не менее, образование их стояло довольно высоко и было очень полезно для своего времени. Из них вышли многие видные деятели просвещения, богословы, борцы против унии, проповедники, переводчики, исправители книг. Из острожских школ вышли Исая Копинский, известный в свое время проповедник Леонтий Карпович, много страдавший за Православие, с 1615 года архимандрит виленского Духова монастыря, и Мелетий Смотрицкий, автор Фриноса. Из львовских школ: корецкий протоиерей Лаврентий Зизаний Тустановский, автор Большого Катехизиса, учитель львовский, затем иеромонах-проповедник Кирилл Транквиллион Ставровецкий (+1646), написавший «Учительное Евангелие» (1619) и «Зерцало Богословия» (1618) — первый опыт догматической системы, не совсем, впрочем, чистый от латинских мнений, и по переходе в унию (1626 г.) «Перло многоценное» — нравоучительный сборник со множеством стихов, иеромонах Памва Берында — составитель обширного славянского лексикона, печерский иеромонах и с 1624 года архимандрит Захария Копыстенский, автор исторического и полемического исследования против латинян «Палинодии» (1621) и «Книги о вере единой» (1619) главным образом

против протестантов. Из братских школ выходили все лучшие представители православной иерархии.

Кроме братских школ православная церковь нашла себе сильную духовную опору в своих монастырях. Вместе с подъемом просвещения современная борьба с унией сильно повлияла на подъем и нравственного уровня в обществе и иерархии, и на оживление монашеской жизни. Несмотря на отнятие у православных множества обителей в унию, число православных монастырей было все-таки постоянно больше числа униатских, и большая часть их отличалась многолюдством, имея в своих стенах до 80, 100 и 200 иноков, тогда как униатские монастыри стояли почти пустые. Униатская иерархия и базилиане обращали внимание не столько на жизнь этих монастырей, сколько на их функции, которыми и пользовались для своих практических надобностей. В течение первых 20 лет унии, самых тяжелых для православной церкви, возникло даже до 10 новых православных монастырей и между ними три таких монастыря, как Почаевский, виленский Святодуховский и киевский братский, которые сделались главными оплотами Православия для целых краев России: первый — для Волыни, второй — для Литвы, третий вместе с Киево-Печерскою лаврою — для Малороссии. С 1599 года архимандритом Печерского монастыря поставлен был Елисей Плетенецкий, один из замечательнейших деятелей того времени, сделавшийся истинным отцом для этой знаменитой обители, виновником ее полного обновления после несчастного упадка ее за прежнее время; он окончательно упрочил ее самостоятельность против покушения униатов, с которыми все время своего управления вел длинные процессы, значительно обустроил ее внешне, восстановил в ней общежитие и поднял иноческую жизнь, собрал ученых людей, нужных для поддержки современного просветительного движения и религиозной борьбы, завел типографию, с помощью которой развил в монастыре широкую издательскую деятельность на пользу всей России, учредил институт проповедничества и устраивал школы. Благодетельный, просвещенный и неутомимый администратор, архимандрит скончался в 1624 году, назначив себе преемником известного Захарию Копыстенского. В Вильне благоустроителем монашества явился первый архимандрит Духова монастыря Леонтий Карпович, в непродолжительное время своего управления этим братским монастырем (+ 1620) успевший оказать большие услуги и обителям, и братству. Издательская деятельность монастыря производилась с помощью двух его типографий, в Вильне и местечке Евю; значение Духовской обители возвысилось до того, что под ее патронат спешили стать многие другие монастыри разных литовских городов и местечек, а в борьбе с унией она со своим братством сделалась настоящим центром для всей Литвы. В Галиции и на Волыни виновником оживления иноческой жизни был Иов Княгининский, воспитанник острожских школ, долго подвизавшийся на Афоне; он один основал и устроил по общежительному уставу до пяти монастырей во Львовской епархии (+ 1621). Святостью жизни и страданиями от униатов на Волыни особенно известен преподобный Иов Железо, игумен сначала Дубенского, потом Почаевского монастыря (+ 1651). Благодаря такому духовному подъему в среде монашества произошел заметный нравственный подъем и в среде самой иерархии: в ее рядах появляются лица с высшим подвижничеством и настроением, как Исайя Копинский — строгий аскет, устроитель нескольких монастырей, копавший сам пещеры в бытность смоленским епископом, Исаакий Борискович, долго живший на Афоне, с 1620 года епископ Луцкий, и другие.

МИССИОНЕРСТВО В СИБИРИ

Успешные походы Ермака в начале 80-х годов XVI века открыли для русских людей сибирские земли. До начала XVIII века под словом Сибирь понималась Западная Сибирь. Христианство там появилось лишь с приходом русских: первые пришельцы были и первыми православными христианами. Они селились среди сибирских инородцев небольшими группами при военной и политической поддержке государства. Первой заботой русских людей в этой нехристианской стране было строительство храмов и монастырей для своих религиозных нужд.

В Тобольске, основанном в 1587 году, первый епископ Тобольский и Сибирский был поставлен в 1620 году. Патриарх Филарет благословил миссионерскую деятельность среди язычников уже первым епископом: Киприану Старорусенкову (1620-1624), его преемнику Макарию Кучину (1624-1635), архиепископу Нектарию (1636-1640). Архиепископ Герасим (1640-1650) учредил несколько монастырских школ, готовивших и кандидатов в священнослужители. При архиепископе Симеоне (1651-1664) по Сибири насчитывалось уже белого духовенства до 1500 человек и

монашествующих до 100 человек. Первый Сибирский митрополит Корнилий основал в Иркутске в 1672 году Вознесенский мужской монастырь, сделавшийся колыбелью духовного покорения дальневосточной окраины, благодаря вышедшим из него многим знаменитым миссионерам. При митрополите Павле (1678-1692) Православие продвинулось за Иркутск, в пределы Забайкалья. Еще в 20-х годах XVIII века, когда была открыта Сибирская епархия, владычество русское простиралось только от Урала до Енисея, за 40 лет русское господство утвердилось на низовьях Лены и у верховьях Амура, а при митрополите Павле оно было уже на пороге Камчатки. Его епархия простиралась в длину на 10 тысяч верст. Этот удивительный успех русского владычества был всецело обязан нравственной силе духовенства, воодушевлявшего русских людей.

В 1644 году в Западной Сибири на реке Исете был основан Далматский монастырь, монахи которого несли миссионерское служение между Уралом и Обью. Патриарх Иосиф и царь Федор Алексеевич основали в 1681 году Даурскую Миссию в Восточной Сибири.

Основателем миссии в Западной Сибири по праву может считаться митрополит Филофей Лещинский. Он дважды управлял Сибирской епархией: в 1702-1711 и в 1715-1720 годах.

Митрополит Тобольский Филофей, в схиме Феодор, родился в Малороссии в 1650 году в небогатой дворянской семье. После окончания Киевской Академии он женился и служил приходским священником. Вскоре овдовел и постригся в Киево-Печерской Лавре, где нес сугубые подвиги послушания, поста и молитвы. В январе 1702 года уже с должности наместника Брянского Свенского монастыря он был посвящен в митрополита Тобольского. Святитель хорошо знал святоотеческие творения и жития святых, из которых он особенно почитал прославившихся равноапостольным служением (святитель Савва Сербский и святая равноапостольная Мария Магдалина), что помогло ему в будущем явить Сибири образ истинного пастыря. Он совершил пять миссионерских путешествий в Енисейском крае, дойдя до Туруханска, а в Восточной Сибири достигнув Забайкалья. Его заботами доставлено в Сибирь сотни книг, выстроено 37 церквей, устроены школы для детей, которые содержались за счет архиерейского дома.

Уже в 1705 году была снаряжена из Тобольска в далекую Камчатку первая духовная миссия, а в 1711 году там была основана Успенская пустынь.

В 1706 году последовал указ Петра I: «Сибирскому митрополиту Филофею ехать во всю землю вогульскую и остяцкую, и в татары и в тунгусы и якуты, и в волостях, где найдет их кумиры и кумирницы и нечестивыя их жилища, и то все пожечь, и их, вогулов и остяков Божию помощью и своими труды приводить в Христову веру». Иногородцам, желавшим креститься, объявлялись всякие льготы. Гражданскому начальству повелевалось оказывать помощь проповедникам и способствовать им в средствах передвижения. Митрополит имел хороших сотрудников для проповеди в лице прибывших вместе с ним из Киева ученых иноков и бельцов.

Но первые миссионеры, посланные митрополитом, не имели успеха. В 1707 году они отправились к березовским остякам, но встретили ожесточение и нежелание слышать о новой для них вере.

В этом же 1707 году было образовано викариатство Тобольской митрополии, куда был поставлен епископ Варлаам (Косовский) Иркутский и Нерчинский. В дальнейшем здесь возникла самостоятельная епархия.

В 1709 году митрополит Филофей тяжело заболел и принял схиму с именем Феодора. Схимник Феодор хотел вернуться в Киево-Печерскую Лавру, но в 1711 году по просьбе сибирского губернатора князя М.Г.Т. Гагарина повторно принял на себя миссионерские труды в Сибири. Старец-схимник решил проповедовать Евангелие, имея отроду более 60 лет, в местах диких, суровых по климату и малонаселенных, невзирая на свои слабые телесные силы. Он обращался с христианской проповедью к язычникам, от предков унаследовавшим привязанность к идолам, магометанам, дикарям, не знающим письменности и гражданских законов, ведущим полукочевой образ жизни.

В 1712 году митрополит достиг поселений остяков в низовьях Иртыша. Остяки поклонялись идолам, но имели понятие и о Высочайшем Существо, Владыке вселенной, хотя считали Его слишком далеким и недоступным. Феодор разъяснил им ничтожество идолов и проповедовал Евангелие. При этом идолы уничтожались, а на их места воздвигались кресты.

Во второе путешествие митрополита в 1713 году многие остяки, не имея более предметов поклонения и убежденные в их бессилии, охотно крестились. Но, даже встречая сильное сопротивление и отказ сменить веру, святитель не отчаивался в успехе, продолжая ежедневно поучать народ. В юртах, называемых Большой Атлым, остяки не позволили судну с миссионерами пристать к берегу. Но на Оби поднялась сильная буря и судно было брошено на песчаную отмель. Преосвященный по грудь в воде дошел до берега, вступил в разговор с ожесточенными язычниками, и на третий день все они приняли святое крещение.

В 1714 году было совершено третье путешествие в город Пелым к вогулам. И здесь проповедь имела успех. До крещения митрополит допускал тех, кто изменял свои религиозные убеждения и принимал истины христианства. Непременным условием было согласие самих обращенных. «Крещению бо согласует соизволение, — проповедовал святитель Филофей. — О нем же и вас молю: не буди вам сердца окамененныя и не чувственныя — крещения, но приклоните чувства ваша восприять тайну спасения вашего, и аще хотите единоверны с нами быти, повинуйтесь наставлению нашему и нашим христианским учениям, ничтоже сами ведуще».

Рядом с вогулами жили татары, которые стремились навязать им ислам. Один татарин хотел убить митрополита по возвращении его в Тобольск, но тот поехал другой дорогой, а злоумышленник был схвачен и доставлен в Тобольск. Старец-миссионер проявил подлинно христианскую любовь к врагу: он взял татарина на поруки и вскоре обратил его в христианство.

Подобными были четвертое в 1714 году и пятое — в 1715 году миссионерские путешествия, во время которых святитель проповедовал остякам и вогулам. В 1715 году вогулы, не желающие слышать христианскую проповедь и принимать крещение, хотели убить митрополита. Но после ласкового приема у старца-схимонаха они устыдились, во всем признались ему и вскоре сами просили крещения).

Часто во время благовестия народу митрополит Филофей говорил, что исполняет волю Государя, который желает, чтобы все подданные его исповедовали истинную христианскую веру. Благодать Божия явно содействовала делу проповеди, проявляясь в чудесах исцелений от болезней, которые совершались при крещении. Так, например, расслабленная девочка после крещения смогла сама пойти домой, начала трудиться.

Всего митрополитом было крещено около 40 тысяч инородцев. На исходатайствованные от казны деньги строились церкви, часовни и кресты под навесом. Церкви он снабжал утварью и богослужебными книгами, а народу раздавал иконы и кресты. Священникам было вменено в обязанность не менее трех раз в год объезжать новообращенных и утверждать их в вере. Из инородческих детей избирались более способные мальчики и посылались в мужские монастыри и архиерейский тобольский дом для обучения и подготовки к священнослужению. Они изучали грамоту и Закон Божий. В 1723 году при архиерейском доме функционировало две школы.

Труды митрополита были совершенно бескорыстны. Назначенной от Петра I пенсии в 200 рублей он не получал. Незадолго до своей кончины он писал архиепископу Феофану Прокоповичу: «А я бедняк многи с крещением прошел народы, а хлеба отонка не получил за труды».

Для новообращенных митрополит всегда был как любящий отец, покрывая любовью их исконную грубость и темноту. И когда он приезжал в их юрты, они бежали к нему, как дети к отцу, и целовали ему руки.

В 1720 году митрополит Филофей был уволен по прошению на покой, но и тогда занимался обучением инородческих детей, проживая в Тюменском Троицком монастыре. Вот что говорят о нем сами потомки инородцев: «Добрый был старик, народ в обиду не давал; комиссары и воеводы боялись его; остяков сильно любил; верный слуга Божий был; святой был человек».

Миссионерскую деятельность в Сибири продолжили ученик святителя Филофея Григорий Ильич Новицкий, митрополит Иоанн Максимович, управлявший Сибирской епархией в период с 1711 по 1715 годы, митрополит Антоний Стаховский, возглавлявший Сибирскую кафедру в 1721-1740 годы. При нем и воссиял благодатный светильник Сибири епископ Иннокентий Кульчицкий.

Родился святитель в Киевской губернии в семье священника, воспитывался и учился в Киево-Печерской Лавре и Академии. Был префектом Московской Академии, а затем соборным иеромонахом Александро-Невской Лавры в Петербурге.

В 1714 г. митрополит Филофей направил миссию в Пекин. В 1689, а в 1721 г. встал вопрос даже об открытии там епископской кафедры, настолько успешно шла в Пекине проповедь Православия. Митрополит Филофей направляет туда епископа Иннокентия. Но в результате интриги иезуитов епископ Иннокентий не получил визы: Багдыхан не разрешил его въезд в Китай.

Святитель Иннокентий управлял Иркутской епархией с 1727 по 1731 годы. В эти годы была расширена территория Иркутской епархии: в ее состав вошли Якутия, побережье Охотского моря и другие районы; возросло количество храмов и монастырей.

Когда святитель заступил на кафедру, то нашел в большом неустройстве «мунгальскую» школу. Она предназначалась для изучения китайского и монгольского языков, чтобы удобнее действовать в распространении веры среди этих народов. Однако школа не имела переводчика, и святитель вызвал на эту должность Ивана Постникова из Селинска. В 1730 году в школе было 35 учеников.

Одним из своих главных дел святитель Иннокентий считал просвещение учением Христовым окружающих Иркутск и населяющих Забайкалье бурят. Эти миссионерские труды его были сопряжены с огромными трудностями. Постоянно не хватало проповедников и материальных средств. Но святитель неустанно знакомил бурят с христианской верой и многих обращал в Православие. Главным местом крещения бурят был Вознесенский монастырь, и они крестились там целыми семьями.

Архипастырь-миссионер не пользовался никакой поддержкой со стороны власти имущих. По недосмотру Синода, святитель Иннокентий до смерти не получал жалованья, однако переносил все безропотно и не хлопотал об этом.

Постоянно озабоченный поддержанием порядка и благоустройства в своей епархии, он, несмотря на плохие дороги и слабое здоровье, ежегодно обозревал епархию и лично посещал церкви и приходы. Ему удалось обратить в христианство монгольского вождя, языческого мудреца Лавсана. Святитель был строгим подвижником и аскетом, он постоянно жил в Вознесенском монастыре, удаляясь для молитвы в пещеру его основателя, старца Герасима. Ночи Владыка часто проводил в изучении святоотеческих творений и сочинении проповедей, а днем его ждали нелегкие миссионерские труды. После болезни он упокоился от своих земных трудов 27 ноября 1731 года на пятидесятом году жизни, истощив себя ради спасения многих. В 1804 году он был прославлен в лике святых Русской Православной Церковью.

В преемники святителя Иннокентия был хиротонисан в ноябре 1732 года префект Московской славяно-греко-латинской Академии Иннокентий Нерунович. Им было крещено множество тунгусов. Он дважды совершил путешествие в Якутскую область и крестил там до 100 язычников.

С 1753 году Иркутской епархией управлял епископ Софроний Кристалевский. Это был настолько благодатный человек, что сами люди, без различия веры и племени, шли к нему тысячами и умножали собой церковную семью. Он рассылал во все концы епархии увещание к миссионерской деятельности духовенства, что заметно оживило состояние миссии в Сибири. Скончался Святитель 30 марта 1771 года.

В заключение этого исторического экскурса можно дать оценку православной миссии в Сибири словами ее исследователя протоиерея Бориса Пивоварова: «Христианство сблизило и сроднило сибирские народы с русским народом, а православные миссионеры явились лучшими представителями русской культуры в этом крае. Именно они стали в прямом и собственном смысле Просветителями Сибири».

АЛТАЙСКАЯ МИССИЯ

Для просвещения народов Российской империи Православной Церковью создавались организационные структуры – миссии во главе с начальником. Миссии различались на внешние – Китайскую, Аляскинскую или Американскую, Корейскую, Японскую, Урмийскую, Палестинскую и многочисленные внутренние миссии – Алтайскую, Туркестанскую и др. Некоторые миссии воз-

никали, а через некоторое время по различным причинам умирали. Хорошо организованные, с достаточно подготовленными кадрами миссии появились лишь в конце XVIII – начале XIX века. Из внутренних миссий Алтайская была в течение всего XIX века образцом. Там были заложены основные принципы миссионерства, основы миссионерского опыта; там были осуществлены первые переводы Богослужения на телеутский и алтайский языки, которые были стимулом к тому, чтобы и в других местах активно занимались переводом.

История Алтайской миссии начинается с архимандрита Макария Глухарева (1792-1849). Он родился в г. Вязьме Смоленской губернии в семье священника. В 1813 г. Михаил заканчивает обучение в семинарии и остается преподавателем младших классов. А через год его зачисляют на второй курс Петербургской Духовной Академии. Он близко сходитя с архимандритом Филаретом Дроздовым, что в значительной мере определило его жизнь. Впоследствии архимандрит Макарий напишет:

«Я отдал свою волю Преосвященному Филарету, тогда архимандриту. Ничего не делал и не начинал без его совета и благословения и почти ежедневно исповедовал ему свои помыслы».

Он закончил Духовную Академию и в 1817 г. получил направление в Екатеринослав, преподавать в Духовной семинарии. Он в совершенстве изучил латинский, греческий, еврейский, французский, немецкий языки, знал английский и отчасти – итальянский, затем его перевели в Кострому, где он стал архимандритом (1821 г.), и ректором семинарии. В 1824 г. он подал прошение об увольнении на покой по болезни.

В 1827 г. Священный Синод послал епархиальным архиереям послание о возрождении миссионерской деятельности, о том, что необходимо возрождать работу с непросвещенными народами. Указ Священного Синода – учредить правильно организованные миссии, в частности в стране Сибирской, Казанской епархии и т.д. – потребовал от архиереев действий. Но людей, способных работать с иноверцами, просвещать нерусское население, не было.

И вдруг больной, уже собирающийся умирать молодой инок очнулся. Он слышит зов Божий, и тут же собирается и едет в Москву. В Москве митрополит Филарет с любовью принимает своего ученика и благословляет его на миссионерскую деятельность, считая это волей Божией. Архимандрит Макарий едет в Тобольск, к владыке Евгению (1830 г.). Опыта миссионерской работы не было. В одной из инструкций Священного Синода (конец XVIII века) было написано о том, как надо действовать. «Как учение преподавать? Нужно преподавать Евангелие, Деяния апостолов, Послания, не отягощая этих простых людей всем церковным Писанием и церковным Преданием, кроме самого нужнейшего. Излагать понятия о Боге, о создании мира и человека, о спасительной жертве Иисуса Христа, о Церкви, учить их кратким молитвам. Рассказать об иконах, чтобы они чтили их, а не боготворили, поклонялись бы Богу в образе иконы», «Миссионер должен объяснить, что посты существуют в Церкви, но никаких побуждений к соблюдению их – даже поста Страстной Седмицы – не делать. Никакого принуждения ни в коем случае». Преподавать кротко, любовно, без угроз и притеснений. Крестить, причащать. Исповедовать, сколько можно, от тех грехов, какие есть, чтобы отстали и исправляли жизнь свою». «Как вести проповедь? Начиная с ближних мест и расширяя постепенно круг действия и расширению этому чтобы помогали новообращенные иноверцы. Пререкаяния слушать терпеливо, снисходительно и самому рассказывать не с грубостью и досадительными словами, но ласково и дружелюбно».

Отцом Макарием был составлен устав миссии, по существу иноческий устав:

1. «Желаем, да будет у нас все общее: деньги, одежда, пища, книги и прочие вещи.
2. Желаем старшему повиноваться по правилам иночества.
3. Желаем принимать от него наставления с вниманием, смирением и любовью.
4. Желаем преданным быть, искренним и откровенным при исповедании помыслов и искушений наших».

Были собраны богослужебные книги, деньги, взято постановление о трехлетнем освобождении новокрещенных от всех налогов, и архимандрит Макарий направляется в Бийск, в кузнецкие округа (август 1830 г.). Он выбирает селение Майма в 17 верстах от Бийска. За этим селением начинались кочевья. Алтайские племена жили шаманской языческой верой. В то время в Алтай-

ском крае было около 40 тысяч кочевников. Ламаистов (монгольских племен) там было сравнительно мало.

Один из помощников о. Макария, заболевает и умирает, а второй уезжает. Архимандрит Макарий остается один до 1836 года. Единственным его помощником оказался Петр Терентьевич Лисицкий, около 60 лет.

Отец Макарий начинает устраивать жизнь – собственную, монашескую, а также жизнь кочевников. Эти племена жили в юртах, пасли скот, кочевали зимой и летом. Жизнь их о. Макарий называл непрерывной круглогодичной спячкой. Лень, безделье и дикость, болезни, эпидемии, калым, поклонение богам, «светлым» и «темным», «добрым» и «злым».

Понемногу налаживается христианская жизнь в Майме. Проходит несколько лет, прежде чем о. Макарий понимает, язык какой народности понятен всем. Он изучает этот язык, составляет словарь и начинает первые переводы. Первые молитвы, первые слова Священного Писания, словарь. Он ездит по кочевьям и беседует с людьми.

Наконец появляются первые аборигены, которые хотят принять Крещение. Отец Макарий перевозит таких людей в Майме и поселяет в православных семьях. Сам не имея пригодного для жизни дома, он помогает строить дома и учит кочевников оседлой жизни, а одновременно – учению Христову.

За 14 лет пребывания в Алтайской миссии архимандрит Макарий перевел на телеутский язык Четвероевангелие, Деяния, Послания, Псалтирь и избранные места из Ветхого Завета, «Краткий катехизис» митрополита Филарета и его «Краткую священную историю», Символ веры, молитвы, чин и вопросы к исповеди, некоторые другие части богослужения. Составлен словарь на 3 тысячи слов. До 1860 года это были по существу единственные средства письменного общения с алтайскими народностями.

И вот – первые результаты. Преобразилось село Майме, укреплен миссионерский стан в селении Улала, начинается миссионерская работа в двух других селах. В Майме строится храм, весь народ здесь поет, некоторые песнопения – на телеутском языке. После службы трапеза, беседа. В 1838 г. открыты больница, богадельня.

В 1936 г. у о. Макария появляется помощник – Стефан Ландышев.

Открывается школа-приют для алтайских девочек и школа для мальчиков. Образование там минимальное: грамота, рукоделие, пение, рисование. Такая же школа возникает и в другом стане, в 130 километрах на юг.

В 1838 г. он пишет программу реорганизации миссионерского дела в России «Мысли о способах к успешнейшему распространению христианства между евреями, язычниками, магометанами в Российской империи». Один из главных пунктов этой программы – перевод на русский язык всего Св. Писания и распространение его в русском народе, потому что только духовное возрождение русского народа могло привести к возрождению миссионерского дела. Свое произведение он направляет в Священный Синод, а одновременно – государю императору Николаю I.

Сохранились два его письма – в Св. Синод и императору Николаю I. Оба письма достаточно горячие и определенные, а второе даже резкое. Постепенно у него развивается чахотка, отнимаются ноги, слабеет зрение. В 1843 г. он уже почти не может ходить и посылает прошение об увольнении на покой. В 1844 г. он уволен с назначением настоятелем Болховского монастыря Орловской губернии. Уже совершенно больной, он налаживает богослужение в монастыре, ведет после каждого богослужения беседы, собирает отдельно детей и взрослых и учит их – начинает духовное просвещение Болховского.

Он организует для детей монастырскую школу, где учит их самому простому и необходимому, как и детей в Майме и других алтайских селах. До последних дней к нему идет народ, он ежедневно причащается. Он скончался 18 мая 1847 г. на 55-м году жизни со словами: «Свет Христов просвещает всех».

«Мысли о способах успешного распространения христианства между евреями, язычниками и магометанами в Российской империи» были изданы в 90-х гг. прошлого века. Его заветы, содержащиеся в »Мыслях»:

1. Священное Писание – единое и полное откровение Божие. Вера православная – единственный путь ко спасению.

2. Задача миссионера – донести до просвещаемого народа то, что вера принесла и приносит бесчисленные благодеяния Божии на землю, а потом эти благодеяния даются и на небе.

3. Только небо – цель жизни.

4. Дух Христов должен господствовать в христианском народе, в Церкви. Духом любви определяются наши отношения к людям иноверным и неверным.

5. Издание и изучение Св. Писания на родном народном языке (для русских – на русском, для телеутов – на телеутском) решительно необходимо.

6. Обучение в народных школах должно быть возложено на духовенство. В каждом селе священник с причтом – это воспитатель и учитель народный.

7. Все трудности духовного просвещения ничего не значат в сравнении с важнейшей и священнейшей нуждой Церкви и государства в христианском просвещении всего народа. А просвещенный народ Божий сам из себя даст людей для миссионерского просвещения малых народов. Одной из форм организации миссионерства и привлечения всего народа к делу миссионерства он считает создание Российского миссионерского общества. Такое общество было создано только в 1865 г. и неудачно. В 1870 г. оно было воссоздано в Москве митрополитом Московским Иннокентием Вениаминовым.

8. Главная обязанность и задача народа – поддержать духовное просвещение и дать людей на дело миссионерства, создавать миссионерские образовательные учреждения, издавать книги и т.д. Он считал, что нужно готовить разного типа людей для дела духовного просвещения, что они должны готовиться в специальных школах, которые должны быть в основном при монастырях и учебных духовных заведениях.

Приведем цитату из заключительной части этого произведения: «Не предназначена ли и ты, святая Церковь Российская, быть великим собранием светлых лучей животворящего солнца правды – Христа? Как видимое солнце посылает лучи свои на землю, так Христос, солнце духовного мира, не посылает ли и тебя, дочь света, по определенному и указанному направлению в мир, лежащий в земле, дабы свет Его просвещал через тебя темные массы многих народов, поставленных промыслом Его в соприкосновение с русским народом и влиянием твоим преданный. И чем более в русском народе умножится свет, тем более добра Христова он сообщил бы инородцам бесчисленными точками непрерывных сближений с ними в нуждах временной жизни».

После о. Макария во главе миссии стоял протоиерей Стефан Ландышев. Всего из миссии вышло пять архиереев. Школы, которые были созданы о. Макарием, продолжали жить до самой революции и были образцом для многих других.

Сам о. Макарий обратил в христианство примерно 680 человек, устроил пять православных селений с двумя церквями, тремя школами и одной богадельней. Это не так много, но впоследствии его посевы выросли настолько, что к началу 20 века из 34 тысяч инородцев на Алтае более половины уже были христианами. Было обустроено уже 188 православных поселений, было 67 храмов и молитвенных домов, постоянно совершалось богослужение на алтайских наречиях, в основном на телеутском. 48 школ обучали детей на алтайских языках, в них училось 800 мальчиков и 250 девочек. В Бийске действовало катехизаторское училище, где около 200 учеников готовились стать учителями в миссионерских инородческих школах, а также готовились к священству.

С 1880 г. начальник Алтайской миссии становится епископом Бийским – викарием Томской епархии.

Впервые Литургия была совершена полностью на телеутском языке в 1865 г. Даны были письменности также шорской, алагатской и черноануйской народностям. Постоянно росло число священников и священнослужителей из инородцев.

О. Стефан (Ландышев) был женатый священник, добрый ученик о. Макария, но человек совсем другого масштаба. Миссия понемногу угасала. Она начала возрождаться после 1855 года, когда туда попал Михаил Андреевич Первицкий в монашестве Макарий (Первицкий или Невский). Михаил родился в очень бедной семье, рос слабеньким и хилым, несколько раз был при смерти. Как только подрос, поступил в Тобольскую Семинарию.

Окончил он Семинарию и принял предложение вступить в состав Алтайской миссии. Алтайские горы, красивые, дикие, на него произвели чарующее впечатление, и он в духовно-приподнятом состоянии прибыл к отцу Стефану (Ландышеву). Ближайшим помощником о. Стефана был Михаил Васильевич Чевалков, алтаец, известный священник-миссионер. У них, прежде всего, и учился Михаил Первецкий (в Семинарии ему дали фамилию Невский). Он заочно очень полюбил о. Макария, и молился и обращался к нему. Однажды, во сне ему явился о. Макарий и сказал: «Ты после меня здесь обучайся». О. Стефан послал молодого Михаила вглубь Алтая за 200 верст на Телецкое озеро. Там они жили вдвоем – старенький иеромонах и он, молодой послушник в продолжении 7 лет. Михаил Невский изучал языки, учился общаться с алтайцами. Он собирал слова, составлял словари, начал заниматься переводами.

Его перевели в главный стан в Улалу (ныне Горноалтайск). Он служил послушником, и только через полтора года, в 1862 году он был пострижен в монашество, и епископ Томский Порфирий его рукоположил в иеромонаха. Здесь начала приносить плоды его подвижническая жизнь. Он очень легко нашел контакт с алтайцами, и бывали случаи, когда он крестил целый улус (селение). Он ездил по далеким и близким улусам, проповедовал, крестил, окормлял алтайцев.

Им был собран огромный материал по алтайским языкам, вместе с Чевалковым переводил и редактировал старые переводы Священного Писания, богослужения и т.д. В 1864 году миссия командировала его в Казань для пересмотра и издания на алтайском языке необходимых книг. Он приехал в Казань и плодотворно провел два года. Ему вместе с Ильминским не только удалось издать алтайские переводы, но и сделать переложение на ноты татарского богослужения. Он создал хор из учеников Крещено-Татарской школы, и впервые в 1865 году полностью совершил на татарском языке Литургию, а летом с этим хором шли по татарским деревням. На татар эти миссионерские походы производили огромное впечатление, и они массами переходили в православие.

В 1871 году он получил сан игумена. Ему удалось устроить училище с общежитием на 70 человек по образцу Казанской школы для ребятишек. Очень быстро и эта школа, и его проповедь, и его организаторский талант принесли плоды.

В 1883 году он встал во главе миссии, и его возвели в сан архимандрита. В 1884 году он стал епископом Бийским, оставаясь во главе миссии. Впоследствии эту миссию возглавлял епископ Бийский. В 1891 году его перевели на Томскую кафедру, где он был до 1912 года. К 1891 году, он официально прекратил руководство Алтайской миссией, хотя из Томска продолжал курировать.

Некоторые цифры о том, что произошло за эти годы. Сотрудников миссии было (после о. Макария Глухарева) – 15, а к концу возглавления этой миссии Владыкой Макарием – стало 152 сотрудника; молитвенных домов – было 3, стало 89; миссионерских станом – было 3, стало 25; православных селений – было 4, стало 380 (58 тыс. жителей); монастырей с детскими приютами – (о. Макарий (Глухарев) только мечтал об этом), при Владыке Макарии стало 3; школ – было 2, стало 74; за это время было крещено примерно 21 тыс. человек, т.е. большая часть алтайцев, которые начали переходить на новый строй жизни.

В 1912 году его призвали на Московскую кафедру, и он стал митрополитом Московским. Это человек просвещенный даром рассуждения. Но время было смутное. При Дворе Распутин, причем некоторые считали его ставленником Распутина.

Наконец, пришел 1917 год. Такой светлый, духовный митрополит во многих сферах московского и петербургского общества неинтересен. Он не всем по душе. В 1917 году при Временном правительстве обер-прокурор Львов начал наглую против него кампанию и очень грубо требовал, чтобы Владыка ушел на покой, «Иначе я тебя в тюрьме сгною». Владыка уступил и написал прошение об отставке. Тут же было проведено решение Синода, и Владыку отправили почти под конвоем в Николо-Угрезский монастырь под Москвой.

Через некоторое время Николо-Угрезский монастырь был закрыт, и он был перевезен близкими людьми в Подмосковский район Раменское. Там в 1926 году в избушке рядом с действующим храмом Владыка Макарий скончался. Хоронили его – последний епископ Бийский Иннокентий и епископ Серпуховской Арсений (Жадановский). Эти духовные святители относились к о. Макарию как к старцу.

Впоследствии в 1957 году, когда место, где он был похоронен, было отдано под строительство, его нетленные останки перенесены в Троице-Сергиеву Лавру, под Успенский Собор.

Сейчас восстановлены некоторые миссионерские станы. В Новосибирске, Горноалтайске и других местах ведется работа по сбору материала о тех святых людях, которые трудились в Алтайской миссии.

ВНУТРЕННИЕ МИССИИ И КАЗАНСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ ШКОЛА

Миссионерское движение, которое началось постановлением Синода 1827 г. и на которое откликнулся о. Макарий, было вызвано в начале XIX века массовым отпадением старокрещеных татар и переходом их в мусульманство. За татарами в магометанство стали уходить чуваша, черемисы, мордва. Все огромное население Приволжья могло целиком перейти в магометанство.

В Казанской Духовной Академии переводились книги Св. Писания, богослужебные книги на татарский язык. Такие переводы начались в начале XIX века. В Казанской Духовной Академии научный уровень образования был достаточно высок, был создан миссионерский факультет. Здесь изучались татарский, арабский и другие языки, здесь же занимались переводом на эти языки христианской литературы, однако трудная ситуация продолжалась долго.

Изменить ее удалось Николаю Ивановичу Ильминскому, который в 1846 г. окончил КДА и был оставлен для преподавания татарского и арабского языков.

В 1847 г. при КДА высочайшим повелением была создана комиссия для перевода на татарский язык священных и богослужебных книг, в которой одно из первых мест занял Н. И. Ильминский. 11 лет трудилась комиссия над переводами на арабский язык Св. Писания. Н. И. Ильминский направился в Каир – центр ислама и арабской письменности. После этой командировки он пытался осмыслить, почему татары не воспринимают Св. Писание, которое им несут миссионеры, и понимал, что Св. Писание чуждо татарскому народу, потому что ему непонятен ученый арабский язык.

Тогда Ильминский оставил труд 11 лет, вышел из комиссии и начал всю работу заново. Он создал народную татарскую письменность и заново начал переводить христианскую литературу. Эта его деятельность сразу же нашла признание. Это произошло в 1858 году. Ильминский писал: «Чтобы перевод действительно служил христианскому просвещению крещеных татар, для сего должно делать его на языке, совершенно понятном для них, т.е. разговорном, потому что книжного языка они не имеют. Чтобы совершенно прервать связь между татарами-христианами и магометанством самый алфавит в означенных переводах следует употреблять русский с применением татарских звуков».

Была создана азбука, грамматика – полностью разработана письменность разговорного татарского языка.

Принципы перевода Ильминского. «В переводах священных и богослужебных книг самое трудное дело – уразумение славянских текстов, нередко весьма трудных и темных, и воспроизведение их на инородческих языках. Первая часть работы требует основательного богословского образования и знакомства с языком греческим и еврейским. Вторая часть по причине большой разницы в построении речи церковнославянской и инородческой требует значительной переработки выражений так, чтобы смысл подлинника был удержан и изложен ясно и удобопонятно. Окончательная обработка переводов непременно должна производиться при помощи природных инородцев, потому что русскому человеку, как я знаю по собственному опыту, занимаясь татарским переводом около 30 лет, невозможно узнать всех тонкостей и оттенков, всей психологической глубины чужого языка».

По существу эти принципы действовали уже у о. Макария. Возможно, что Ильминский многое получил от общения с о. Макарием – как раз в эти годы о. Макарий бывал в Казани. Такой

подход к переводу, конечно, требовал очень высокой учености, богословствования в полном смысле слова и, конечно, знания языка данного народа.

Это дело довольно скоро нашло признание. Система переводов на многочисленные языки ввиду их большого внутреннего сходства должна быть примерно одинакова. «Если эта трудная работа для одного из каких-либо инородческих языков будет исполнена, то есть данная статья с церковнославянского языка будет переведена на один какой-либо из инородческих языков, то при переводе на другой инородческий язык можно ограничиваться почти буквальным переложением. Такой ход дела, значительно сокращающий и облегчающий трудность переводов из разных инородческих языков может быть полезнее еще в том отношении, что дает единство в понимании для инородцев, что особенно важно для инородцев, между собою соседствующих».

В 1868 г. была создана новая комиссия с задачами перевода на народный татарский язык по системе Ильминского. В эту комиссию, кроме него, вошли профессор КДА Миротворцев (по переводам на монгольские языки), начальник Сибирской инородческой школы Яковлев (чувашский и др. языки) и другие переводчики.

Постепенно со всей России начали съезжаться в Казань те, кому приходилось заниматься переводами. Казань стала центром огромной переводческой деятельности. В Средней Азии трудились ученики Ильминского, переводя Св. Писание и богослужение на узбекский, туркменский, таджикский и другие языки.

Это было огромное дело, аналогов которому не было на Западе.

В 1862 году был издан Букварь на народном татарском языке с русским алфавитом, приспособленным Н. И. Ильминским для татарского языка. И с этого времени начинается второй этап деятельности Ильминского – создание народной школы, обучение на народном татарском языке, обучение крещеных татар народно-татарской грамоте. Созданию крещено-татарской школы Ильминский в значительной мере обязан своему помощнику Василию Тимофееву. Простой человек, из деревни, не знавший никакой грамоты, очень помог Николаю Ивановичу в переводах на татарский язык Священного Писания. Он хотел учиться. Ильминский выписал его в Казань и пристроил звонарем и водовозом при женском монастыре в Казани. Одновременно он поставил его практикантом татарского разговорного языка при КДА. Началось сотрудничество Тимофеева с Н. И. Ильминским в переводах. Все издания осуществлялись за счет Ильминского и бесплатно им раздавались. В 1863 году к Василию Тимофееву из деревни привезли трех мальчиков с просьбой обучить их грамоте. Он поселил их у себя в маленькой комнате и начал их учить под руководством М. И. Ильминского. Через год в 1864 году Ильминским вместе с Василием Тимофеевым открылась официальная крещено-татарская школа; в ней училось уже 19 мальчиков и одна девочка. Быстро шло усвоение грамоты. В 1865 году в ней училось уже 40 мальчиков и 2 девочки, в 1866 году – 60 мальчиков и 5 девочек, в 1871 году школа уже имела обширные здания и собственную церковь.

В школе простой, семейный уклад жизни, напоминавший ученикам родную деревенскую атмосферу. С другой стороны, уклад жизни устанавливался строго религиозный. Преподавались Закон Божий, молитвы, Священная история, краткий Катехизис и народная татарская грамота. Все изучалось на народном татарском языке. Постепенно ученики знакомились и с русским языком, учились читать и писать; в старших классах преподавалась арифметика, история, география и т.д. Для любознательных преподавалась русская литература.

Весь строй жизни организовывался самим Николаем Ивановичем, его соратником и другом Морловым и Василием Тимофеевым. Летом или в Рождественские каникулы для ребятшек всей школы организовывались путешествия и походы в татарские деревни. Успех был огромный. На Пасху с пением Пасхального канона они проходили по деревням, и народ толпами стекался слушать пение и чтение. Через несколько лет ученики превращались в учителей; наиболее способные становились учителями и в этой школе, и в сельских школах, которые организовывались в деревнях. О том, как шло школьное дело, говорят некоторые цифры: в 1871 году в школе обучалось уже 120 школьников и 40 школьниц, и было выпущено за этот год 16 учителей и 3 учительниц, т.е. 19 учителей.

Маленькое ядрышко постепенно превратилось в Центральную крещено-татарскую школу, которая стала источником серии, целого потока миссионерских школ в деревнях. С каждым годом

выходило все больше учителей, вся система выростала в стройное целое, полностью контролировалась и направлялась Н. И. Ильминским и его соратниками. Во всех школах и во всех делах главным было влияние Н. И. Ильминского. Он все знал, все видел, во все вникал, вдохновлял учителей и учеников, добывал средства. В 1872 году добавились новые обязанности – Н. И. Ильминский был назначен директором Инородческой Учительской Семинарии в Казани. Таким образом он стал во главе всего инородческого образования в Казанском крае. В подготовку учителей в Учительской Семинарии он вносил дух религиозного, церковного образования.

В 1870 году было создано Православное Миссионерское Общество, которое объединило значительные церковные и общественные силы в деле духовного просвещения. Оно взяло на себя обязанность сбора народных средств на дела духовного просвещения. И с 1876 года сельские крещено-татарские школы также, как и основная Казанская школа Ильминского, были взяты на обеспечение Православного Миссионерского Общества.

Появилась значительная не только материальная, но и общественная и гражданская поддержка; дело пошло очень быстро – Казанский край стал покрываться сетью крещено-татарских школ. Одновременно под влиянием того же Н. И. Ильминского появилось движение в Казани по созданию инородческих школ для чувашей, черемисов и вотяков. Прежде всего, были вложены большие труды в переводы Священного Писания, учебников, молитвенников и т. п.; началось издание книг на чувашском, черемисском и вотяцком языках. Началось это движение в Казани, и постепенно то же произошло и со школами. Сначала появились такие школы в Казани, затем выпускники этих школ создавали новые школы в Казанской епархии, и далее – в епархиях Центральной России и Сибири. Все это время образцом была крещено-татарская школа Ильминского. Кроме обучения грамоте и Закону Божию на родном языке, на народные языки постепенно начало перекладываться богослужение и песнопения, впоследствии появились и православные народные напевы в богослужении. Впервые Литургия полностью на татарском языке была совершена в Казани в 1869 году. Ее совершил и подготовил к пению всех песнопений на татарском языке учеников школы сотрудник Алтайской миссии иеромонах Макарий Невский, впоследствии митрополит Московский.

Для того, чтобы расширить дело переводов на алтайский язык, он приехал к Н. И. Ильминскому, и работал рядом и вместе с ним над переводами Священного Писания и богослужения на алтайские языки. Одновременно он помогал Николаю Ивановичу, Василию Тимофееву и другим перекладывать богослужение на татарский язык и православные распевы. Примерно полгода он служил в Казани, в крещено-татарской школе. В конце 1869 года был рукоположен во иереи Василий Тимофеев. И этот простой, еще недавно неграмотный человек, водовоз, звонарь, дворник, учитель-самородок становится удивительным священником, пастырем крещено-татарской школы. После и другие выпускники крещено-татарской школы становятся пастырями, а некоторые из них обучаются потом в Семинарии и Академии.

Одновременно происходила подготовка и, наконец, совершение богослужения (Литургии) на языках чувашском, черемисском, вотяцком. К концу жизни Н. И. Ильминского 48 человек из его учеников татар стали священниками, 6 человек диаконами; из чувашей – 8 священниками, 2 диаконами; из черемисов – 3 священниками, 6 диаконами; из вотяков – 2 священниками: всего 75 человек совершали богослужение в сельских храмах на народных наречиях. Таким образом, Н. И. Ильминский, мирянин, совершил жизненный подвиг; он совершил приобщение малых народов татарского, чувашского, черемисского, алтайского, калмыцкого и многих других к христианскому просвещению на народном языке. Ильминский дал средства и способы для просвещения инородцев; он создал миссионерские школы для образования и духовного просвещения малых народов; он довел дело просвещения до богослужения на народных языках малых народов; им создана школа учителей, образцовая миссионерская школа, воспитаны первые учителя миссионерских школ и первые священнослужители для служения и проповеди Слова Божия на народном языке. Это движение по существу было создано одним человеком. В конце XIX века уже нигде, ни в Якутии, ни на Алтае, ни в Предкавказье, ни в Средней Азии дело перевода Священного Писания и богослужения на народный язык без него не обходилось.

В начале XX века казанской переводческой комиссией были изданы переводы на следующих 20-ти инородческих языках – татарском, чувашском, черемисском, вотяцком, мордовском, киргизском, башкирском, калмыцком, пермяцком, алтайском, бурятском, тунгусском, якутском, ас-

сеанско-самоедском, чукотском, арабском, персидском, аварском и азербайджанском языках. В самой Казанской епархии богослужение совершалось более, чем на 20-ти языках. Тут же эти переводы, этот опыт распространялись не только по Поволжью, но и в Сибири, на Кавказе, на Дальнем Востоке и в Закавказье.

В конце 1899 года было подсчитано, что за один год было издано более полутора миллионов экземпляров Священного Писания и просветительских книг на языках малых народов. Возникали уже самостоятельные дочерние переводческие комиссии. На чувашском языке переводы производились и печатались уже не в Казани, а в Симбирске – этим руководил сподвижник Ильминского Яковлев. В Архангельске самостоятельная комиссия переводила на языки: зырянский, карельский, лопарский, самаедский. На Алтае, в Бийске, где в это время епископ Бийский возглавлял Алтайскую миссию, переводились и издавались книги на алтайском языке. В Якутске в конце века (в 1898 г.) возникла особая переводческая комиссия для переводов на якутский и близкие к нему языки. Всюду были восприняты не только принципы перевода Н. И. Ильминского, но и огромный опыт таких переводов.

То же самое относится и к переводам текстов богослужения. Во многих деревнях, в которых русский язык не знали, православное богослужение шло на народном языке. В Казанской, в Симбирской, в Самарской, в Оренбургской, в Уфимской, в Вятской епархиях службы целиком совершались на татарском, чувашском и других языках. Вот некоторые цифры: только в Самарской епархии в 1898 году среди клириков было 128 человек, владевших чувашским языком (74 священника, из которых 47 природные чуваша; 17 диаконов, из которых 12 чувашей и 37 псаломщиков, из которых 20 чувашей), в то время, как еще в 1893 году только 3 священника знали чувашский язык – настолько быстро развивалось это движение. В 1898 году, в той же Самарской епархии 107 учителей учили на чувашском языке, из которых 32 человека были природные чуваша и 16 учительниц, из которых 7 из чувашей, т.е. 123 человека преподавали на чувашском языке. Таким образом 250 человек вели духовное и культурное просвещение на чувашском языке. То же самое происходило в Казанской, Вятской, Симбирской, Саратовской, Уфимской, Архангельской епархиях.

Главная роль в духовном просвещении инородцев в это время отводилась миссионерской школе на народном языке, и все такие школы содержались Православным Миссионерским Обществом. Во всех школах действовала система Ильминского, его опыт, его учебники и подготовленные им учителя. Приведем цифры на 1899 г. В Казанской епархии – учителей и учительниц в татарских школах было 170 человек. В Вятской епархии – в селе Уржуми 100 учителей и учительниц. В Симбирске – более 200 учителей и учительниц для чувашей. Всего в пяти национальных группах более 600 учителей и учительниц на разных языках. Всего духовно-просветительских миссионерских школ в Казанской, Вятской, Архангельской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Уфимской епархиях – 323, учащихся – более 11 тысяч (9 тыс. учеников и более 2-х тыс. учениц).

В 1854 году при Казанской Духовной Академии были учреждены миссионерские отделения: татарское и монгольское. Уже после смерти Ильминского в 1897 году эти отделения были преобразованы по проекту соратника и ученика Ильминского профессора Миротворцева в двухгодичные миссионерские курсы, а в 1899 году они были перемещены в Казанский Спасо-Преображенский монастырь и выделены в самостоятельное учебное заведение. Кроме богословских предметов там специально преподавались следующие предметы. На татарском отделении – христианское учение в сравнении с магометанством, история обличения магометанства, этнография татарских племен, татарский и арабский языки. На монгольском отделении – христианское учение в сравнении с учением буддизма, история обличения ламаизма, история просвещения монгольских племен, монгольский и калмыцкий языки. В 1898-1899 гг. на этих богословских миссионерских курсах училось более 60 человек.

Н. И. Ильминский был не один, его поддерживали Московские митрополиты – вначале митрополит Филарет Дроздов, потом митрополит Иннокентий. Его поддерживали обер-прокуроры – граф Толстой, потом Победоносцев. Его поддерживала корпорация Казанской Духовной Академии, общественность. Но подвиг, который выпал на его долю, ему пришлось совершить самому.

Просвещение малых народов в этот период оживилось и выходило на тот широкий путь, когда становились явными плоды деятельности в самых различных уголках нашей страны. Вот некоторые цифры о деятельности внутренних миссий. В России, в ее восточной Европейской части и

в Сибири действовали по просвещению нерусских народов (в западных областях шли особые процессы взаимоотношения с католицизмом, с протестантизмом, с различным западным сектантством). 8 Сибирских миссий – Алтайская, Киргизская, Енисейская, Тобольская, Иркутская, Якутская, Забайкальская и Камчатская. Алтайская миссия оставалась образцовой. Енисейская разделялась на два отдела – Минусинский и Туруханский. К Якутской миссии относилась собственно Якутская и Чукотская. На Камчатке действовали три отдела – Гольдский, Вилякский и Корейский. Шесть миссий действовали на Европейской части России (они были образованы примерно также, как Алтайская) – это Калмыцкая, Киргизская, Черемисская, Вогульская, Башкирская, Трухмянская и отчасти Татарская. Они относились к епархиям Астраханской, Ставропольской, Пермской Оренбургской, Екатеринбургской и Рязанской. Ставропольская миссия была разделена на три отдела – Калмыцкая, Трухмянская (среди магометан) и третья, тоже магометанская миссия, обращенная к различным горцам предкавказья.

Приведем некоторые цифры результатов действия этих миссий за 30 лет с 1870 г. по 1899 г. В Алтайской миссии в 1899 году: 15 миссионерских станов, 67 храмов и 8 храмов в монастырях и в архиерейском доме, 29 миссионеров, 62 псаломщика и учителя, 48 школ и катехизаторское училище в Бийске, учащихся в этих школах более 1000 человек. Действовали мужской монастырь, женский монастырь (7 монахинь и 144 послушницы), женская община (1 монахиня и более 100 послушниц) и два приюта для сироток. В Киргизской миссии – 11 школ; в Минусинской миссии – 8 школ; в Туруханской миссии – 5 школ; в Иркутской миссии – 25 школ; в Забайкальской миссии – 29 школ; в Камчатской миссии – 23 школы. Всего в этих миссиях действовало 153 школы. В перечисленных Европейских епархиях действовало 76 школ, не считая Татарских. Официальные данные дают сведения о том, что за 30 лет на территории России по перечисленным миссиям было крещено 125 тыс. человек.

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ В ДЕЛЕ ДУХОВНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

– Первая трудность: огромное, мало заселенное кочевниками пространство. Особенно это относится к Якутии, Енисейской, Тобольской миссиям. Например, в Енисейской епархии было 14 миссионерских приходов, в каждом из которых насчитывалось примерно по 65 кочевых поселений. Каждый приход или миссионерский стан охватывал тысячи квадратных километров. Нужны были месяцы, чтобы только объехать эти площади. В течение года миссионеры совершали от 1000 до 6000 км. путешествий, в том числе по тундре на побережье Ледовитого Океана. Ежегодные отчеты Православного Миссионерского Общества содержат многие рассказы о том, как действовали миссионеры, путешествуя на собаках, на оленях по этим диким краям.

– Вторая трудность, которая осталась и к началу XX века – разнообразие языков (причем языков трудных), разнообразие племен, разноязычность. Благодаря Казанской миссионерской школе эти трудности начали преодолеваться активно в начале века. Даже в начале века многие языки сибирских народностей еще не имели ни письменности, ни тем более переводов Священного Писания. В 1899 году в отчете Миссионерского Общества приводятся сведения о том, что самаедский язык только-только начал приобретать свою письменность и свои первые переводы. Очень большие работы проводились в Якутии ученым и высокодуховным епископом Дионисием, который переводил на якутский язык Священное Писание. Из опубликованных им трудов было видно, как ему было трудно в понятных этим народам терминах передать значение самой сути Евхаристии (например, они не знали слово «хлеб» – у северных народов хлеб заменяет сушеная рыба, не знали слово «любить» – у них есть только слово «жалеть»). По существу создавался якутский язык и другие языки благодаря переводу на них Священного Писания и богослужения. Епископ Дионисий перевел слова «хлеб наш насущный» примерно так «нашу необходимую пищу». Слово «тело» им было введено в якутский язык и языки северных народов. Возникали большие трудности с произношением.

– Следующая трудность – это фанатическая пропаганда, прежде всего магометанства, как в Европейской части России, так и в Сибири. Дело в том, что было упущено время. Очень активная пропаганда магометанства началась уже с XV века и в Европейской части России, и в Сибири среди калмыков и других народностей. То же самое относится и к ламаизму. Только в Забайкальских областях в низовьях Амура насчитывалось более 18 тыс. штатных лам. Они настолько активно действовали, что вся масса населения им подчинялась. Их активность доходила до настоящего гонения на христиан, особенно на тех калмыков, кто переходил в христианство из ламаизма или магометанства.

– Следующая трудность – недостаточное количество храмов, миссионеров, миссионерских станов. В Сибири в Якутии во многих селениях люди никогда не видели храма. Так было в конце XIX – начале XX века. Только миссионеры приезжали и совершали богослужения в своих походных храмах. Это относится не только к Сибири, такие села бывали и в России – в Приуралье, на Северном Урале, на Севере.

В конце XIX века миссиям были даны значительные штаты, т.е. возможность принимать священника-миссионера на штатную должность для работы в миссии. В начале нашего века многие штатные места оказались пустыми, подготовка миссионеров не успевала за насущными потребностями миссии. Особенно это относится к далеким миссиям – к Якутской, Камчатской, Забайкальской и другим. Вы видели, как быстро возросло количество миссионерских инородческих школ, и несмотря на это важнейшей задачей в конце XIX века было создание сети таких инородческих школ. Острая нехватка этих школ чувствовалась по всей России. Это обстоятельство указывалось и в отчетах Православного Миссионерского Общества, на миссионерских съездах и т.д. Говорилось о том, что по существу вся миссионерская деятельность и ее успех определяется количеством и уровнем деятельности инородческих миссионерских школ. Там, где эти школы действуют, там устанавливается подлинное христианское духовное просвещение.

Из самых больших трудностей были создание и укрепление школ. Очень остро сказывалось недостаточное их количество. Не было миссионерских школ, где можно было бы преподавать народам на их родном языке. В енисейском крае на 300 тыс. человек нерусского населения было всего 12 миссионерских школ; в Киргизии – на 800 тыс. человек 9 школ; в Тобольском крае всего одна школа. Особенно большие трудности возникали среди кочевников, когда школа означала пансионат, и надо было брать детишек из кочевий и помещать в школы для обучения. Эти трудности и сейчас имеют место, и сейчас на Камчатке вертолетом собирают детишек по кочевьям и привозят в большие поселки и города в школы и интернаты. Собирают 1-го сентября, проводят первый урок, а потом детишки разбегаются в свои кочевья по тундре и возвращается к своим родителям.

– И, наконец, недостаток материальных средств. Приведем цифры за 1899 году. Казанская миссия на миссионерские школы получила 22 тыс. рублей золотом, Вятская – 12 тысяч, Астраханская – 21 тысячу, Камчатская – 24 тысячи рублей. Это суммы большие, но они оказывались недостаточными для того, чтобы удовлетворить самым необходимым потребностям этих огромных миссий. Несмотря на то, что Миссионерское общество действовало с 1870 года, половина средств на духовное просвещение малых народов собиралось Миссионерским обществом в разных слоях русского населения, и только половина шла от Священного Синода. Этих средств не хватало. В 1899 году Миссионерское общество израсходовало на миссии немалую сумму – 300 тыс. рублей, но для тех широких задач этого было недостаточно.

Духовному просвещению конца XIX – начала XX века способствовало освоение Сибири разными ведомствами, в частности, строительство Сибирской железной дороги. В районе Сибирской железной дороги был создан Комитет церковного и школьного строительства под покровительством Императора Николая II. Этот Комитет при содействии Императора (в значительной степени на его средства) построил к 1900-му году 162 новых храма и 105 новых школ. Тысячи переселенцев значительно изменили ситуацию в Сибири. Процесс заселения и христианизации Сибири усилился при реформах П. А. Столыпина.

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ

Американская миссия в течение долгого времени была наиболее сильной из внешних миссий, хотя начиналась она как внутренняя. Естественным продолжением освоения и заселения Сибири послужило то, что казачьи и военные отряды, а также купеческие обозы шли в разных направлениях по Сибири. За ними появлялись остроги (укрепленные пункты), на базе которых в торговых точках возникали города. Колонизация Сибири шла и на юг, до Амура, и на восток, пока не дошла до Тихого океана. Когда впервые вышли к Тихому океану неизвестно, но уже в середине XVII века Семен Дежнев обогнул Чукотский полуостров и вышел из Ледовитого океана в Тихий. Осваивалось побережье Тихого океана – город Охотск становился точкой активной торговли и дальнейшего освоения новых земель. Осваивалась Камчатка. Шли научные экспедиции. Примерно в это же время по-видимому впервые русские корабли достигли и Алеутских островов.

Первыми из Алеутских островов, находящихся между Аляской и Чукоткой, была группа островов, впоследствии названная именем Беринга – Беринговы острова и Аляска. Мы знаем некоторые исторические факты о том, когда стали поступать в Охотск, Иркутск и далее в Россию предметы торговли – шкуры котиков, а также клыки моржей. Дело в том, что острова Беринга славились огромным лежбищем котиков и моржей, что привлекало внимание охотников. Туда направлялись наиболее смелые и предприимчивые купцы, а может быть, и разбойники. И в конце XVIII века с Алеутских островов потоком пошла пушнина. Этим предпринимателям удалось объединить Григорию Шелихову, купцу из Курска, который в конце XVIII века вместе с купцом Голиковым объединил предпринимателей. Была создана Российско-Американская Компания по освоению Алеутских островов и Аляски. Последняя, благодаря энергии и уму Шелихова очень быстро нашла признание и в Иркутске, и в Москве, и в Петербурге. Григорий Шелихов получил права и привилегии для Компании у Императрицы Екатерины II. Почти сразу после этого, в 1784 году на Алеутские острова был направлен корабль с первыми поселенцами; 130 человек поселились на острове Кадьяк, большом острове близлежащем к Америке.

Примерно в это же время Шелихов послал в Священный Синод и Императрице прошение о том, чтобы направить духовенство для просвещения местного населения, крещения, строительства храмов и организации церковной жизни на Алеутских островах и на Аляске. Это прошение было рассмотрено в 1793 году, и в том же году Петербургский Митрополит Гавриил и Священный Синод вынесли решение направить в Аляску миссию; началась подготовка к организации этой миссии. Шелихов вел дела с большим размахом и очень быстро стал одним из самых богатых людей Сибири. Все расходы по миссии он брал на себя. Он планировал строительство храмов, школ, подбор способных мальчиков и направление их в Иркутск, в Семинарию. Первых мальчиков, не дожидаясь миссии, он вывез сам в Иркутскую Семинарию. Он осуществил планомерную, широкую, систематическую работу по духовному просвещению не только местного, но и русского населения. На Алеутских островах в то время жило примерно 10 тысяч алеутов, на Аляске жили алеуты, эскимосы и различные племена индейцев, прежде всего колоши.

Алеуты в те времена были очень мирный, детский, простой, доверчивый народ; они поклонялись светлым и темным духам, духовному существу Инуа; это – духовная жизненная сила. Вся природа жила этой энергией и была причастна как бы единой душе Инуа. Алеуты вели кочевой образ жизни, жили в чумах из звериных кож, как эскимосы и другие народы, и занимались рыбной ловлей и охотой; они почти не знали земледелия.

Приход русских на Алеутские острова был неоднозначен: с одной стороны, это несравнимо более высокий культурный и духовный уровень, с другой – хищничество, пьянство, которые шли вместе с первыми предпринимателями. Шелихов мудро направлял деятельность своих подчиненных по пути мирного и доброжелательного привлечения местного населения к делам Компании. Но другие его соратники часто действовали совсем по-другому: шел грабеж местного населения и эксплуатация по хорошо известным на Юге и Западе Америки образцам отношения к неграм и индейцам, т.е. превращения алеутов, колошей и эскимосов в рабов. Эти тенденции в то время были и в России.

Первое русское поселение упрочилось примерно в 1786 году по образцу сибирских острогов – с крепостью, с пушками, с гарнизоном. Русское население, в основном, жило в этих укрепленных пунктах, в фортах; оно занималось охотой, добычей пушнины и торговлей с местными племенами. В 1799 году Компания получила полную монополию на добычу пушнины на Алеутских островах и Аляске. В это время Компания по существу становится не контролируемым хозяином этих районов, потому что чиновники, которые шли за купцами, находились в полной независимости – все корабли, все принадлежало Компании. Вскоре Шелихов умер, и Компанию возглавили его соратники – сначала Евстрат Дидаров, а затем Александр Баранов, который фактически возглавлял Компанию с 1799 года и в течение 29 лет был неограниченным властелином этих краев.

Баранов сделал очень много. При нем были основаны первые поселения – города Ситха и другие, освоены первые шахты добычи угля, создан флот, русские поселения начали распространяться на юг и дошли до Калифорнии, где уперлись в поселения испанцев. В Калифорнии в 1814 году был построен форт Росс, который сохранился после нескольких пожаров и до наших дней. Баранов завязал дружеские отношения не только с купцами, но через них и с правительствами самых разных стран – Японии, Кореи, Китая, Филиппин. С другой стороны, как говорит не только устное

предание – при Баранове расцвело хищническое отношение к местному населению. Его стали рассматривать как рабочий скот. Имя Баранова и его помощников стали именами нарицательными, ими родители пугали своих детей.

Когда Григорий Шелихов от имени Компании в 1793 году обратился в Синод, на Аляске еще не было ни одного православного священника, но сотни людей были крещены. В частности, это было связано с тем, что поселенцы, брали жен из местных алеутов или эскимосов и крестили их также, как и своих детей. Священный Синод (при обер-прокуроре Мусине-Пушкине) под председательством митрополита Петербургского Гавриила вынес решение о создании миссии по указанию Императрицы Екатерины II, и началась работа по ее созданию. Уже в сентябре 1793 года для Американской миссии были подобраны первые монахи из Валаамского монастыря. Священный Синод рекомендовал иеромонаха Иосафа Болотова (1757-1799) в качестве начальника миссии, который единственный имел богословское академическое образование, и возвел его в сан архимандрита. В составе миссии иеромонах Макарий (Александров) 1750 года рождения из Орловской губернии, из крепостных, получил вольную, подвизался в Коневском монастыре. Ювеналий (Говорухин) – ему в то время было 32 года, из Екатеринбурга, монах Валаамского монастыря. Иеродиакон Нектарий (Панов), из купцов, монах Валаамского монастыря, принял сан иеромонаха. Афанасий (Михайлов), немного более 30-ти лет, из крепостных, из Москвы, получил вольную и жил монахом в Валаамском монастыре. Монах Герман, родился в Серпухове, 16-ти лет попал в Строевский монастырь под Петербургом, через пять лет перешел в Валаамский монастырь.

Миссия направилась через Москву на восток; ее вез лично Григорий Шелихов. В Москве присоединились брат архимандрита Иосафа, иеромонах Ювеналий, постриженный с именем Стефан, и послушник Иосаф. Они прибыли в Иркутск, затем по Лене добрались до Якутска, на лошадях – до Охотска; Шелихов посадил их на корабль и отправил на Кадьяк. Прибыли они туда 24 сент. 1794 года. Этот день считается началом православной жизни на Американской земле.

В это время на Кадьяке жило примерно 220 русских и около 8 тыс. алеутов. Строилась пристань, в порту и форте были деревянные укрепления. Началась церковная жизнь – строительство первого храма и работа с алеутами и с индейцами. С последними было трудно. Гордые воинственные индейские племена находились во враждебных или даже воинственных отношениях с русскими. С алеутами было проще. Иеромонахи начали ездить от острова к острову и проповедовать и крестить уже в значительной мере подготовленных к крещению алеутов.

После смерти Шелихова Компания перестала поддерживать миссию, она была оставлена без поддержки. При Баранове начались жалобы местного населения на притеснения. К чести первых монахов и первых священников, на эти притеснения они отвечали защитой местного населения перед Компанией. Они не побоялись всесильных руководителей Компании и начали обращаться в Иркутскую епархию, в Петербург (в Свщ. Синод и к Государю), когда видели, что обращение в Компанию не дало результата. В 1802 году из Александро-Невской Лавры был направлен ревизор иеромонах Гидеон. Он добрался на Алеуты в 1804 году и провел там три года, пытаясь помочь бедственному состоянию миссии. Отчасти из-за этих причин в 1797 году в Россию уехал глава миссии Архимандрит Иосаф.

Алеуты приняли православную веру просто, по-детски, и начинали учиться жить по-христиански. Одна из главных трудностей – богослужение совершалось на славянском языке. Архимандрит Иосаф просил рассмотреть вопрос о возможности открытия Алеутской, Аляскинской кафедры с тем, чтобы епископ был викарием епископа Иркутского. Этот вопрос был решен в Священном Синоде. Иосаф поехал в Иркутск, где по решению Священного Синода его рукополагают во епископа – епископ Кадьякский, викарий Иркутской епархии (апрель 1799 г.). В мае 1799 года епископ Иосаф вместе с дарами иркутских купцов, богатым облачением, утварью, книгами, со свитой, в которой находились иеромонах Макарий, иеродиакон Степан и др., сели в Охотске на фрегат «Феникс» и направились на Кадьяк. Немного не доплывая до острова, они попали в бурю и все погибли. В это же время при неясных обстоятельствах погиб иеромонах Ювеналий. Его причислили к лику местночтимых святых.

К 1818 году осталось три монаха – Афанасий, Иосаф и Герман. То, что миссия не могла полноценно трудиться видно из письма соратника Шелихова – Голикова. Он писал Государю Императору и в Свщ. Синод о том, как развратилось руководство Компании: «Я думаю, что скоро промыш-

ленники предпримут попытку убить Германа, который человек здоровый, любящий Бога, скромный, честный, идеальный монах, безупречен в своем поведении». Одновременно шел поток клеветнических обвинений на монахов в Иркутск и в Петербург. Дошло до того, что монахам запрещали совершать богослужение даже в воскресные дни без разрешения руководства Компании. Но все-таки миссия жила. На Кадьяке работала школа для алеутов. В ней училось около 50 человек. Наконец, монах Герман уехал с острова Кадьяк на недалеко расположенный остров Еловый. Здесь, вдали от руководства Компании он построил часовню, келью, и начал учить детей-алеутов, учил алеутов сельскому хозяйству и многому другому. В 1807 году инспектирующий иеромонах Гидеон уехал и оставил Германа во главе миссии. Последний иеродиакон отправился вместе с Гидеоном. Иосаф жил вместе с Германом; скончался он в 1823 году. Герман похоронил его около их часовни на острове Еловом и начал жить отшельнической жизнью, отдавая все свое время алеутам. Скончался он 13 декабря 1837 года. Светлая память о святом человеке сохранилась среди алеутов. Он причислен к лику святых в 1971 году.

Казалось бы, миссия умерла. В 1823 году остался один простой монах. В Свщ. Синоде в этом же году вынесли решение о том, чтобы Американско-Аляскинскую миссию закрыть. Это решение не было утверждено Императором Александром I, и Синод направил по епархиям послание с тем, чтобы найти людей, которые хотели бы поехать миссионерами на Алеутские острова. Начался новый этап жизни Американско-Аляскинской миссии. В 1824 году на остров Уналашку прибыл откликнувшийся на этот призыв женатый священник отец Иоанн Вениаминов или Попов (первая фамилия) из Иркутска. Он приехал в июне 1824 года вместе с семьей (мать, жена, сын, брат).

В Иркутской Семинарии он выделялся исключительными способностями, и он блестяще окончил семинарию. Ему все удавалось – богословское учение, пение, языки; он очень любил механическую работу, ремесла, изготовление часов. Живой, веселый, крепкий, он стал диаконом в Иркутске, потом священником в Благовещенском храме в Иркутске. Его выделили ректор Семинарии и епископ Иркутский.

По благословию Владыки он поехал всей семьей сначала по Лене, потом верхом до Охотска. Сели на корабль и приплыли на о. Уналашку, один из Алеутских островов 29 июня 1824 года. О. Иоанн тут же приступил к обучению местных алеутов ремеслам – плотницкому, столярному, кузнечному, каменному и т.д. В 26-ом году их руками была построена и освящена церковь – храм Вознесения Господня. После этого он приступил к постройке дома – до того они жили в землянке. В течение первого года он практически всех окрестил, начал приобщать к церковной жизни, устроил школу, изучил алеутский язык и начал проповедовать на алеутском языке. Тогда же он работал над составлением азбуки алеутского языка. С новой азбукой он начал первые переводы на алеутский язык отрывков Евангелия, Катехизиса и учил детей. Появилась первая церковная приходская миссионерская школа. Русских на острове было небольшое количество. У о. Иоанна своих пять детишек. Алеуты его очень полюбили. Дети тянулись к нему, и он умел их не только учить, но и воспитывать.

Впоследствии он писал об образовании, как о самом трудном деле, самом высоком искусстве. «Воспитание детей есть самая труднейшая задача для науки, и потому справедливо говорится, что мы не умеем воспитывать своих детей. И точно так. Например, не смотря на то, что многие писали и пишут о сем предмете, и некоторые даже весьма основательно и со знанием дела, но при всем том мы еще не имеем полной системы или науки, как воспитывать детей, чтобы не уничтожая и не извращая никакого характера, данного природой человеку. В то же время всякого из них направлять так, чтобы он при всем развитии своем не был препятствием к достижению главной цели существования нашего на земле, указанного нам Спасителем нашим; впрочем это, кажется, и выше сил человеческих» – это начало одного из его сочинений о воспитании и преподавании. Отец Иоанн писал для своей детской паствы на все темы: о посте, о Евангелие, о семье. Дети у него всегда были заняты, никакой праздности, всегда ему помогали во всех его делах.

После Уналашки он поехал на соседние острова. В течение 10 лет он объехал 20 Алеутских островов, где он крестил, венчал, причащал. На одном из островов его встретили необычно. Он написал в докладе Священному Синоду следующее: «В апреле 34-го года, в Великий пост, отправился я первый раз на остров Акун к алеутам. Подъезжая к острову я увидел, что они все стояли на берегу наряженные как в торжественный праздник. Когда я вышел на берег, то они все радостно бросились ко мне. Я спросил их, – почему они такие наряженные? Они отвечали, – «Потому что

мы знали, что ты выехал и сегодня должен быть у нас, вот мы в радости вышли на берег, чтобы встретить тебя». – «Кто же вам сказал, что я буду у вас сегодня и почему вы меня знаете, что я именно отец Иоанн?» – «Наш шаман, старик Иван Смиренников сказал нам об этом и описал нам твою наружность так, как теперь видим тебя». – Это обстоятельство меня чрезвычайно удивило. Оказалось, что в течение тридцати лет ангелы ежедневно являлись алеуту Смиренникову и поучали его, и через него других. Дабы удостовериться точно ли ангелы являются ему я спросил, могу ли я видеть их и говорить с ними? Он отвечал, что не знает и спросит у них. И действительно через час приходит и говорит, что они ему сказали: «И что он еще хочет знать о нас, ужели он почитает нас дьяволами? Хорошо пусть видит и говорит с нами, если хочет». И еще сказали нечто в одобрение мое, и я, дабы не сочтено за тщеславие со стороны моей, помолчу об этом. Тогда что-то необыкновенное произошло со мной, какой-то страх напал на меня и полное смирение. Что если в самом деле я увижу их, этих ангелов, и они подтвердят сказанное сердцем. И как увижу этих ангелов, и как же я пойду к ним, ведь я же человек грешный, недостойный беседовать с ними, обладаю гордостью и самонадеянностью. И, наконец, свиданием моим с ангелами может быть превознесся бы своею верою или размечтал бы многое о себе. Я, как недостойный, решился не ходить к ним. Я сказал братьям алеутам, чтобы они не называли больше Смиренникова шаманом».

Донесение свое он сначала написал епископу Михаилу в Иркутск, а потом в Свщ. Синод.

На байдарке (каркас из дерева, обтянутый шкурой) отец Иоанн переплывал с острова на остров и проповедовал, крестил, причащал, исповедовал, отпевал в течение 10 лет. Он и сам многому учился у алеутов.

За это время отец Иоанн перевел катехизис, Евангелие от Матфея, букварь с молитвами для алеутов, составил грамматику и словарь алеутского языка, сделал некоторые другие переводы. Кроме Алеутских островов, к его приходу относились острова Лисьи, острова Прибылова, остров св. Михаила.

В 1834 году отца Иоанна перевели на остров Ситху ближе к правлению Российско-Американской Компании. Здесь, кроме алеутов, жили эскимосы и индейские племена (колоши). Эскимосы, как и алеуты простодушны, доверчивы и добры. Индейцы-колоши – это другой тип, стройные, красивые, гордые, с черными волосами, мстительные, злопамятные, умные. За каждое недоброе отношение промышленников и за любую обиду они должны отомстить. У русских был форт, внутри которого храм. Индейцев не пускали в этот форт.

В 1836 году началась эпидемия оспы. В то время русские практиковали прививки от оспы и даже зараженные ею перенесли ее в легкой форме. У индейцев начался настоящий мор. Тогда они обратились за помощью к русским. Они восприняли как чудо, что русских не берет эта болезнь. Отец Иоанн вместе с врачом ходили к больным, прививали оспу и эпидемия остановилась. Только после этого колоши открыли свои дома и допустили в семьи отца Иоанна. Началась полноценная проповедь Евангелия и крещение колошей. Шаманы отступили.

Одновременно о. Иоанн изучал язык колошей и переводил на индейский язык Священное Писание, учил детей грамоте. В 1837 году впервые было совершено богослужение вне форта под открытым небом; на это богослужение сошлись индейцы и все местное население – более 1500 человек присутствовало на Литургии.

У о. Иоанна появился хороший помощник. В 1828 году на остров Атке прибыл священник из Иркутска. Это Яков Несветов – алеут, который мальчиком был отвезен в Иркутск, окончил Иркутскую Семинарию и стал ревностным пастырем; приехал туда уже священником. В 1830 году он построил храм Свт. Николая и, как природный алеут помогал о. Иоанну делать полноценные переводы на алеутский язык.

В 1840 году на Аляске, на Алеутских островах имелось пять священников, 4 школы, 5 храмов, 4 приюта для сирот и много часовен. Практически все Алеутские острова и часть материковой Аляски были просвещены – алеуты, эскимосы, колоши – всего более 10 тыс. христиан.

В 1838 году о. Иоанн действительно, как было предсказано через ангелов стариком Смиренниковым, направился в Петербург. Он сел на корабль и, обогнув Азию, приплыл в Петербург. Семью, как было предсказано, он отправил через Охотск в Иркутск сухопутным путем. В конце 1838 года он прибыл в Петербург по благословию епископа Иркутского с целью издания на але-

утском языке переводов. Кроме того, нужно было донести до Священного Синода трудности, которые испытывала Аляскинская миссия.

В Петербурге он попал к графу Толстому, обер-прокурору Священного Синода, и довольно скоро завоевал уважение и полное признание. Он оставил в ученых обществах Академии Наук свои труды и записки о местном народе, о климате, о добыче меха морских котиков, сделал ряд докладов. Его вызвали Священный Синод и Император Николай I. Сохранились его записки как, Николай I его принял, как с ним разговаривал, выслушал о трудностях жизни православных на островах. В результате, все его просьбы и предложения о помощи и материальной, и со священниками, и по организационным вопросам, были приняты и утверждены. Помощь была оказана. Тогда же он познакомился с митрополитом Филаретом Дроздовым, постоянным членом Синода. Митрополит его говорил о нем: «В нем есть что-то апостольское». Когда он ехал в Москву, митрополит Филарет дал наместнику Троице-Сергиевой Лавры указание, как его принять и непременно выпытать у него рассказ о старике Смиренникове.

В 1840 году о. Иоанн, наконец, закончил все свои дела и собирался ехать на Алеутские острова. Он заехал в Киев поклониться Киево-Печерским угодникам и по возвращении в Петербург узнал, что у него в Иркутске скончалась жена. Пятеро детей остались сиротами. Митрополит Филарет Дроздов уговаривал его принять монашество. Он не соглашался, поскольку на нем были дети. Потом его уговаривали принять монашество в Петербурге все архиереи Синода; он не решился отказаться и согласился. Тут же по ходатайству митрополита Филарета его дети были устроены – старших дочерей приняли в закрытые учебные заведения в Петербурге, а сыновей приняла Петербургская Духовная Семинария. После этого Священный Синод постановил, а Император утвердил открыть новые епархии Камчатскую, Курильскую и Алеутскую (1840 г.). Синод рекомендовал только что постриженного о. Иоанна, и Император Николай I утвердил его на должность епископа этой епархии с именем о. Иннокентия. Хиротония проходила в Казанском Соборе, и в янв. 1841 года епископ Иннокентий отбыл из Петербурга. И только в сент. 1841 года он прибыл с новыми священниками в Ситху.

Начался новый этап. В Ситхе строился храм Михаила Архангела и дом епархиального управления за счет Российско-Американской Компании и на те пожертвования, которые он привез из Москвы, Иркутска и Петербурга. Семинария из Петропавловска на Камчатке перевелась в Ситху – там чувствовалась потребность в подготовке священников. Американско-Аляскинская миссия разделилась на четыре. В этой новой епархии открылись еще три миссии как самостоятельные, в частности, для индейцев.

Вскоре епископ Иннокентий отбыл в свою первую поездку. Сохранилось много документов, отчетов, воспоминаний других людей об этих поездках. Это Алеутские острова и Камчатка. По Камчатке ему приходилось ехать на собаках, на оленях, попадать в пургу. В одной из пещер Камчатки сохранилась сделанная его рукой надпись: «Здесь переждал пургу епископ Камчатский Иннокентий». Дальше он поехал в Сибирь. К этой епархии относились не только Курильские острова, но и часть Сибири. Это была очень тяжелая и очень плодотворная поездка. Новый владыка все видел, понимал, и на все у него были активные и мудрые действия. Первое его путешествие закончилось в апреле 1843 года в Охотске; до 50-го года было еще три больших поездки.

Комплекс резиденции епископа – Семинария, библиотека, приют и часовня, в основном, были закончены в 1843 году. В 1845 году Семинария окончательно была переведена из Петропавловска в Ситху. На Аляске Семинария была до 1858 года, до того момента, как ее перевели в Якутск, во вновь открытую епархию в Якутске.

После этого наступил новый этап жизни российского Дальнего Востока. В конце 50-х годов прошлого века окончательно отошли к России земли по течению Амура. Владыка Иннокентий прекрасно понимал значение этих государственных шагов и всячески их поддерживал. Он путешествовал на корабле по Амуру. Его старший сын стал священником-миссионером и сопровождал его. Во время путешествий по Амуру епископ Иннокентий остановился и благословил создание города Благовещенска. Он видел значение этого центра в нижнем течении Амура и всячески внушал чиновникам необходимость поддержания и укрепления позиции в Благовещенске. В результате по его настоянию эта огромная епархия получила двух викариев. Для путешествий по Амуру у него

был небольшой корабль; он заезжал в каждое село, служил там, благословлял, знал все нужды и, прежде всего, нужды духовные.

В 1868 году начались болезни, ему уже почти 70 лет. Он, в основном, жил в Благовещенске вместе со своим сыном, который там служил, а управлял епархией он с помощью викариев. В это время скончался митрополит Московский Филарет Дроздов. Вскоре пришло известие от обер-прокурора Священного Синода о том, что Синод и Государь Император решили, что митрополитом Московским должен стать он, архиепископ Иннокентий Вениаминов. Престарелый архиепископ принял это решение, как волю Божию.

Престарелый митрополит приехал в Москву, которая его торжественно встретила. Он тут же принялся за одно из главных дел жизни – создание Православного миссионерского Общества. На Страстной Седмице 1879 года, в Великую Пятницу он скончался. Последние его слова: «Буди воля Божия»; ему было 82 года. Он закончил свои дела в огромной епархии и отъехал в Москву. Одним из последних дел его в Сибири были переводы и издание вместе с епископом Якутским Дионисием Св. Писания и богослужения на якутском языке. Впервые полностью на якутском языке Литургия была совершена в 1859 году.

Поскольку в 1867 году Аляска была продана Америке, миссия оказалась в тяжелом состоянии без поддержки России. Только в 70 году, когда по настоянию митрополита Иннокентия (уже Московского) была перенесена епископская кафедра в Калифорнию, жизнь Американской миссии несколько устроилась. В Калифорнии был епископ Иоанн (1870-1876 гг.), затем епископ Нестор (1879-1882 гг.), затем архиепископ Владимир (1888-1891 гг.) и епископ Николай (1891-1898 гг.). При епископе Николае начался интенсивный рост Церкви; при нем строились храмы, простые и миссионерские школы, осваивалась Канада, Центральная и Северная Америка (Чикаго, Нью Йорк).

Его преемником был Тихон Белавин, будущий Патриарх Всея Руси, который был епископом с 1898 г. по 1907 год. В архивах сохранилось много материалов об этом периоде, например, ежегодные отчеты епархии в Синод (с 1870 года это уже не миссия, а епархия), написанные собственноручно епископом Тихоном. Он писал о том, какие возникли приходы и братства, в каком состоянии находится приходская жизнь. При нем был создан первый монастырь. Он же поставил часовню на могиле монаха Германа, видя народное его почитание, которое со временем росло.

Впоследствии митрополит Иннокентий писал о народе Аляски: «Последнее время (т.е. когда появились переводы на их язык) умеющих читать было больше, чем 1/6 часть, и есть селения, где из мужчин более половины грамотных, а на о. Св. Павла почти все до одного умеют читать. Грамотность между алеутами распространяется через училища, существующие у них с 25 года, а более всего путем самостоятельного изучения. Они любят пост, иногда неделями ничего не вкушают. В храм стараются приходить пораньше, во время богослужения молятся сосредоточенно, на покаянии тщательно стараются освободиться от малейшего проявления грехов... Немногим из собратий наших (пишет он архимандриту Петру, который направляется на его место) достается такой счастливый жребий служения, как тебе, ибо немного ныне мест, где можно было бы найти столь послушных кротких, простых, внимательных к слову Божию, как в тех местах, куда едешь ты. По собственному опыту своему могу сказать без всякого преувеличения, что скорее утомится самый ревностный проповедник слова Божия, чем утомится ревность и внимание в их всех от мала до велика. Они слушают не напрасно, и не только из любопытства. Явным доказательством этого может служить то, что из верующих туземцев никогда не бывало ни одного нерадящего об исполнении долга очищения совести. И в течение нескольких десятков лет сряду не бывало между ними не только малейшего преступления гражданского, но едва ли кто слышал и о мелких ссорах между ними. Это я говорю о туземцах и особенно об островитянах, просвещенных светом Евангелия. Но и сидящие во тьме язычества обитатели глубокого Севера Америки охотно и внимательно слушают Евангельскую проповедь».

Св. Иннокентий очень много сделал для перевода на местные языки: камчатские (тунгусский, карякский) и якутский. Он занимался этим совместно со священниками. Когда в Якутск была перенесена епископская кафедра, он жил в Якутске и вместе с будущим епископом Якутским Дионисием организовал переводы на якутский язык так, что в 1857 году были переведены все книги Нового Завета, кроме Апокалипсиса, из Ветхого Завета Бытие и Псалтирь, часть богослужебной литературы. К лету 1859 года были изданы все переводы и 19 июля 1859 года впервые совершалось бого-

служение на якутском языке. Якутов это событие настолько расстрогало, что через своего старейшину они обратились к святителю с просьбой сделать этот день праздником.

По поводу открытия Православного миссионерского общества он писал: «Господу угодно, чтобы здесь в центре России в летах преклонных я не оставался чуждым миссионерской деятельности, которой в отдаленных уголках отечества была посвящена вся жизнь моя с ранней молодости».

В 1860 году, когда свт. Иннокентий Вениаминов находился в Николаевске на Амуре, туда проездом в Японию попал иеромонах Николай Касаткин. Почти год он был при архиепископе Иннокентии, который держал его при себе почти год. Наконец, архиепископ Иннокентий отпустил его в Японию с напутствием.

КИТАЙСКАЯ МИССИЯ

По Преданию в Китае проповедовал апостол Фома. В Китае в первые века было много христиан. Первое серьезное гонение на христиан произошло в 782 году. После гонения в Китае расцвело христианство несторианской ориентации. В 1291 году в Китай прибыли католические миссионеры – доминиканцы и францисканцы. Они получили право проповеди и активно проповедовали христианство. В 1368 году сменилась династия, и новая императорская династия Чу начала жестокое гонение на христиан. Сотни тысяч христиан были убиты, а их имущество сжигалось. Христиан убивали как государственных преступников и опасных заговорщиков. Не осталось ни одного храма. В результате до 1591 года Китай замкнулся, полностью отвечая недоверием на все попытки туда проникнуть и начать проповедь христианства. В 1591 году в Китай пришли иезуиты и началась проповедь христианства, хотя и с большими трудностями.

Знакомство с православием в Китае происходило только через Россию. В XVII веке в среднем течении Амура казаки основали острог или городок Албазин (около 80-го года). В городе находилось 450 казаков, 3 пушки, 300 ружей. В 1685 году по повелению Багдыхана китайское войско пошло на город, и албазинцы после длительной осады сдались. Им было предложено либо идти в Нерчинск, либо принять китайское подданство. Тогда маленькая часть пошла в Нерчинск, а основная часть албазинцев вместе со священником о. Макарием (Леонтьевым) решили идти в Китай и принять китайское подданство. Они были милостиво приняты Багдыханом, им дали должности (казаки причислены к воинскому званию) и была оказана помощь в строительстве целого квартала. В Пекине из кумирни сделали часовню, в которой установили образ свт. Николая. Принесли церковную утварь, и о. Макарий начал там служить.

В 1695 году митрополит Тобольский Игнатий прислал диакона, антиминос, книги, утварь. В 1696 году освятили часовню во имя свт. Николая и начали строить храм св. Софии Премудрости Божией, причем храм строился иждивением Багдыхана. Начались переговоры о том, чтобы прислать в Пекин миссию, с целью поддержать православных людей, которые начали забывать свою веру. В 1711 году о. Макарий скончался, и албазинцы остались без священника.

К этому времени Тобольским митрополитом становится Филофей, знаменитый миссионер, много потрудившийся в деле просвещения Сибири. Он готовил миссию в Пекин. Первая миссия с разрешения Багдыхана была прислана в 1715 году в лице архимандрита Иллариона Лижайского. Архимандрит был принят с почетом, но возникла трудность взаимоотношения с католиками; особенные каверзы учиняли иезуиты.

В 1721 году Петр I и митрополит Филофей решили направить в Пекин иеромонаха Иннокентия, который в 1721 году для этого был рукоположен во епископа Переяславского и в 1722 году прибыл в Иркутск с тем, чтобы ехать дальше в Пекин. Иезуиты начали тонкую интригу. Иннокентия не пустили в Пекин. В результате была учреждена Иркутская кафедра, и он остался Иркутским епископом. Начальником миссии стал архимандрит Антоний, который прибыл в Китай в 1729 году. Он получил материальную поддержку от русского торгового двора, и начал активно строить.

В 1730 году произошло сильное землетрясение и разрушило храм. Пришлось его заново строить иждивением Багдыхана. На посольском дворе был построен еще один храм – Сретения Господня (1736 г.) и Сретенский мужской монастырь.

Преемником Антония был архимандрит Илларион (Трусов). При нем в Пекине насчитывалось 50 русских дворов. Впоследствии миссии сменялись примерно раз в 10 лет, отчасти из-за трудных условий работы. С 1745 по 1755 годы был архимандрит Герсавий, затем по 1771 год архимандрит Амвросий и другие. В середине XIX века архимандритом стал Иаким Бичурин. При нем начали издаваться научные труды по описанию Китая, его истории, верованиям, истории отношений с китайцами. На китайский язык переводились богослужения, песнопения и литература, не говоря уже о Св. Писании. В то же время архимандрит Гурий (1858-1864 гг.) подготовил издание Нового Завета на литературном китайском языке. Был издан четырехтомник трудов Китайской православной миссии.

На рубеже XIX – XX веков с 1899 года почти два года в Китае длилось боксерское восстание общества «Кулак» («Во имя справедливости и согласия»), восстание китайцев против европейцев и их засилия и угнетения китайцев. В результате этого восстания в Пекине погибли многие европейцы. Русская миссия пострадала меньше других отчасти потому, что отношение к русским было лучше, чем к немцам, англичанам, американцам. В результате войска Англии, Германии, Австро-Венгрии, Франции, Японии, США, России и Италии оккупировали Пекин. Восстание в Пекине и осада посольского квартала длилась примерно два месяца. Восстание было кровопролитным, по оценкам погибло до 500 православных китайцев.

Возобновление миссии произошло в 1902 году при епископе Иннокентии, который во время боксерского восстания покинул Пекин и возвратился уже епископом. При нем шло обширное строительство не только в Пекине, но и в других местах, в частности, подворья в Харбине (1903 г.). Там был построен храм Благовещения при участии князя Хилкова. В 1913 году там же началось строительство каменного храма. На станции Маньчжурия (1902 г.) – временный храм, с 1906 г. – постоянный. В городе Дальнем (1901 г.) – Введенский храм. Одновременно шли работы по восстановлению связей с Москвой, с Петербургом, с Владивостоком. Создались подворья Пекинской миссии: во-первых в Петрограде (1903 г. на Воронежской ул., храм Казанской Божией Матери, регент – композитор Гречанинов с хором до 50 чел.). В 1912 – 1913 гг. строился новый храм, 5-этажный корпус и т.д. Во-вторых в Москве в 1915 году возникло подворье с храмом.

За длительную историю Пекинской миссии было сделано много переводов: Евангелия, книги Деяний, Соборных Посланий, Послания ап. Иакова с толкованиями, Послания ап. Павла, Часослова, Псалтири и многое другое. В Пекине, а впоследствии и на подворьях, издавались периодические журналы.

В 1914 году миссия представляла собой следующее: Успенский мужской монастырь в Пекине, Крестовоздвиженский Скит близ Пекина, женский Сретенский монастырь в Пекине, 5 подворий, 12 храмов, 3 часовни, 5 кладбищ, 32 миссионерских стана. В Пекине действовала Семинария. В Китае было 6 мужских и 3 женских миссионерских школы. Близ Пекина была богадельня, типография, метеостанция, библиотека, живописная, механические и литейная мастерские, паровая мельница, свечной и кирпичный заводы, молочная ферма, пасека, ткацкая фабрика, а к 1914 году – промышленное Бюро, центр связи с китайской промышленностью. К этому времени по официальным данным было немного больше 5 тыс. православных китайцев. В 1914 году по отчетам миссии крестилось 800 человек. Из переводов на китайский язык было издано более 20 православных книг. Среди ученых китайской миссии отмечают архимандрита Палладия, архимандрита Флавиана (впоследствии знаменитый митрополит Киевский и Галицкий, сконч. в 1916 г.). Архимандрит Амфилохий издал лексикон и китайскую грамматику.

После революции храмы и станы стали прибежищем для беженцев из России, которые хлынули со всего Дальнего Востока, из Сибири. В результате разрушительных процессов в самом Китае он был разделен на три основных государства, слабо связанных между собой. Одно из них – Маньчжурия (центр – Харбин) приняла наибольшее количество русских. Положение их вначале было тяжелым, потому что китайцы договаривались с советским правительством и выдавали русских красным властям. Со времен китайских волнений и революций шайки китайских и позже советских бандитов ходили по Маньчжурии и грабили китайское и русское население. Китайские чиновники брали большие налоги без какого-либо контроля с тех, кто осаживался на земле и начинал свое сельское хозяйство; царило беззаконие. Ситуация несколько изменилась, когда в конце 20-х годов в результате военных столкновений Японии и Китая, над Маньчжурией установился протекторат японцев. Они наладили борьбу с разбойниками, разбои прекратились. Японцы приве-

ли в порядок чиновничью систему, и русские оказались почти в таком же положении, как и китайцы. Расцвели русские колонии.

В Харбине появились новые православные храмы; из 400 тыс. населения Харбина около 100 тыс. были беженцы из России. Это был уголок России. Когда Маньчжурия оказалась под властью Японии, и русская Маньчжурия и русский Харбин расцвели с начала 30-х годов, этот расцвет длился до самой войны.

В Харбине было 140 русских общественных организаций – молодежные, пенсионные, детские. Все русские эмигранты – советские и белые – объединялись Православной Церковью. В то время были четыре православных епископа, 22 храма, монастырь, дом милосердия, дом трудолюбия, где спасали молодежь, которая не могла найти работу. С того времени сохранилось описание праздников. Праздник Крещения в Харбине: со всего Харбина под колокольный звон шли Крестные ходы на реку, где выдолблена во льду прорубь, и происходило освящение воды в реке. Пасху праздновал весь город. В таких праздниках участвовали не только русские, но и армяне, евреи, китайцы. Язычники-китайцы благоговейно приходили принять участие в таких событиях. Когда в Харбине были беспорядки, власти запретили Крестный ход и освящение воды в реке. Весной случилось страшное наводнение, вода поднялась до трех метров, погибло много домов, были жертвы среди людей. Весь город считал, что это Бог покарал власти и народ за то, что не было крестенского освящения воды.

Лето в Маньчжурии сухое. Во время засухи в окрестности Харбина приехал священник для служения молебна о ее прекращении. В молебне принимали участие и русские, и китайцы. Китайцы на молебне участвовали как язычники и молились с коленопреклонением. Когда после молитвы пошел сильный дождь, народ ликовал и выражал общую благодарность русскому Богу и русским священникам.

Немного более 10 лет русские свободно могли православно жить, русский дух царил в городе. Русские всех политических ориентаций мечтали вернуться в Россию и сохранить православие для того, чтобы нести его России, где оно искоренялось. В 1944 году в Китай пришли советские войска. Часть эмиграции переехала в Америку, часть осталась, некоторые вернулись в Россию. Из 2-х епископов один остался в Харбине, другой возвратился в Россию. В 1948 году епископ, который остался в Харбине, был арестован и получил 8 лет лагерей строго режима. Русский дух православия сохранялся и до сих пор харбинцами в Америке и России. Сейчас в России теми, кто прошел через харбинский этап жизни издается газета «Харбин». Коммунистические времена наступили в Китае после войны, и процессы культурной революции погубили многие ростки, посеянные там православием.

Китайская миссия была на особом положении, потому что она выполняла большие дипломатические функции. Она получала довольно хорошие дотации из России, и все то, что там строилось, имело фундаментальный характер. Китайская миссия закончила свое существование с приходом советской армии в Харбин в 1945 году. С приходом армии Малиновского некоторые русские получили возможность вернуться в Россию.

Большая, плодотворная, ученая, дипломатическая, просветительная работа Китайской миссии дала сравнительно немного результатов. Китайский народ, в основном, оставался в своих традиционных верованиях, т. к. недоверие к христианам-еврепейцам с годами не уменьшалось.

Некоторая статистика. В Харбине было около 40 русских гимназий, богословские курсы, братство, скаутские и другие молодежные союзы, которые помогали организовывать жизнь русских, 25 специальных технических и ремесленных школ, 8 высших учебных заведений и 33 гимназии и реальных училищ. В русских школах и высших учебных заведениях училось 16 тыс. учеников.

ЯПОНСКАЯ МИССИЯ

В 1859 году, русский консул Японии Гашкевич обратился в Синод с просьбой направить в посольскую церковь на о. Хоккайдо священника, который бы мог заниматься и миссионерской деятельностью, желательно с академическим образованием.

18 мая 60-го года решением Синода кандидат богословия Иван Касаткин назначается в консульскую церковь о. Хаккайдо, а 24 июня в академическом храме «12 апостолов» епископ Нектарий совершил пострижение Ивана Касаткина с наречением ему имени Николай. При этом он сказал следующее: «Не в монастыре ты должен совершать течение сподвижнической жизни, тебе должно оставить родину и идти на служение Господу в страну далекую, неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника; с подвигом монашества – тебе предстоят труды апостольские».

29 июня, в день ап. Петра и Павла, инок Николай был посвящен в иеродиакон, а 30 июня – в сан иеромонаха. Он отправился в Хоккайдо.

В Хоккайдо его встретил консул и выразил полное неудовольствие. Этот опытный чиновник ожидал встретить «паркетного» батюшку. Вместо этого приехал деревенский «медведь», хотя умный и образованный.

Отец Николай служил и окормлял членов посольства, купцов и христиан иных конфессий, потому что он в то время оказался единственным священником в Японии; не было ни католических священников, ни протестантских пастеров.

О. Николай начал свое знакомство с Японией, которая его встретила неприветливо. Он изучал японский язык, японскую литературу, культуру, японские обычаи. Эта напряженная работа продолжалась 8 лет в некоторой изоляции от дипломатического корпуса. Он завоевал уважение, любовь, признание и в консульстве и среди японцев. Он был один и не знал, будут ли какие-то плоды.

За эти годы он стал одним из лучших знатоков японской литературы, японской культуры, японского языка. Но главное за эти годы он стал настоящим монахом. Он сам писал: «Один Господь знает, сколько мне пришлось пережить мучений в эти первые годы. Все три врага – мир, плоть и дьявол – со всей силой восстали на меня и по пятам преследовали за мной, чтобы повергнуть меня в первом же узком месте».

К нему обратился учитель фехтования сына консула, Сваабэ. Это самурай, синтаистский жрец и ученый, уважаемый человек в городе. Он был из древнего знатного рода, его молельня (храм) считалась самой уважаемой в городе, у него была жена и сын. Он гордился, что он японец и жрец, гордился своей культурой, и ненавидел иностранцев и христиан.

Через некоторое время жрец убедился в истинности христианства и стал просить о разрешении креститься.

Он привел своего друга – врача, тот привел еще одного; итак первые три ученика, первые три апостола. Они сразу же начинают проповедовать. Путь их к Христу был не простым, и как они только определялись, вся сила крепкого характера, вся душа были направлены на дело Христово. Здесь проявились лучшие черты японского характера.

Отец Николай писал митрополиту Исидору: «Жрец с нетерпением ждет от меня крещения. Он хорошо образован, умен, красноречив и всей душой предан христианству. Единственная цель его жизни теперь – послужить отечеству в распространении христианства. И мне приходится постоянно останавливать его пробы из опасения, чтобы он не потерял голову прежде, чем успеет сделать что-либо для этой цели».

После крещения Сваабэ отказался от своей жреческой должности и остался без всяких средств существования. Он стал предметом поношения среди жителей города. Жена от горя и ужаса сошла с ума, подожгла свой дом. Власти согласно закону арестовали его и посадили в темницу-подземелье. Сваабэ готовился к смерти, отец Николай молился. От казни его спасло то, что в это время изменилось законодательство. У него отобрали несовершеннолетнего сына и Сваабэ пошел проповедовать, как странник по Хоккайдо.

Отец Николай писал: «Я вижу, как он страдает за участь сына, исполненный ревностью о Христе, напоминающей ревность апостолов, и посвящая себя безраздельно на дело призыва ко Христу других людей. И что его труды несуетны, свидетельствуют десятки привлеченных им ко Христу. И что же он получает за свои труды? Тяжкое бремя скорбей; до того тяжкое, что редкий в мире не согнулся бы или не сломался бы под этой тяжестью».

Пришли новые люди и становились катехизаторами. Они шли по Японии и проповедовали. Отец Николай до сих пор не имел возможности выехать из Хокадате в какой-либо другой город. Для иностранцев Япония была закрыта. Встал вопрос о том, что нужны священники, которые бы могли служить, крестить по городам, куда не мог попасть о. Николай. Ежегодно происходило собрание катехизаторов.

Наступил 1874 год. Заранее запросили епископа Камчатского Павла, может ли он приехать в Японию для того, чтобы рукоположить во священники ставленников. Собрался собор для избрания кандидатов. Явилось 40 человек, остальные ответили письменно. 30 делегатов были за немедленное избрание кандидатов, 10 высказались против, считая, что среди них нет достаточно образованных и подготовленных. Решили просить епископа о рукоположении трех священников: Иоанна Оно, Павла Сваабэ и Павла Сато. Никто из кандидатов сразу не согласился на хиротонию. Лишь на 4-ом заседании архимандрит Николай объявил, что Павел Сваабэ дал согласие.

В 1875 году приехал епископ Камчатский Павел и рукоположил Павла Сваабэ иереем, а его друга Иоанна Сакаяя во диаконы. К этому времени о. Николай уже очень много перевел на японский язык: богослужение, Новый Завет, духовную литературу. Шло обучение катехизаторов, которые должны были много знать и постоянно учиться. Они были обязаны выделять часы для своего образования.

К о. Николаю приехал первый помощник из России – иеромонах Анатолий Тихай. Он учился в Кишиневской Семинарии. 4 года он провел на Афоне, там был пострижен в монашество. Затем окончил Кишиневскую Семинарию и Киевскую Духовную Академию. Он очень быстро освоил японский язык, начал преподавание. Через некоторое время приехал брат о. Николая – регент из России. Он наладил пение, переложил ноты, причем за основу был взят китайский обиход.

К 1877 году были построены два храма. На ежегодном собрании 1878 года катехизаторов, священников и мирян было решено просить епископа, поскольку число приходо в различных уголках Японии росло. Это прошение о. Николай отправил в Россию. Из России ответили, что если он согласен, то над ним будет совершена хиротония. Отец Николай согласился и поехал в Россию (1879 г.) в Москву и в Петербург, где был рукоположен во епископа Ревельского викария Рижской епархии.

Ранее, уже в 72 году о. Николай построил на Хоккайдо дом, для того, чтобы там могли жить, учиться и трудиться катехизаторы. К этому времени относится его первая поездка в Россию и совпадение возвращения из нее с гонениями на христиан. Отец Николай писал, что это гонение показало настоящую крепкую веру. Никто – ни из женщин, ни из детей, посаженных в тюрьму не отрекся, наоборот настроение было радостное, потому что появилась возможность пострадать за Христа. Все ближайшие его помощники катехизаторы-японцы оказались в тюрьме. Отца Николая настолько знали и уважали, что в значительной мере, благодаря его ходатайству, гонения прекратились. После этого начались изменения в законодательстве Японии. В результате, о. Николай смог ехать в Токио, а с прибытием о. Анатолия Тихая он перебрался туда, и начал строить Церковь в Токио.

Изменение законодательства и отмена старых законов против христианства начинается в 1873 году. После поездки в Россию он получил решение Синода и материальную помощь в организации миссии. Началось строительство миссии, строительство храма, действовала школа на 50 человек, духовные училища и катехизаторские училища. Японский язык вошел в славянское богослужение. «Если иметь хотя бы самую малую христианскую церковь, решительно необходимо совершать службу на японском языке» – говорил о. Николай.

О. Николаю удалось приобрести в Токио на высоком холме, с которого виден весь город, землю для закладки и строительства собора в честь Воскресения Христова. Началось издание на японском языке журнала «Церковный вестник», журнала для женщин. В ряде городов строились храмы. Уже с 1877 года практически всюду богослужение совершается на японском языке. Но когда владыка Николай возвращается в Японию, он начинает переводческую деятельность заново. В 1878 году христиан-японцев было уже более 4 тысяч. Архитектором строящегося собора в Токио был Шурупов, известный в то время. Собор сделан в русском стиле, напоминающем стиль Владимирского Собора в Киеве. Вся Япония следила за строительством собора. Отец Николай понимал, как важно построить собор, вводящий в православие японцев. Иконостас и иконы можно было

писать в японском стиле, писать лики святых, похожими на японцев. Этого отец Николай не стал делать; иконы были написаны в русском стиле, в стиле В. Васнецова. Отец Николай пишет о соборе: «Храм положительно замечательнейшее здание в столице Японии. Здание, о котором слава разнеслась по Европе и Америке еще прежде его окончания, и которое, будучи нынче окончено, по справедливости вызывает внимание, любопытство и удивление всех, кто есть или бывает в Токио». Освящение храма состоялось через 8 лет в 1891 году.

В 1886 году христиан-японцев уже 12 тысяч, проповедников не хватает. Епископ Николай пишет: «И если бы число проповедников здесь вполне соответствовало духовным нуждам миссии, то православные христиане были бы во всех городах и селениях всех провинций Японии. Япония вся готова принять христианство и нужны только делатели на ниве Божией, созревшей для жатвы».

В 1884 году издан правительственный указ, согласно которому синтоизм и буддизм лишались привилегий и статуса государственных религий, христианство могло свободно распространяться. Отец Николай пишет: «Итак, отныне в Японии не существует никаких правительственных преград для слова Евангелия. Да будет благодарение Богу и да послужит это скорейшему просвещению всей страны светом Евангелия».

Епископ Николай путешествует по Японии. Когда он приезжает в приход, то независимо от того, сколько в нем человек христиан, он забывает обо всем мире. «И пока я в этом приходе, – пишет он, – я становлюсь и для этого прихода тоже всем. Для меня нет ничего незначительного, для меня все важно в этом приходе, в духовной жизни этого прихода».

В 1896 году епископ Николай пишет Священному Синоду: «Прошло уже более 40 лет с открытия Японии для иностранцев и начала миссионерского дела здесь. Христианские миссии имели достаточно времени, чтобы вполне освоиться на новом поле действий, определить свое отношение к народу, развить свои системы и явить плоды своей деятельности. В каком же состоянии их дело? У католиков – 1 епископ, 3 архиепископа, 93 миссионера, 25 монахинь, всего 205 человек; у протестантов – 680 миссионеров; у православных – 1 миссионер. Плоды их деятельности к концу прошедшего года. У католиков – 52 тыс. христиан, в том числе остатки существовавших здесь еще с XVI столетия католиков; у протестантов – 38 тыс. христиан; у православных – 23 тыс. христиан. Какая же причина успеха миссии. Причина – в искренности православия и помощи Божией. Господь благоволил к своему юному насаждению, Церкви православной среди японского народа. И в даровании ей успехов являет неоспоримые знаки своего благоволения».

С 26 января 1904 года начинается русско-японская война. Это очень трудный период для православной Церкви Японии.

Как известно, масса русских пленных прибывали в Японию и находились в очень тяжелом не только физическом, но и моральном состоянии. И вот здесь христиане японцы очень много сделали для поддержания русских пленных. В результате юная Церковь вышла с победой из этого тяжелого периода своей жизни. За это время вначале были националистические попытки физического уничтожения христиан. Японский император и правительство не просто объявили о неприкосновенности христиан и дали охрану миссии, собору и лично епископу Николаю.

За время войны новые японцы приходят и крестятся в Православной Церкви. В 1908 году направляется помощник – бывший ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии епископ Сергей Тихомиров. Главе Алтайской миссии архиепископу Макарию Невскому еп. Николай писал: «Теперь я могу спокойно умереть в уверенности, что дело миссии в добрых руках».

В 1911 году торжественно происходили празднования 50-летия служения владыки Николая на японской земле в священническом сане. Ему направлялись приветствия не только из России и Японии. Губернатора Токио произнес хвалебную речь в его честь.

К этому времени в Японии было 266 общин, более 33 тыс. христиан, 43 священников, в том числе 35 иереев, 6 диаконов, кроме того 14 учителей пения, 116 катехизаторов, в Семинарии училось 94 ученика, в женском училище – 53 ученицы; в Киото в женском училище училось 27 учениц. Скончался епископ Николай 3 февраля 1912 года. Ему шел 76-й год жизни.

Его приемник владыка Сергей Тихомиров сказал так при его погребении: «Все, что есть из Японской Церкви доброго до последнего кирпича постройки, до последней буквы богослужбных

переводов – есть дело просвещенного ума, широкого сердца и твердой, как скала воли почившего святителя, счастливо сочетавшихся с непоколебимой верой его в святость своего дела и благочестивым его подвигом».

Рядом с ним впоследствии был похоронен владыка Сергей Тихомиров. Он возглавлял Японскую Церковь с января 1912 года до 1945 года.

Вскоре после кончины владыки Николая наступило трудное время, поскольку после революции кончилась всякая помощь из России, полностью стала жить самостоятельно Японская Церковь.

В 23-ем году произошло разрушительное землетрясение в Токио; был разрушен почти весь город, масса людей погибла от пожара. Был разрушен Собор, были разрушены здания Семинарии. Владыка Сергей решил начать восстановление. В результате через несколько лет Собор был полностью восстановлен и стал еще более красивым и величественным.

Преемник владыки Сергея Тихомирова – епископ Николай – скончался в 56-ом году и похоронен рядом.

Переводы на японский язык продолжались, совершенствовались и издавались заново и после кончины свт. Николая. Но его переводы по существу остались образцом и основой для всей дальнейшей работы православных, протестантских, католических, и инославных ученых.

Кроме Священного Писания свт. Николай огромное значение придавал периодическим изданиям. С 1877 года выходили на японском языке «Церковный вестник», с 1880 года – «Православный вестник», в которых, в частности, печатались переводы, женский православный журнал «Сокровенная добродетель» (издавался при женском миссионерском училище), апологетический журнал «Духовное море», «Православная беседа» (проповеди и речи).

Свт. Николай создал при миссии общество переводчиков, которое ставило своей задачей перевод на японский язык, кроме религиозной, еще и русской художественной литературы. Он писал: «Узнав русскую литературу, узнав Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстых нельзя не полюбить Россию».

Приведем цифры по Японии на 01.01.14 г.: миссионеров католических – 218 чел.; протестантских – 586.; православных – 4 чел. Подготовлено миссионеров и катехизаторов из японцев: католиками – 51 чел.; протестантами – 1189 чел.; православными – 178 чел. В результате приняли христианство: католики – 152 тыс. чел.; протестанты – 81 тыс. чел.; православные – 37 тыс. чел.

КОРЕЙСКАЯ МИССИЯ

Корея находится между Японией и Китаем и всегда была буфером. Корейские императоры не имели ни того значения, ни силы, ни могущества, как японские или китайские. В значительной мере они оказались в вассальной зависимости либо от японцев, либо от китайцев.

На Дальнем Востоке уже с середины XIX века было много корейцев. С 1869 года официально во Владивостоке и Приморском крае шло просвещение корейцев. Для них строились школы, шло приобщение не только к христианству, но и к христианской культуре. Корея, как и Япония и Китай, была в значительной мере закрыта для европейцев. Вопрос о том, чтобы в Корее появилась русская миссия, встал в середине XIX века. В 1897 году поступило обращение в Свщ. Синод о необходимости создания Корейской миссии со стороны дипломатов Шуйского и Полянского, находившихся в Корее.

Протестанты активно начали проповедовать в Корее христианство с 1894 года. Однако, они больше занимались наживой, чем проповедью. О духовном состоянии корейского народа в то время писали так: «Корейцы находятся в духовном состоянии полной спячки. Чтобы пробудить их, нужны усилия немалые». Там процветало шаманство и буддизм, конфуцианство, синтоизм, т.е. все то же, что в соседних Японии и Китае. Корейские императоры и весь императорский двор находились под влиянием либо Китая, либо Японии не только в культурном, но и религиозном отношении. С конца XIX века «спячка» отчасти была связана с тем, что корейские императоры и корейская аристократия приняли буддизм, а народ оставался в шаманстве.

В июле 1897 года решением Свщ. Синода была создана Корейская православная миссия – 3 человека во главе с архимандритом Амвросием (Гудко). Было учреждено содержание (7 тыс. руб. в год), осуществлялась поддержка Миссионерством иностранных дел.

Архимандрит Амвросий родился в 1867 году, происходил из Холмской епархии. Он окончил Петербургскую духовную академию и руководил Духовной Семинарией в Бийске. В 1892 году он принял монашество, в 1898 году приехал во Владивосток вместе с иеродиаконником Николаем и псаломщиком. Приехали они в маленький городок Новокиевск, находящийся на границе с Кореей, с походным разборным храмом и разместились на территории русского пограничного полка. Начались переговоры о разрешении въезда в Сеул. Там предполагалось организовать миссию и начать проповеди не только среди буддистов и язычников, но и среди тех нескольких десятков корейцев, которые к тому времени были православными. Отец Амвросий жил в полку, служил в полковом храме, учил корейский язык и проповедовал.

На грани веков было много неблагополучия в жизни русского общества, с которым о. Амвросий встретился в этом далеком пограничном полку. Он начал обличительные миссионерские проповеди среди солдат и офицеров русского приграничного полка. В результате на него поступили доносы в Свщ. Синод, и по линии военной, и его отозвали в Петербург. Архимандрит Амвросий погиб в 1917 году от большевиков под Казанью.

Псаломщик уехал с ним, остался один иеродиакон Николай. В это время пришло разрешение ехать миссии в Сеул, и он один с походным храмом туда поехал. Он начал служить диакономским чином в Сеуле при Консульстве. Сеул в то время был открыт для иностранцев (их было там 80 тыс.). Представительство русских там было достаточно сильным.

Вместо отозванного Амврония в Сеул был послан начальником миссии архимандрит Хризант (Щитковский) с Дона, сын диакона. Он окончил Киевскую Духовную Академию. С ним приехал его друг, псаломщик Иона. В январе 1900 года они прибыли в Сеул на корабле, привезя с собой иконостас. Служить было негде. Поверенный в делах России предоставил им свою квартиру и там, в гостиной был оборудован храм. 11 февраля 1900 года произошло его освящение. К берегам подошла канонерка «Отважный», и матросы пели в хоре на освящении.

В Сеуле нашлось около 30 крещеных корейцев, но они настолько отвыкли от православной службы, настолько ничего не знали, что многие даже забыли свои крещальные имена. Отношение со стороны императора и начальствующих к священнику и миссии было вполне благоприятным, хотя и несколько настороженное. Простой народ хорошо относился к православному духовенству. Отца Хризанта называли «великий отец». Он начал входить в нужды корейцев, вел собеседования, помогал православным корейцам найти работу, начал просвещение женщин в то время, как в Корее женщин не признавали за полноценных граждан. Он переводил богослужения на корейский язык со славянских текстов и впервые перевел Символ веры, 10 заповедей, краткий молитвослов. Но первые переводы оказались неудачными – после общения с корейскими социалистами было решено все сделать заново. Для этого были привлечены корейские ученые. Из китайской миссии были привезены переводы на китайский язык, что значительно облегчило работу, поскольку корейцы пользовались китайскими иероглифами, но произношение иероглифов было корейским.

При миссии открылись первые школы – в октябре 1900 года школа для корейских мальчиков, преподавали христиане-корейцы; открылся приют, пансионат для сирот. Началось строительство миссии, которое поддерживал корейский император. Построили и освятили храм во имя свт. Николая.

В 1914 году началась Русско-Японская война. Миссия закрылась. Отца Хризанта вызвали в Россию, рукоположили во епископа, и вскоре он умер. Во главе миссии встал его преемник отец Павел (Ивановский). При о. Павле открылись станы, школы в разных местах, подготовили и рукоположили первого корейского священника. Главное – была установлена тесная связь с Владивостоком, где миссионерская работа была налажена и действовали школы российской внутренней корейской миссии.

К этому времени относится переложение православного богослужения и некоторых русских богослужебных напевов на корейский язык. Корея находилась под властью Японии до 1945 года.

Православие в это время в Корее свободным не было, и поддержки из России не предвиделось. Особенно трудными были годы с 1905 по 1910. Все, что не было корейским или японским, преследовалось в стране как антинародное. Молодежи запрещалось ходить в православный храм, за это сажали в тюрьмы – шло настоящее гонение на христианство.

Послабление произошло только в 1946 году. Корея была разделена на Северную и Южную, и между ними началась война. В 1947 году был рукоположен корейский священник Алексей (Кин). Вскоре он исчез, видимо его вывезли в Северную Корею, и там он погиб. Во время войны около 1951 года храм свт. Николая был разрушен. Только благодаря греческому капеллану, архимандриту Андрею и греческим военным, которые здесь проходили службу в помощь американским войскам, началось возрождение православия, и Сеульский приход не погиб. К ним обратились православные, и в 1954 году был рукоположен корейский священник отец Борис (Мун). В 1956 году весь приход был присоединен к Константинопольскому патриархату, а связь с Русской Православной Церковью была окончательно прервана. Ситуация была трудной, поскольку все имущество православных во времена гонений было конфисковано. Вновь созданный православный приход при поддержке православных греков начал борьбу за возвращение имущества. Отец Борис (Мун) писал в Грецию в миссионерский центр: «Мы имеем огромную потребность в вашей помощи». Организация военных в Греции тоже вступилась за православных. Отец Борис писал: «Ваши усилия помочь поддержали нас».

В декабре 1962 года Верховный суд Кореи вынес решение о возвращении имущества Православной Церкви. Начиная с этого времени, интенсивно росло маленькое ядрышко православия в Корее. В 1967 – 1968 годах строился храм свт. Николая в Сеуле; в 1970 году митрополит Дионисий направил священников в Корею из Новой Зеландии. Когда-то русская миссия стала греческой. В 1975 году ее возглавил Сатириос Тромбос. В 1978 году произошло освящение храма в Сеуле, в 1980 году – освящение храма ап. Павла в другом городе. Действовали миссионерские станы и семинария. Открылся храм Благовещения в Пуссене. Севернее Сеула строился миссионерский монастырь с храмом св. Андрея Первозванного. В 1988 году в монастыре было 3 монахини из Греции, а в 1989 году храм освятили. Следующий храм Успения Богоматери был освящен в 1992 году.

В 1993 году архимандрит Сатириос стал епископом и возглавил Корейскую миссию. Это единственная греческая полноценная миссия. Она достаточно хорошо оснащена – там есть хорошая библиотека, в том числе электронная, которая содержит сочинения почти всех свв. Отцов; имеется большое количество материалов по обучению взрослых и детей. Православие в Корее постепенно расширяется.

ПАЛЕСТИНСКАЯ МИССИЯ

Христианская Св. Земля вскоре сменяется длительной и бурной эпохой магометанства. На Св. Землю пришел ислам. И до падения Восточно-Римской Империи шла борьба. Но фактически это не борьба Византии с исламом за Св. Землю, а латинские Крестовые походы, за освобождение Гроба Господня. Они закончились тем, что дважды полностью был разорен и разграблен Константинополь, а Св. Земля осталась у магометан.

Греки пытались найти путь к Св. Земле. Там остались христианские прослойки арабов, сирийцев, коптов, абиссинцев, армян, но над всем этим – полное господство магометан. Наконец, в 1740 году грекам удалось получить часть Храма Гроба Господня, одну церковь в Вифлееме и частичное владение пещерой Рождества Христова. Происходило соперничество между католиками и греками, наряду с которыми имелись еще дохалкидонские церкви – коптская, армянская. В 1808 году произошел пожар в церкви над Гробом Господним. Храм восстанавливался греками, и они получили право контроля, почти владения этим Храмом. В то время с Россией приходилось уже считаться, в том числе и туркам. Ставился вопрос о том, чтобы Россия контролировала Храм Гроба Господня. В 1847 году, чтобы решить проблему пребывания русских православных паломников на Святой Земле, была учреждена православная миссия.

Русская миссия и русская политика в Турции потерпели неудачу в течение русско-турецкой войны (1853-1855 гг.), и в результате Россия не получила желаемого положения на Св. Земле. В 1849 году окончательно была установлена Русская духовная Палестинская миссия, и во главе ее стал известный путешественник и историк Порфирий Успенский.

В Уставе Русской православной миссии значилось: 1. Оградить православное население арабов от инославной пропаганды. С этой целью миссия начала работу по созданию миссионерских школ для арабов, созданию больниц, благотворительной деятельности, устройству типографии. 2. Организация и устройство быта русских паломников на св. Земле. Для этого в 1859 году был создан Палестинский Комитет, а затем в 1864 году – Палестинская Комиссия при Министерстве Иностранных Дел Российской Империи. Возглавляли ее русские консулы в Иерусалиме.

Наиболее значительная часть работы Палестинской миссии относилась ко времени, когда ее возглавлял архимандрит Антонин Капустин.

До архимандрита Антонина там был русский епископ Кирилл. Архимандрит Антонин Капустин возглавлял миссию до 1894 года. Арх. Антонин был сыном священника из села Пермской губернии.

В 1836 году он в Екатеринославской Духовной Семинарии. В 1839 году он поступает в Киевскую Духовную Академию, которую окончил в 1843 году со степенью магистра богословия и принял монашество. С 1846 по 1850 гг. иеромонах Антонин – помощник инспектора Киевской Духовной Академии.

С 1850 года его назначили в Грецию, и 10 лет он провел в Афинах в Соборной церкви и занимался устройством других русских церквей в Афинах. Здесь он знакомился с церковной археологией и стал известным церковным археологом.

С 1850 года он на горе Афон. В 1865 году его направили в Иерусалим главой русской миссии в Палестине. Здесь он проявил себя и как ученый, и как церковный деятель, и как дипломат.

К этому времени позиции России на Ближнем Востоке стали достаточно крепки, причем государь Александр II и императрица Мария Александровна очень активно помогали миссии. Отец Антонин Капустин пробыл на Св. Земле более 28 лет. Он трудится в самых различных направлениях. Прежде всего, это приобретение участков земли, постройка храмов, приютов для русских паломников, постройка миссионерских школ.

В 1868 году Россия купила место с остатками Дуба Мамврийского. Был построен приют для паломников. В 1870 году приобретен большой участок на горе Елеонской вблизи места Вознесения Господня. Построен храм во имя Вознесения Господня, впоследствии здесь похоронят о. Антонина. В 1885 году при храме Вознесения построена колокольня «Иван Великий» или «Русская свеча». Создан музей, где выставлены плоды раскопок, проведенных архимандритом Антонином.

Еще в 1866 году организована школа для арабов, причем школа женская, которая постоянно терпела натиск латинской пропаганды и находилась под угрозой католичества. В 1880 году устроена школа и церковь во имя Казанской Божией Матери. В 1876 году построен русский приют для паломников в г. Иерихоне.

Отец Антонин постоянно издавал книги для паломников, писал ученые статьи о результатах раскопок. На Синае он изучил и издал каталог греческих манускриптов-рукописей; издал учебную литературу для школ.

В 1882 году при содействии Императрицы Марии Александровны было основано Православное Палестинское общество. Председателем этого общества стал Великий князь Сергей Александрович. Это общество было создано в помощь русской миссии в Палестине. Задачи его были те же – утвердить православие в Палестине, организовать паломническую жизнь русских на Св. Земле. Великий князь Сергей Александрович вместе с супругой Елизаветой Федоровной, тогда еще протестанткой, едет на Св. Землю. В 1888 году они присутствовали на освящении вновь построенного русского православного Храма Св. Марии Магдалины в Гефсимании. Здесь произошел перелом у Елизаветы Федоровны, и она решила принять православие. Известны ее слова, сказанные в то время: «Как я хотела бы быть похороненной здесь». В дар Храму Св. Марии Магдалины она привезла богослужебную утварь, в изготовлении которой она принимала участие – покров для сосудов, сосуды, Евангелие, воздухи и т.д. Это попечение о Палестинской миссии она сохранила и после гибели своего супруга, Сергея Александровича. Впоследствии, отдавая все силы Марфо-Марьянской Обители и делам милосердия, она возглавляла Православное Палестинское

общество и продолжала опекать Палестинскую духовную миссию. После ее кончины в 1918 году ее останки вместе с останками ее келейницы Варвары, были перевезены через Сибирь в Китай и оттуда в храм Св. Марии Магдалины.

Палестинская миссия перед революцией стала одной из самых богатых и самых сильных миссий среди других конфессий на св. Земле, и очень быстро начала терять это свое положение после революции. Возникли всевозможные трудности материального, дипломатического характера. В значительной мере Храмы и Обители Св. Земли оказались в ведении Зарубежного Синода. В начале 60-х годов часть земель и недвижимости, принадлежавших русской православной Церкви, были проданы.

Сейчас Палестинская миссия активной роли не играет. Паломникам она может оказывать очень незначительную помощь. Православные святыни и Храмы сейчас в значительной степени принадлежат Русской Зарубежной Церкви. Палестинское Общество делает попытки возродиться, но только в плане исторической и литературной деятельности, т.к. прежнего значения со всеми своими отделениями, во многих городах, с почетным членством Великих князей и богатых людей с их пожертвованиями оно уже не имеет.

При создании Палестинского Общества во главе его стоял Великий князь Сергей Александрович и его мать Мария Александровна; вместе с ними были Великие князья и 42 члена учредителей, которые учеными трудами или ежегодными пожертвованиями (почетные члены – не менее 5 тыс. руб., действительные чл. – не менее 25 руб., сотрудники – не менее 10 руб.) внесли большой вклад в дело поддержки Палестинской миссии на Св. Земле.

Отделения Общества существовали в начале XX века в 28 губерниях, и председателями этих отделений были епархиальные архиереи. В значительной мере это общество организовывало паломнические поездки на Св. Землю. Общество имело пансионаты: мужской – в Иерусалиме и женский – вблизи Вифлеема, где готовились учителя для сельских школ. В 1897 году насчитывалось учителей до 50, а учащихся до 400-от человек. Миссионерские православные школы имелись в Назарете, Бейруте, Дамаске и др. городах. Были построены православные церкви в Яфе, Кане и др. местах. Действовала больница в Иерусалиме на 44 койки для паломников прежде всего. В то время ежегодно из России посещало Св. Землю не менее 4000 паломников. Обществом были устроены хлебопекарня, бесплатная столовая, подворье в Назарете. Много издавалось литературы. За первые 15 лет Палестинским Обществом было издано 93 научных и литературных сочинения общим объемом в 160 томов.

УРМИЙСКАЯ МИССИЯ

На Востоке с древних домусульманских времен остались вкрапленными в мусульманские страны несториане – армяне, сирийцы и айсоры – потомки древних ассирийцев. В XIX веке в Курдистане, с центром в городе Урмия, находилась большая группа айсоров (около 80 тыс. чел.). Туда в 1897 году была направлена православная миссия из России и началась работа среди несториан и мусульман. Издавался журнал «Пастырская свирель», православная газета «Урмия», переводились богослужебные книги на местный язык. В результате в православие перешло примерно 20 тыс. чел.

Народности, жившие на территории современных Ирана, Ирака, Турции, в значительной мере были армяне, сирийцы и айсоры. Армяне дохалкидонской Церкви подвергались сильному давлению среди магометан. Но они не сдавались, поскольку для них отступить от своей веры означало отступить от народа и раствориться в турецко-магометанской среде. Еще до XIX века с армянами большую работу проводили католики. В результате постоянного давления и мучительных взаимоотношений с мусульманами многие уезжали, но были случаи, когда армяне принимали католичество.

Армянский центр в Венеции был достаточно сильным с XV века – там находился Армянский католический патриарх, шло издательство армянских книг. Переговоры с армянами по поводу присоединения к православию были неудачными, и только в XII веке было время, когда появилась надежда на присоединение армян к Восточной Церкви.

Уже в 70-е годы VIII века нестроен урмийской провинции желали сближения с Россией. В результате победоносной войны с Персией 1827 – 1828 годов урмийские ассирийцы-несториане чуть было не переселились всем народом на отошедшие России земли. И те немногие, кто пересе-

лились, перешли в православие. Только религиозно-политическое единение с Россией могло спасти ассирийцев (айсоров) от физического истребления мусульманами. В отчете архимандрита Софония (Сокольского) о поездке в Урмию в 1861-62 годах говорилось о том, что ассирийцы желали присоединиться к православию. Об этом свидетельствовали подписи епископов и старейшин Урмии и других провинций. Но министерство иностранных дел систематически откладывало решение жизненно важного вопроса в течение более 30-и лет. Только в 1898 году просьбы о присоединении к православию были удовлетворены в отношении к епископу, трем священникам, диакону и 20-и тысячам мирян, и была учреждена постоянная урмийская миссия. Миссия встретила ожесточенное сопротивление мусульманства, а еще более – иностранных миссий. Начались интриги, сплетни, доносы. В результате начальник миссии архимандрит Феофилакт (Климентьев) был отозван, и на его место назначен архимандрит Кирилл (Смирнов), будущий священномученик, соратник святого Патриарха Тихона. В августе 1902 года архимандрит Кирилл прибыл в Армию, и за короткий срок до 1904 года (он был отозван и рукоположен во епископы) многое успел сделать. Была налажена переводческая и издательская деятельность (в 1903 году изданы молитвослов, чин Литургии, последование вечерни и утрени и др.). Архимандрита Кирилла поражало беспринципное лицемерие англикан, готовых на все для ослабления Православной миссии. О. Кирилл констатировал печальную картину нравственно-религиозного состояния айсор и всеми силами боролся за то, чтобы «Господь Русской именно Церкви судил вдохнуть душу живую в это сиро-халдейскую мумию...»

По наущению англичан турецкие власти в 1903 году пытались даже отобрать все православные храмы и отдать их инославным, но архимандриту Кириллу удалось их отстоять. В 1904 году в поддержку миссии архимандритом Кириллом в Петербурге было учреждено «Кирилло-Сергиевское Братство». Председателем его до 1917 года был В. К. Саблер. В 1904 году архимандрит Кирилл был отозван в Петербург, а начальником миссии был назначен его помощник игумен Сергей (Лавров). Впоследствии несториане и миссия сильно пострадали во время резни христиан в 1914 – 1915 годах, и в последующие за тем годы падения Российской империи. В 1914 – 1915 годы о. Сергей (с 1913 года епископ) эвакуировал урмийскую миссию в Россию.

СОСТОЯНИЕ МИССИОНЕРСТВА В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА ПРАВОСЛАВНОЕ МИССИОНЕРСКОЕ ОБЩЕСТВО

Значительное оживление миссионерской деятельности произошло в результате создания Православного Миссионерского Общества. Это Общество было создано в 1870 году, и к началу века в нем было более 20 тысяч членов, которые поддерживали это общество не только материально (минимальный взнос 3 руб.), не только морально, но всеми средствами старались содействовать миссионерскому делу, как внутренней, так и внешней миссии. Миссионерское Общество собирало достаточно большие пожертвования. Так, например, за 1912 год было собрано вместе с членскими взносами около миллиона рублей (в то время это очень большая сумма). Делалось очень много: возникали миссионерские монастыри, миссионерские семинарии, миссионерские курсы, миссионерские школы.

Один из монастырей, Никольский, единоверческий монастырь был открыт в Москве, на Преображенке. Там издревле располагались молельни безпоповцев различных согласий, прежде всего феодосьевцев, старообрядцев. При Митрополите Филарете (Дроздове) началось некоторое наступление на безпоповцев. В 1854 году в связи с разными обстоятельствами у них была отобрана Успенская молельня, сначала Никольский придел, а потом и молельня в целом. Был отобран надвратный храм Воздвижения Креста. Был пристроен алтарь и первый Никольский придел освящен в дек. 1854 года Митрополитом Филаретом (Дроздовым). К этому освящению московское духовенство готовилось. Митрополит Филарет облачился в греческое древнее облачение, митру и панагию первого Московского Патриарха Иова. Служащие ему священники также служили в древних облачениях, с лестовками, вместо обычных четок. Все богослужение проходило по старо-печатным книгам. Вместе с некоторыми постройками образовался Никольский единоверческий монастырь, сохранявший полностью старый обряд. В этом монастыре настоятелем довольно скоро стал Павел (Пружский). Петр Иванович Леднев, вышедший из старообрядческой безпоповской семьи Феодосьевского согласия. Там он вырос, получил образование, занимался самообразованием, стал очень известным начетчиком и возглавил монастырь Феодосьевского согласия в Восточной Пруссии, создал типографию для издания и переиздания старых печатных книг. Однако, в феврале 1868 года он после общения с епископом Леонидов, Вика-

рием Московского Владыки Филарета, перешел в православие и был рукоположен во священники, стал иеромонахом, архимандритом и возглавил единоверческий монастырь на Преображенке.

Монастырь с самого начала создавался как миссионерский, для воздействия на старообрядцев. Вся его незаурядная личность, все его труды и усилия теперь были направлены на то, чтобы просветить своих прежних братьев по согласию. Кое-что ему удалось. После него сохранилось довольно много проповедей и писаний, которые были собраны в 4 тома его Трудов.

Никольский единоверческий монастырь, возглавляемый Павлом Пружским был одним из центров миссионерства. В этом центре в 1887 году происходил первый Всероссийский миссионерский съезд. Второй Всероссийский съезд миссионеров происходил там же в 1891 году. Эти съезды условно назывались противораскольническими, т. к. они были в основном направлены на проблему раскола. Монастырь имел прекрасную библиотеку, великолепные древние иконы. Эти иконы частично сохранились – часть в Третьяковке, часть в Историческом музее, частично сохранилась и библиотека. Поместных Соборов в Православной Церкви не было, и миссионерские съезды постепенно стали съездами наиболее активного духовенства, иерархов для обсуждения всех основных насущных проблем жизни Церкви. Главная проблема состояла в том, что, с одной стороны, тысячи людей обращались в православие из магометанства, из буддизма, из старообрядчества, от сектантов, а с другой – тысячи уходили из православия. Постепенно расшатывались устои Православия, православного христианского быта.

Например, в 1912 году обращено в православие 15 тыс. человек, в том числе 6 тыс. – из старообрядцев, 4 тыс. – из язычников, остальные – из протестантов; отпали от православия в старообрядчество – 4,5 тыс. человек, в секты – 5 тыс. человек. Максимальный уход из православия в секты происходил в Харьковской губернии, в Поволжье, в Курской губернии. Если общее число крещеных в Казанской епархии в середине XIX века было порядка 600 тыс. чел., в основном татары, то в то же время, по мнению казанских миссионеров и Казанского епархиального архиерея, примерно половина оставалась еще по-настоящему непросвещенными христианством, они оставались либо в языческих обычаях, либо подверженными мусульманству. Эта, во многом упущенная ситуация, когда непросвещенными оказались и те, кто приняли православие и начали жить по православному, и была причиной неустойчивости и отпадения многих.

В это время, в конце XIX – в начале XX века работало 28 православных миссий. В Тифлисе действовала Осетинская миссия, которая взаимодействовала с военными, взаимодействовала с властями губернатора. Горцы, в основном, мусульмане, крестились. По официальным данным десятки тысяч людей крестились в православную веру, но глубокой катехизации не было. Более того, поскольку одно время ввели поощрение для крещаемых (выдавали каждому по 10 аршин холста), то некоторые крестились по несколько раз. В целях содействия Осетинской миссии было создано Общество восстановления христианства на Кавказе, которое получило от Православного Миссионерского Общества, и от правительства поддержку, в том числе и материальную.

Трудности встречались повсеместно. Например, в Туркистанской миссии, в которой действовал талантливый ученик Ильминского Остроумов, он по образцу казанской миссионерской школы создавал православные миссионерские школы, переводил на местные языки Свщ. Писание, проводил богослужение на родном языке. Но этого было недостаточно, поскольку еще недавно к Российской Империи присоединялись отдельные части Средней Азии, отдельные ханства, постоянно из заграницы шли мусульманские эмиссары, которые поддерживали антирусские настроения и стремились так или иначе отколоть от Российской Империи только что присоединившиеся области и народы.

25 мая 1868 года Москва торжественно встречала своего нового святителя Иннокентия, и с этого времени до революции она становится центром миссионерской жизни России. Первое в России миссионерское общество возникло в Петербурге в 1865 году. Но по разным причинам оно не начало работать и в 1868 году Государыня Императрица решила перевести Управление Общества в Москву под председательство Митрополита Московского. Однако Митрополит Иннокентий решил основать в Москве Общество заново, он составил его Устав, утвержденный в ноябре 1869 года. Согласно Уставу, председателем Общества был Митрополит Московский. Деятельность Общества распространялось на Восточную Россию, на обращение в Православие обитавших в пределах Рос-

сийской Империи нехристиан и устройство среди них миссий, миссионерских станом с церквами и молитвенными домами, школ, больниц и т.д.

Образовав Миссионерское Общество, св. Иннокентий продолжал в Москве любимое миссионерское дело. По замыслу митрополита один из небольших Московских монастырей передавался под миссионерские цели. В 1870 году Указом Синода Московский Покровский монастырь был назначен для помещения в нем желающих поступить на служение в миссии лиц. Согласно Указа монастырская братия собиралась преимущественно из тех, кто занимался миссионерством и могли составлять сочинение для новообращенных – на переводы, переписку рукописей, ведение письмоводства, сохранение архивов и библиотек. В обители могли получить приют и миссионеры, приезжавшие из миссий, ученые, занимавшиеся сочинениями или переводами трудов, а также миссионеры, потерявшие на службе здоровье и силы. В Покровском монастыре намечалось собрать архив миссионерских дел, книги, рукописи, касающиеся духовных миссий.

В 1870 году обсуждался вопрос и об учреждении в Московском Покровском монастыре особого миссионерского Института, где должны были готовиться опытные миссионеры, но эта идея так и не была воплощена в жизнь. Попытки организовать большой миссионерский Институт, крайне необходимый России, в то время, когда многие окраины совершенно не знали света христианской веры, так и не были реализованы – не было денег, не было достойных кадров.

Новому Православному Миссионерскому обществу, раскинувшему свои действия на огромной территории Сибири и Дальнего Востока необходим был печатный орган. В 1874 году на средства Общества в Москве стал издаваться журнал «Миссионер» (тираж издания несколько сот экз.), отдельные номера продавались в Московских храмах. Редактором первого миссионерского журнала был настоятель Троицкой церкви на Арбате священник Вл. Марков, назначенный позже протоиереем Храма Христа Спасителя. Православное миссионерское Общество осуществляло руководство и поддерживало деятельность целого ряда миссий в Сибири, в Европейской России, в Японии, в Китае. Это требовало больших расходов, которые не могли быть полностью покрыты из синодальных и, тем более, епархиальных средств. Именно поэтому, ежегодно в Неделю Православия проводился по всем церквам Империи «тарелочный» сбор, дававший в 1890 годах в среднем до 70 тыс. рублей в год. Немалый доход Обществу приносили две приписанные миссионерскому Покровскому монастырю часовни. Одна из них находилась на Красной площади у Спасских ворот. Издавна на стене Варварской башни Китайгородской стены находилась почитаемая православными чудотворная икона Боголюбской Божией Матери.

В 1873 году Православное Миссионерское Общество обратилось к городским властям с просьбой устроить в Варварской башне (теперь ул. Разина) часовню и поместить в ней Чудотворный образ. Разрешение было получено только в 1877 году, а в 1880 г. была устроена эта часовня. К самой башне было пристроено в русском стиле крыльцо. Боголюбская часовня приносила миссионерскому Обществу ощутимый доход, до 10-20 тыс. руб. в м-ц, расходившийся на самые разные цели общества. За июль 1900 г. приход часовни составил 25 тыс. руб., из которых 8,5 тыс. руб. было собрано в трехдневный праздник Боголюбской иконы, когда ее выносили, спускали со стены храма в специальный шатер, чтобы москвичи могли подойти приложиться к этой иконе.

С 1880 года уже не выходил журнал «Миссионер»; миссионерская хроника помещалась на страницах главной московской церковной газеты «Ведомости». Оживление веропроповеднической деятельности пришлось только на последнее десятилетие XIX века. С 1893 г. было возобновлено издание журнала миссионерского Общества, под именем «Православный благовестник». Редакция и канцелярия совета общества и журнала размещалась на Сретенке; журнал выходил два раза в месяц и был своеобразной энциклопедией российского миссионерства. В конце XIX века на попечении Общества находились 9 Сибирских миссий – Алтайская, Киргизская, Тобольская, Обдорская, Красноярская, Камчатская, Иркутская, Енисейская и Якутская. На содержании миссионерского Общества состояли и миссионерские учреждения ряда губерний, где проживало значительное число неправославных – Астраханская, Архангельская, Казанская, Уфимская, Симбирская и др. Из четырех иностранных миссий, существовавших тогда, (Пекинская, Корейская, Японская и Североамериканская) в начале XX века Общество имело возможность финансировать лишь две последние и то крайне скудными средствами.

Наконец, миссионерская сеть Империи к концу XIX – началу XX века включала 44 миссионерских епархиальных Комитета в разных епархиях. Несмотря на то, что годовые расходы Общества были сравнительно невелики, результаты деятельности Российских миссионеров, работавших зачастую в тяжелейших условиях, были впечатляющи. Вся история деятельности разнообразных миссионерских учреждений, Общества, Комитетов, миссий, школ, церквей и т.д. находила отражение на страницах «Православного благовестника». Здесь можно было прочитать географические и этнографические очерки окраины России, очерки и рассказы о деятельности русских веропрповедников, опыте работы католических и протестантских миссий в Азии и Африке.

По Уставу миссионерского Общества председателями были Московские митрополиты, а помощниками – преосвященные епископы Димитровские, викарии Московские, проживавшие в Москве. Среди членов Совета были такие известные москвичи, как П. М. Третьяков, граф С. Д. Шереметьев и др. Самый значительный всплеск миссионерской деятельности в Москве произошел в 1913 году в бытность на московской Кафедре второго крупнейшего миссионера России митрополита Макария Невского.

Митрополит Макарий столкнулся в Москве с гражданскими лицами, с неприятием света и частично священников за свою решимость, свое умение отстаивать веру, твердыню Церкви в Москве, в то время как она погрязла к тому времени во многих грехах. Выступал против нескромной моды, вольного поведения, и естественно он прослыл как провинциал-консерватор, человек, который учил скромности не только московскую паству, но и московских священников. Печать повела против него ожесточенную кампанию – вспомнили, что он поддерживал правое движение, что он был монархистом, его лозунги «объединяйтесь» и стали придавать этим лозунгам крайне отрицательный характер.

В 1913 году именно митрополиту Макарию, несмотря ни на что удастся опять превратить Москву в центр русского миссионерства. Одним из первых шагов нового владыки была поддержка тех людей, которые занимались тогда проповедничеством. Одним из известных проповедников тогда был Иоанн (Восторгов), имя которого сейчас входит в состав выдающихся проповедников. Он был человеком необычайно энергичным – занимался политикой, развернул громадную работу по всей Сибири, создавал школы, собирал деньги на храмы в Сибири, отличался монархическими, иногда черносотенными взглядами, организовал братство «Воскресения Христова», собиравшее в Москве деньги, силами которого были поставлены памятники на могиле воинов, павших в Русско-японской войне, в Харбине, в Маньчжурии. Центром епархиального миссионерства уже не был Покровский монастырь, а был общий епархиальный дом (Лихов пер.). Там в 1903 году для нужд Московской епархии священников был построен еще владыкой Владимиром громадный епархиальный дом, где находилось Общество любителей духовного просвещения, куда была переведена из Петровского монастыря большая библиотека, богатейший архив, небольшой музей, редакция епархиальных «Ведомостей», огромный зал на 1000 человек, где собирался Поместный Собор, малый зал-палаты. Туда часто приезжала Елизавета Федоровна, князь Сергей Александрович, часто проводились лекции о Палестине. Отсюда проводились Крестные ходы на Красную площадь. Здесь о. Иоанн (Восторгов) был до своего назначения настоятелем Покровского Храма (Василия Блаженного) на Красной площади.

В тяжелые военные годы в Москве предполагали построить подворье старейшей в России Алтайской миссии. Еще в 1893 году московская благотворительница Сотаварова подарила Миссионерскому обществу на нужды Алтайской миссии огромный дом в Неглинном проезде, недалеко от Цветного бульвара, который приносил ощутимый доход. Незадолго до начала Первой Мировой войны в начале 1914 г. вблизи от Савеловского вокз. на земле церкви Рождества Богородицы в Бутырках началось устройство подворья Алтайской миссии. На строительство главного 4-х этажного здания была изыскана огромная сумма в 400 тыс. руб. По проекту 30 комнат здания отводилось под богадельню для престарелых миссионеров. На подворье предполагалось устроить миссионерский музей, часовню и большой храм на 1,5 тыс. человек. Алтайское подворье у Савеловского вокзала могло стать настоящим миссионерским дворцом.

В 1913 г. возникла мысль об открытии в Москве и третьего подворья с храмом – Московского подворья Православной русской миссии на Аляске и Северной Америке. Эта идея тоже не получила своего завершения.

В 1915 г. в годы Первой Мировой войны на страницах «Православного благовестника» управляющим Покровским миссионерским монастырем епископом Верейским Модестом был опубликован проект организации Богословского педагогического миссионерского Института. В институте должны были осуществляться подготовка законоучителей для средних школ, уездных епархиальных миссионеров для внешней и внутренней миссии. В течение 3-х лет слушатели должны прослушать общецерковные предметы, догматику, Свщ. Писание, педагогику, психологию, церковно-славянский язык, а также миссионерский курс – миссионерская практика в летние месяцы. В институт принимались за плату духовные и светские лица, окончившие духовные Семинарии и пробывшие на службе не менее 4-х лет. Уже были внесены 30 тыс. руб. на оплату преподавателей, но война все это затормозила. В 1917 г. Макарий был отстранен от управления епархией. В 1923 г. закрыли Богоявленскую часовню у Варварских ворот, Чудотворную икону Боголюбской Божией Матери забрали в музей.

МИССИОНЕРСКИЕ СЪЕЗДЫ

Первый миссионерский съезд в Москве.

На Первом Московском миссионерском съезде в 1887 году присутствовало около ста человек от различных епархий, от различных миссий. Сохранились протоколы этого съезда. Лидирующей была Казанская миссионерская школа. Хотя съезд этот назывался противораскольнический и основные вопросы, которым он должен был уделять внимание, была проблема старообрядчества, но Казанская миссионерская школа внесла основную струю в работу этого съезда. Миссионеры из большинства епархий и миссий очень много узнали об опыте Казанской миссионерской школы. В проблеме старообрядчества многое было неблагополучно в частности потому, что оставив одну форму, старообрядцы во многих согласиях приходили в состояние фанатичных сектантов. Административные и полицейские действия не приносили никаких миссионерских плодов.

В 1888 году после первого съезда Синод разработал правила об устройстве миссии, способе действия миссионеров и пастырей в Церкви по отношению к раскольникам и сектантам. В епархиях вводилась специальная должность епархиальных миссионеров. Говорилось о том, что необходима помощь администрации, что государственный строй в опасности в результате расшатывания православных устоев народа и государства.

Второй всероссийский миссионерский съезд (1891 г.)

Он также был, с одной стороны противораскольнический, с другой, очень большое место было уделено сектантам. Самые разные секты заполнили Россию. В южных губерниях это штундо-баптисты, малакане и другие. Цель съезда, как было сформулировано, выработать меры, чтобы спасти православный народ от губительного пути. С пламенной речью выступил Саблер, впоследствии обер-прокурор, а в то время просто чиновник канцелярии Свщ. Синода. В частности он сказал: «Враги Церкви стараются наступать на нас сплоченной ратью. Необходимо для ратоборцев православных единство мыслей и действий, нужна техника дела, плотная связь между собой и в общем труде». Особенно он обратил внимание на опасность от так называемых рационалистических сектантских учений – адвентистов, баптистов, духоборцев, штундистов, малаканов, субботничества, толстовцев, пашковцев. По его мнению наибольшую опасность представляли баптисты-штундисты, которые насаждали не только рациональную веру баптистского типа, но выступали против российского образа жизни, образа жизни крестьянина, они вводили даже одежду, принсенную с Запада. Все это псевдо-духовное просвещение, о котором мы теперь так много знаем, хлынуло тогда на Россию, когда Россия начала нравственно подниматься.

Этот съезд дал очень много и самим миссионерам, и для понимания Свщ. Синодом и обществом ситуации в миссионерском деле. В частности, было решено издавать Евангелие, и Библию с подстрочными толкованиями и примечаниями, издать Евангелие и Библию со специальными примечаниями, касающимися ее понимания различными сектантами – специально для баптистов, специально для малакан и т.д. Для внутренней миссии, которая была признана главной в то время, основная задача была сформулирована так: «Охрана православия и всего народа от религиозны заблуждений и возвращение на путь истины от веры отпадших». На этом съезде, а также на последующих, играл большую роль сотрудник Свщ. Синода, Скворцов, который издавал деяния этого и следующих миссионерских съездов. Он, в частности, заявил на съезде, что «сектантские учения разрушают не только религиозные мировоззрения, но и расшатывают весь государственный строй,

способствуют развитию противогосударственных течений и идей. В среду сектантов легко проникает атеизм и социализм».

Третий миссионерский съезд.

Происходил съезд в 1897 году в Казани. На нем было около 200 делегатов от епархий, от миссий, от церковных организаций, от братств, от монастырей, от учебных заведений. Были приняты некоторые обращения, в которых в частности призывалось заботиться о крепости и спокойствии гражданского быта и гражданского строя. Среди сект особое внимание уделялось толстовству. Толстой с его последователями действовал как один из таранов, расшатывающих, прежде всего интеллигенцию, и это движение становилось опасным для русского народа.

«Русское государство, – говорил Скворцов на этом съезде, – православие и самодержавие, все это так органически тесно связано между собой, что все вопросы веры и Церкви у нас на православной Руси в то же время суть и вопросы государственные». Борьба за православие становилась не только духовной, но и общественно-государственной задачей, поскольку Православие объединяло различные народы, составляющие многомиллионную Русь.

К этому времени усилились нападки в прессе и печати на миссионерство. Миссионеры были и достаточно активны, и просвещенны для того, чтобы ощущать глубокую тревожность положения. Началась травля в прессе миссионеров и миссионерского съезда. Вот взгляды на миссионерство из прессы: «Миссия представляется в виде бесплотных словопрений о вере, миссионеры кажутся людьми странными, вольными художниками духовного ведомства. Миссионерство, это дело темное, лишнее и вредное. Миссионеры, это гасители просвещения, штаб опричников, шпионы правительства». Положение в русском обществе было далеко не простым. Наступление на православие шло уже очень активно.

Съезд призвал русский народ, православное духовенство сплотиться в защите православия и призвал правительство издать законы, ограничивающие деятельность сект, ограждающие православие от тлетворного влияния сектантов, в том числе, признаваемых безнравственными. В это же время говорится и о многих причинах, которые способствовали проникновению сект, а именно, тяжелое положение рабочих, отсутствие духовного просвещения среди рабочих. Были приложены конкретные усилия – на больших заводах были созданы воскресные школы, просветительские православные центры, проводилась работа с детьми, с женщинами, с пожилыми людьми.

1905 год принес отступление Православия, отступление государства. Обер-прокурор Победоносцев ушел в отставку, были изданы законы о свободе совести, которые разрешили действовать свободно сектам. Тут же происходят съезды: баптистов (Таврическая Губерния, 1905 г.; Ростов-на-Дону, 1906 г.; С.-Петербург, 1907г.); адвентистов (1905 г.; Александров, Киев 1906 г.).

Проходили миссионерские съезды во многих епархиях. Так, в 1907 году в Нижнем Новгороде открылся миссионерский епархиальный съезд. На нем было признано, что новое законодательство не способствует укреплению православной веры в народе, что оно направлено против укрепления православия и укрепления православного государства, о том, что это законодательство и новые веяния угрожают великими потрясениями и тяжелыми последствиями русскому народу и русскому государству. К разряду сектантов съезд относили атеистов и социалистов.

Четвертый всероссийский съезд. Съезд проходил в 1908 году в Киеве. Это было очень крупное собрание, на нем присутствовало около 600 делегатов, широко было представлено монашество и намечены конкретные пути возрождения православия.

Четвертый Всероссийский миссионерский съезд закончился конкретными рекомендациями и планами противостояния развалу Российской Империи и Русского государства. Он призвал к противостоянию к укреплению Церкви и консолидации всех здоровых сил Церкви и общества. В частности, было решено, что в Семинарии вводится курс «Разбор и опровержение социализма», и было решено просить правительство об ограничении действия сект, которые можно признать противонравственными, типа хлыстовских.

В 1910 году проходил епархиальный съезд в Казани. Этот съезд имел значение по существу Всероссийского. Направленность этого съезда – против мусульман, на решение проблем с татар-

ским. Из Туркестана приехал ученик Ильминского, Остроумов, и обсуждались конкретно нужды Туркестанской Среднеазиатской миссии. Дело в том, что в Средней Азии положение было очень тяжелое. К тому времени отношение местных туркмен, узбеков и других среднеазиатских народов, с Россией стабилизировалось и, в основном, российское население было примером и хозяйствования, и нравственности, и высокой культуры по сравнению с полукочевыми народами. В Среднюю Азию активно входили российские формы жизни. Недавние еще эмираты, замкнутые для европейцев, распались и христианская жизнь входила и в Среднюю Азию. Строились христианские храмы, понемногу население признавало превосходство русских и превосходство христианства. Однако, это было недостаточно устойчивое течение, поддерживалось противостояние не только мутлами, но и извне силами, которые надеялись оторвать Ср. Азию от России. Из Азии и даже из Европы поддерживались промусульманские антирусские течения.

Особая роль на этом епархиальном съезде отводилась женщинам. Женщины – и как миссионерский пример, и как миссионерская боевая единица, и как учителя мусульман не только в духовном плане. В связи с этим при Братстве св. Гурия в Казани были учреждены женские богословские курсы. Особая роль в мусульманских областях придавалась женским монастырям. Как известно, в мусульманстве женщина имеет положение особое, неравное по сравнению с мужчинами; и временами там идут богословские диспуты о том, имеет ли женщина душу. В женских монастырях местных женщин учили сельскохозяйственным работам, рукоделию, им давалось самое простейшее просвещение, и это приносило большие плоды. Понемногу отношение к женщинам и отношение женщин к самим себе там менялось.

И по отношению к Кавказу, и по отношению к Средней Азии были решения об обращении к правительству с тем, чтобы закрыть границу от турецких, персидских и иных эмиссаров, которые нарушали мирную совместную жизнь христиан и мусульман. Особую роль играла местная знать. Когда она переходила из ислама в христианство, то ей давались некоторые привилегии. К тому времени, кто имел уже эти привилегии старались вернуться опять в ислам. И был поставлен вопрос о том, чтобы не забывать лишать привилегии местную знать, если она не хочет жить в христианстве, а хочет вернуться в ислам.

В 1913 году встал вопрос о том, что, с одной стороны, миссионерская деятельность идет достаточно успешно, а, с другой, требуются очень большие усилия, чтобы преодолеть общую трудную ситуацию. Было решено просить правительство о помощи, о том, чтобы часть начальных и средних школ перевести в миссионерскую систему с тем, чтобы усилить влияние и духовное просвещение детей и юношества. В 1913 году при Свщ. Синоде миссионерский отдел был превращен в Миссионерский совет, который возглавил епископ Финляндский Сергей Старгородский, будущий Патриарх. Это назначение было неслучайным, поскольку он в качестве миссионера был в Японии (был помощником архиепископа Николая Японского) и был одним из образованных и просвещенных архиереев, постоянно интересовавшихся не только миссионерскими проблемами, но и проблемами духовного просвещения. Финляндия в то время принадлежала России. В Финляндской епархии стоял вопрос о духовном православном просвещении финнов.

Миссионерский Совет был призван содействовать в миссионерской работе архиереям, созывать миссионерские съезды, организовывать курсы, школы, помогать и руководить подбором миссионерских кадров. Чуть позже начал выходить Церковный Вестник, периодический печатный орган Миссионерского Совета. Согласно постановлению Свщ. Синода и утверждению Государя было принято, что председатель этого Совета ежегодно докладывает императору о состоянии миссионерского дела в России. В начале 1917 года этот Совет был преобразован в Совет по укреплению и распространению православной веры при Свщ. Синоде. Этот новый Совет также возглавлялся архиепископом Сергием Старгородским.

Началась война. Несмотря на все трудности войны, Православная Церковь продолжала миссионерскую работу. В течение войны миссионерских съездов не было. Наконец, в 1917 году обер-прокурор Свщ. Синода князь Львов дал разрешение на созыв пятого миссионерского съезда.

Пятый всероссийский миссионерский съезд.

Пятый Всероссийский миссионерский Съезд, который был последним, проходил с 25 июля по 5 августа (ст. стилия) 1917 года в Херсонской губернии, в Бирюзовском миссионерском монастыре. Этот монастырь, как и многие южные монастыри, имел противосектантскую направленность и

задачу защиты от протестантского и католического влияния, идущего с Запада. В монастыре существовала миссионерская Семинария. Во главе съезда оказался митрополит Платон, который был изгнан с Кавказа, где с самого начала 1917 года начались страшные националистические движения, и тут же началось движение за отделение Грузинской Церкви от Русской.

Митрополит Платон приехал в Бирюзовский монастырь, где был с почетом встречен, и очень многое определил на этом миссионерском съезде. Делегатов на съезде было 93; архиереи были следующие: председатель – митр. Тифлисский, Экзарх Кавказский Платон, архиепископ Херсонский и Одесский Назарий, архиепископ Таврический и Симферопольский Дмитрий и архиепископ Кишиневский Анастасий, епископ Екатеринославский Агапит, епископ Никадим и епископ Гермоген.

Кроме всех миссий, были представлены миссионерские братства и монастыри; епархии были представлены своими епархиальными миссионерами.

На пятом Съезде действовали следующие секции:

- по старообрядчеству;
- по рационалистическому сектантству;
- по мистическим сектам;
- по инославию;
- по атеизму и неверию;
- по организации миссии и изысканию материальных средств;
- по преподаванию миссионерских предметов в Духовных Семинариях.

Главным вопросом был вопрос о быстром распространении сектантства, к которому в то время относили и течения атеистические, социалистические всевозможных толков.

Другая направленность – проблема мусульманства на юге (в Крыму), Предкавказье, Ставропольском крае, Средней Азии. К этому времени сектанты очень оживились и проводились даже сектантские собрания с широкой рекламой, чего раньше не было.

В своей речи на Съезде митрополит Платон сказал: «Сейчас мы имеем свободу. Но добро будет лишь, если Русь будет православной, святой Русью. Миссионерский крест, это мученичество – к мученическому подвигу зовет нас Господь. Зараза неверия разливается, новый закон вероисповедания (полная свобода всех и вся) горе всей Руси. Не надо бояться, надо громко говорить о своих правах. В Киеве чествуют униатов, тесно сплоченными флангами идут сектанты, социалисты. Нам понадобится учредить своего рода миссионерский Орден, надо идти повсюду в народ. Мы сильнее своих врагов. Разве вы не знаете, что семинаристы часто образованнее ученых ксензов. Мы материально бедны, но да поможет нам Бог!»

Интересным был пленарный доклад о. Николая Чепурина, епархиального миссионера из Петербурга. Назывался он «Миссионерская работа в прошлом и настоящем». Это был молодой священник из Петербурга, имевший огромный опыт работы умный, образованный, понимавший в какие испытания входит Церковь. Интересно то, что ему суждено было прожить трудную и долгую жизнь. Он потом был в заключении, а после войны он стал первым ректором Духовной Семинарии и Академии в Москве.

Резолюции Съезда были по вопросам протестантизма, единоверия, церковной миссии в приходах, в уездах и епархиях. По этим вопросам были намечены конкретные пути борьбы. Особо отмечалось, что современное положение Церкви, буруеваемой иноверием, инославием, сектами, расколом, неверием, социализмом требует высшего напряжения миссионерских сил Церкви и самого широкого развития и укрепления специальных миссий. Отмечалось, что огромный вред Церкви будет принесен тем, что Свщ. Синод закрыл штатные должности епархиальных миссионеров. Особое внимание уделялось постановлению Временного правительства и цирку. N 309 (от 19 июля) училищного совета при Свщ. Синоде о передаче церковно-приходских школ в систему народного образования. «Съезд признает постановление Временного правительства архи-

вопиющей несправедливостью по отношению к Церкви, а циркуляр показателем продолжающегося государственного засилия в Церкви».

Было постановлено, что должны быть введены следующие предметы в средних и высших богословских заведениях: история учения старообрядчества, история учения сектантства, история инославных исповеданий, сравнительное богословие и история православной миссии.

Пятый миссионерский съезд закончился обращением в Свщ. Синод с просьбой разрешить представительство миссионеров на готовящемся Поместном Соборе от миссий. Это представительство было утверждено, на Соборе были избраны делегаты на Поместный Собор (на Съезде было избрано 10 человек на Поместный Собор), и 15 августа начал действовать Поместный Собор. Все добрые конкретные пожелания, несмотря на общий развал и анархию, перешли с этими делегатами на Собор.

Роль миссионерских съездов была очень большой, потому что наша православная Церковь жила без Соборов, были только епархиальные съезды. Миссионерские съезды, как съезды наиболее активных и деятельных православных священников, мирян и епископов в какой-то мере восполняли этот недостаток жизни Православной Церкви. На них обсуждались все основные проблемы жизни Православной Церкви, и они способствовали подготовке к Поместному Собору 1917 года.

МИССИОНЕРСКИЕ ТРУДЫ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Братства возникали в Православной Церкви в наиболее трудные периоды ее истории с целью защиты Православия и объединения активных прихожан вокруг священников и епископов. История Братств интересна и поучительна, особенно старейших – Львовского (основано в 1439 г.) и Вилленского (основано в 1458 г.), созданных для защиты от агрессии католичества и протестантизма на Западе России. Братства Западных областей всегда имели миссионерскую направленность.

По примеру этих первых братств, многие другие издавали книги, создавали училища, школы, христианские культурные центры; велась работа и благотворительная, и просветительская и др. Особенно в Западных областях этим братствам приходилось брать под защиту (в том числе и физическую) православие. Высшее православное духовенство находилось временами в очень тяжелом положении, поскольку оно подчинялось часто Польскому королю.

Особенно активно братства начали жить и действовать, начиная с 1864 года, когда Свщ. Синод издал и опубликовал правила для братств, образцы уставов. Было сформулировано, что братство – это оплот православия, оплот обороны от католиков и протестантов. Братства должны были быть консолидирующей силой и противостоять разрушению духовных связей и разрушительным тенденциям в народе.

В 1893 году в западных губерниях действовало около 150 братств. В Казани в это же время братство св. Гурия имело миссионерские школы, вело большую издательскую работу. После доклада Свщ. Синода Николаю II о деятельности братств в 1914 году была направлена в Свщ. Синод грамота Императора, где он говорил, что «с отрадой останавливает свой взор на деятельности Православных братств, что церковные братства несли и несут достаточно большую службу отечеству, содействуют охранению православной веры, устройству доброго порядка и христианской жизни, сохраняют чад православной церкви от соращения, заботятся о воспитании юношества, об устройении семейного и общественного быта на извечных учениях Христа».

Цесаревич Алексей был почетным попечителем одного из братств (Камчатского братства), которое имело отделения в Петербурге, Москве, Киеве и др. городах, и очень многое успело сделать всего за несколько лет.

По опубликовании этой высочайшей грамоты Свщ. Синод обратился к чадам Православной Церкви и особенно к членам братств (к 1914 году их было около 700) с посланием, где отмечалась большая работа братств, которые собирали средства на благотворительность, содействовали духовному просвещению, издавали миссионерские книги и журналы, создавали церковные хоры и т.д. Была высказана надежда, что братства сумеют сплотить русских людей под знаменем Церкви, что особенно важно, т.к. в обществе царит анархия, распространяются учения социализма и другие.

Это обращение заканчивалось призывом защитить веру православную, оградить от соращения в раскол и неверия. Война остановила это движение, хотя и не совсем. В 1917 году было около 1500 братств.

КАМЧАТСКАЯ МИССИЯ И КАМЧАТСКОЕ БРАТСТВО

О роли братств можно судить по огромным плодам Православного Камчатского Братства, возникшего в начале XX века. Благодаря его трудам началось возрождение Камчатки в XX веке.

Полуострова Камчатка и Чукотка этнически лежат между Якутией и Аляской. Там живут различные народности – тунгусы, эвенки, камчадалы, эскимосы. На Курильских островах – древняя народность айны. Эти народности, ведущие, в основном, кочевой образ жизни, постепенно учились оседлому образу жизни, возделыванию земли, выращиванию овощей и хлеба. Но если взять записи митрополита Иннокентия (Вениаминова) о своем путешествии по Камчатке, то увидим примерно то же самое, что на Аляске. Русские промышленники занимались промыслом дорогих шкур, моржового клыка, рыбы. Русские приходили туда за прибылью, местные народности оставались обездоленными. Редкие самоотверженные миссионеры и чиновники, которые пытались наладить там на православных основах жизнь, оставались в меньшинстве и не играли существенной роли.

В храмах в г. Усть-Камчатске, в г. Петропавловске, в некоторых поселениях шла церковная жизнь, которая относилась в основном к русскому поселению, а воцерковление местного населения шло очень медленно. По своим верованиям народы Камчатки довольно близки к верованиям эскимосов и алеутов.

В начале XX века епископ Владивостокский и Камчатский Евсевий обратился в Священный Синод с просьбой помочь просвещению Камчатки и прислать на Камчатку миссионеров. (При епископе Евсевии менее, чем за 30 лет в епархии возникло более ста храмов и значительно изменилась вся жизнь Православной Церкви).

Из Свщ. Синода в Казанскую Духовную Академию пришла бумага с повелением направить миссионеров на Камчатку. Бумага эта оставалась без движения. Из Казанской Духовной Академии пошли письма по епархиям, в частности, в Вятскую. Это письмо попало к архимандриту Андрею (Ухтомскому), у которого в это время на каникулах был студент Казанской Духовной Академии Анисимов, духовный сын о. Андрея, родом из Вятки. Архимандрит Андрей благословляет его ехать на Камчатку миссионером.

Николай Александрович Анисимов – впоследствии Митрополит Нестор (Анисимов), родился в семье военного чиновника.

До его отправки на миссионерскую деятельность на Камчатку произошло его личное знакомство с о. Иоанном Кронштадским, который исцелил по его просьбе смертельно больную мать. «После этого знаменательного для нашей семьи события мама прожила еще 34 года». Начались сборы. В Казани архиепископ Казанский Дмитрий рукоположил его в диаконы и во священники и благословил ехать на Камчатку.

Молодой миссионер иеромонах Нестор (Анисимов) приехал к епископу Евсевию во Владивосток, а затем из Владивостока морем поплыл на Камчатку.

На несколько лет он целиком отдал себя камчадалам. Главное что ему удалось – это завоевать сердца камчадалов. Он становится всем для обездоленных кочевых племен, начинает заниматься не только просвещением, но и переводами на местные языки Свщ. Писания и богослужения. Он ограждал этих бедных людей от полновластия чиновников, которые их обирали, от разбоя промышленных людей.

Кочевники жили в юртах, палатках, покрытых кожей. Он жил вместе с ними в юртах. В палатках – кожные болезни, насекомые, полное отсутствие гигиены. Он вез с собой пуды мази для лечения кожных болезней; сам лечил и учил ими пользоваться. На Камчатке жило много прокаженных – он сделал первый лепрозорий. Во главе этого госпиталя стояла мед. сестра, приехавшая туда по зову о. Нестора из Петербурга (выпускница Смольного Института).

После нескольких лет трудов на Камчатке, когда он получил поддержку и признание в Петропавловске-Камчатском, во Владивостоке у Владыки Евсевия он составил проект Устава Камчатского Братства – общественной организации, которая бы взяла на себя ответственность за жизнь камчатских народов: не только за их духовное просвещение, но и за помощь в организации жизни этих народов. Владыка Евсевий благословил о. Нестора ехать в Петербург. И вот, молодой иеромонах в Петербурге. Он у обер-прокурора Свщ. Синода Лукьянова, вручил ему отчет о миссионерской деятельности и проект Камчатского Братства, как способа возрождения Камчатки. Лукьянов его не слушал. Отец Нестор сделал доклад в географическом обществе, посетил духовных лиц, завел знакомства среди купечества и в аристократических кругах Петербурга, познакомился с вдовствующей Императрицей Марией Федоровной.

Наконец, его вызвали на аудиенцию к императору Николаю II. В результате его проект полностью приняли, и почетное попечительство Опекунского Совета над этим Братством принял на Себя наследник. Вся семья Государя Императора приняла этом проекте живейшее участие.

О. Нестор таким образом чудом получил не только утверждение Братства на Камчатке. Отделения этого Братства открываются в Петербурге, Москве, Киеве и др. городах, Начала поступать помощь, которая приобрела широкий размах. Раз в год несколько вагонов со строительными материалами, с одеждой, лекарствами, церковными принадлежностями и просто книгами шли на Дальний Восток. Средства собирались по всей России. Готовились разборные деревянные храмы, разборные здания для школ, для богадельни. Начался новый этап в жизни Камчатки.

К 1914 году на Камчатке построено 30 храмов и молитвенных домов, школы, лепрозорий, больницы, дом для престарелых, и готовилась большая программа развития Камчатки. Началась война и еп. Нестор оказался в Москве, в Петербурге и почти два года не попал на Камчатку. Он организовал медицинский поезд-госпиталь и с ним попал на фронт. Почти два года он провел на фронте.

Через некоторое время о. Нестор снова в Москве. По представлению епископа Евсевия была выделена из Владивостокской отдельная епархия, и о. Нестор стал епископом Камчатским, вторым епископом после св. Иннокентия Вениаминова.

Владыка Нестор вместе с Владыкой Евсеем – делегаты Поместного Собора в Москве. После обстрела и взятия Кремля большевиками вышла книга епископа Нестора. «Расстрел Московского Кремля». Эта книга не прошла незамеченной – вскоре епископ Нестор был арестован. После сообщения ему пришлось кораблем добираться до своей Камчатки. Но оказалось, что советская власть туда уже пришла, и ему не удалось высадиться на Камчатке. Некоторое время он жил в Японии, затем оказался в Маньчжурии, в Харбине. В Харбине он жил до прихода Красной армии в 1944 году.

В Харбине им было создано Подворье Камчатского Братства, которое включало Дом милосердия, приют для сирот, гимназию, мастерские, юношеские организации – все то, что было необходимо для спасения русских людей в Харбине. В 1944 году архиепископ Нестор не уехал со многими русскими людьми в Америку, а остался в Харбине. Он был принят Святейшим Патриархом Алексием I и был возведен в сан Митрополита, Экзарха Восточной Азии. В 1948 году он был взят и почти 8 лет отсидел в марийских лагерях. В 1956 году его освобождают, но не совсем, еще некоторое время он жил практически под домашним арестом на даче Патриарха Алексия I в Переделкино. Его направили в Новосибирск, но под усиленный надзор уполномоченного. Через некоторое время его направили исполняющим обязанности епископа Кировоградского. В 1962 году в Первой Градской больнице он скончался и был похоронен у храма в Переделкино.

МИССИОНЕРСТВО В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Поместный Собор 1917 года не имел своими основными миссионерские задачи. Время было уже закритическое. Наступала тяжкая эпоха гонений. Вполне определенно по поводу безбожной власти, преследующей Церковь высказался патриарх и Собор. А дальше началось гонение на духовенство. Миссионеры, как наиболее активная часть духовенства, пострадали больше других.

Можно ли видеть миссионерство в жизни Русской Церкви советского периода? Было ли оно вообще? Были очевидные формы – открытые диспуты в Москве, Петербурге, других городах по вопросам веры, где выступали Луначарский и другие, а со стороны Церкви выступал тот же о. Ни-

колай Чепурин. Память об этих диспутах сохранилась до сих пор. Под главенством Губельмана (Емельяна Ярославского) действовал Союз воинствующих безбожников, который насчитывал до 5 млн. человек; это был особый комсомол, направленный против Церкви. Коммунистическая партия и советское государство постоянно строили планы уничтожения Церкви в течение всей советской истории, а не только в «безбожные пятилетки».

Советская пропаганда в период разнузданности против Церкви зиждилась на трех китах:

- недобросовестности атеистических лекторов и агитаторов;
- невежестве слушающих;
- у тех, кто мог ответить достойно, был крепко зажат рот.

Как жили в то время, можно представить из воспоминаний, например, св. Луки (Воино-Ясинецкого). Биография этого человека передает дух того времени, времени мученичества. Автобиография профессора, лауреата Сталинской премии местночтимого святителя Луки начинается словами: «О Мати моя, поруганная, презираемая Мати, святая Церковь Христова. Ты сияла светом правды и любви, а ныне, что с тобой? Тысячи храмов твоих по лицу земли русской разрушено и уничтожено, а другие осквернены, обращены в овощные хранилища и только немногие сохранились. На местах прекрасных Кафедральных Соборов гладко вымощенные площадки...». Этот подвиг был действенный. О том порыве, который тогда был, рассказывает следующий пример. Члены актива храма, который закрывался, шли под суд. Среди тех, кто предстанет перед судом, молодежь 18-25 лет. Одна девушка ждала со страхом этого суда, она боялась только одного – у нее отец известный хирург Мартынов, и судьи из-за этого имени побоятся осудить ее и дать ей срок. Так миссионерствовала Православная Церковь в те годы. В начале 20-х годов эшелоны шли на восток, на север с пением церковных песнопений. Это было подлинное свидетельство о Христе.

Другой пример миссионерства. Как только объявили, что введены «двадцатки» (29 г.), и священник говорил с амвона, что наступает трудное время, те, кто хотят защитить Церковь, могут записаться в «двадцатку», но это может иметь трудные последствия. Аспирант Московского Университета тут же записался в «двадцатку», а через месяц его посадили в тюрьму, пообещав, что он никогда не будет ученым. Вопреки всему молодой человек стал крупным ученым после всех ссылок.

Однако, малоцерковной молодежи, да и не только ей, трудно было устоять перед натиском «созидающей» программы построения коммунизма.

В следующие годы эшелоны на север и восток шли уже без церковных песнопений. Многие погибли, некоторые сломались, все больше и больше было уголовного элемента, все больше было «советского элемента», который находил общий язык с уголовниками. В предвоенные и послевоенные годы свет во тьме сиял одиноко, пример – книга воспоминаний об о. Арсении. Церковь погрузилась в молчание. Ярким примером свидетельства о Христе всегда был владыка Лука (Воино-Ясинецкий) и ряд других.

Чтобы представить себе то время, можно обратиться к более свободному послевоенному времени 50-х годов. Православная Церковь казалось бы уже была относительно свободна, православная интеллигенция – в почете. На одном из приемов в Кремлевском Дворце присутствуют Святейший Патриарх Алексей, митрополит Николай (Ярушкевич), некоторые иерархи и представители православной интеллигенции – дирижер Голованов, П. Корин, и др. Когда пришло время произнести тост, Голованов его начал так: «Мы, представители православной интеллигенции, горячо благодарим партию, правительство и лично тов. Сталина за возможность... и т.д». Вот все, что можно было сказать. В это время полноценная проповедь и духовное просвещение оставались почти только в семьях.

Проповеди о. Всеволода Шпиллера в Николо-Кузнецком храме собирало огромное количество интеллигентных людей, и периодически возникали трудности, которые грозили самыми тяжелыми последствиями. Только связь с Болгарией и ее заступничество спасали его. В те же годы за активную пастырскую деятельность в тюрьмы попали о. Иоанн Крестьянкин и многие другие.

Интересна история взаимодействия Православной Церкви с Русским христианским студенческим движением, которое в начале века находилось в основном в руках баптистов и было мишенью для наших лучших миссионеров. Это движение занималось изучением Свщ. Писания и про-

поведью Евангелия. В первые годы революции кружки ОХСД очень многим помогли, поскольку оказалось, что русская студенческая дореволюционная среда совершенно не знала православия и Церкви, не знала Евангелия. Очень многие прошли через эти кружки и пришли к православию. Последний глава этого движения В. А. Амбарцумов принял православие и стал очень известным священником. Много лет он жил нелегально, окормлял свою паству. В 1937 году он был расстрелян в Бутово под Москвой.

В течение очень многих лет Русская Церковь была Церковью молчания. Если Хрущеву к 1980 году не удалось показать по телевидению последнего попа, то очень многое было для этого сделано. В частности, в середине и конце 70-х годов половина духовенства вообще не имела среднего образования и не была готова к духовному просвещению.

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий родился в Керчи 27 апреля 1877 года в семье аптекаря. Отец его был католиком, мать - православной. По законам Российской Империи дети в подобных семьях должны были воспитываться в православной вере. Отец его по воспоминаниям оказал наибольшее влияние на его религиозность. Валентин Феликсович хотя хорошего религиозного воспитания в детстве не получил (как он сам об этом говорил), тем не менее, верность православию было второй стороной его натуры. Скорее всего, на формирование веры у Валентина Феликсовича повлияла близость Киево-Печерской Лавры. Хотя в своих воспоминаниях архиепископ умалчивает о влиянии на его взгляды матери, ее, Марии Дмитриевны, роль вполне определена. Ее вера выражалась в добрых делах, которые она творила во славу Божию. Вполне возможно, что эта ее вера, основанная на евангелии (Мф. 25, 34-40) и определила его народнические устремления, без которых он не смог бы состояться как неутомимый проповедник Евангелия. В пользу влияния на рост духовного сознания у Валентина со стороны Киево-Печерской Лавры говорит тот факт, что, будучи в Киеве, юноша посещал ее каждый день. Святителя Луку всегда отличало стремление принести пользу простому народу. Еще будучи юношей, его захлестнуло толстовство (этическая сторона). В это время впервые проявилась глубина религиозности: увлекаясь толстовством, юноша рвался даже переехать в Ясные Поляны. Когда же узнал, что Лев Толстой еретик, то сразу порвал с этим увлечением. С целью помощи простому народу он хотел устроиться в одну из сельских школ учителем. Проведению угодно было исполнить мечты юноши, но несколько иным путем. Стремление принести практическую помощь простому народу привели его в конце концов на медицинский факультет университета – окончив его, Валентин Феликсович становится земским врачом, хирургом. По окончании университета у молодого хирурга большая врачебная практика, работа над диссертацией и ее защита в 1916 году.

В годы революционной смуты Валентин Феликсович работает хирургом в ташкентской больнице и преподает в медицинской школе. В это время и происходит его становление как защитника православия и миссионера, принимает деятельное участие в деятельности церковного братства – посещает его собрания, выступает на его собраниях, показывает себя ревностным христианином, между тем совершенно не знакомым со всяким проявлением фанатизма. Перед операциями он всегда молился, и в операционной всегда висела икона. Всякое проявление религиозности новой властью осуждалось, и это привело к первому его конфликту с безбожниками. Так, в начале двадцатого года одна из ревизионных комиссий приказала убрать икону. Валентин Феликсович, в то время уже весьма известный хирург, ушел из больницы, заявив, что вернется только в том случае, если икону вернут на место. Твердость характера и бескомпромиссность в своих убеждениях взяла верх. Впоследствии (через полтора года) подобная ситуация повторилась: новая комиссия постановила, что иконе в операционной не место. В этой ситуации, когда меры борьбы новой власти с саботажем были уже куда более круты, Валентин Феликсович (тогда уже священник), также оставался непреклонен. Сила его духа и ходатайство сослуживцев помогли и в этот раз: икону удалось отстоять. Этот пример показал высокий уровень нравственной оценки, какой взвешивал себя о. Валентин. Этим он показал один из первых примеров истинно христианского поведения – во всех вопросах касательно веры оставаться непреклонным, чего бы это ни стоило и какие бы опасности это не сулило. В начале 1921 года, когда некоторые священнослужители, испугавшись репрессий, снимали с себя сан, профессор Войно-Ясенецкий рукополагается, следуя Божию призыву. Став священником, он продолжает заниматься врачебной и преподавательской деятельностью. К этой деятельности отныне добавляется и проповедническая, он осознает свой долг как защиту пропове-

дью оскорбляемого Спасителя. О. Валентин продолжает принимать активное участие в деятельности православного братства, проповедует Христа даже всем своим естеством: приходит в больницу, читает лекции на кафедре в университете в рясе и с крестом на груди. Редко проповедовавший преосвященный Иннокентий назначает о. Валентина четвертым священником собора и поручает ему все дело проповеди: «Ваше дело не крестити, а благовестити». К делу проповеди, свидетельству о Боге отец Валентин использует даже выступление в суде, куда он был вызван летом 1921 года экспертом по делу врача-профессора Ситковского, обвиненного во вредительстве. На суде отцу Валентину удалось не только доказать невиновность обвиняемых врачей, безграмотность их обвинителей, но защитить веру от нападков безбожника главара ЧК. В этой полемике священник-профессор показал бесчеловечность большевицкого режима – «Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель?» - таков был первый ответ и контраргумент; второй вопрос касался веры в Бога, на который обвинитель получил исчерпывающий ответ: «Бога я действительно не видел ... Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил». Эти аргументы со временем стали достаточно известны и популярны в народе.

В эти же времена (в течение двух лет) приходилось участвовать о. Валентину в религиозных (точнее – антирелигиозных) диспутах. Цель этих диспутов была одна – показать несостоятельность религии. Так как эти диспуты не принесли партии подходящих результатов, то они были вскоре закрыты. Эти диспуты проводил отрекшийся от Бога протоиерей Ломакин, бывший миссионер Курской епархии. Оппонентом у этого ренегата был очень часто о. Валентин. Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника. Впоследствии богохульник был сурово наказан – заболел раком прямой кишки. Примерно к этому же времени относится задумка Валентина Феликсовича написать статью, посвященную исследованию науки и религии, чтобы показать несостоятельность каких бы то ни было аргументов против религии. Возможность эта появилась лишь спустя десятилетия.

Своей проповедью о. Валентин касался всех сторон духовной жизни, но наибольшее ударение он делал на вопросе целостности Церкви – разбойничья организация «Живая Церковь», во всю поощряемая богоборческой властью начинает захватывать один храм за другим, начинает вводить невиданные до ныне правила и порядки, сманивать к себе маловерных и слабовольных прихожан. Он, сам будучи тверд в вопросах веры, воспитывал в своих пасомых эту твердость и категорически запретил им ходить в храмы, занятые "живистами". В проповедях неустанно напоминал о долге христианина к своей Церкви - не соблазняться и не поддаваться ересям и расколам, которые бывают в Церкви, все ереси и расколы от Дьявола и с ним надлежит бороться. Тем прихожанам, которые дерзнут молиться с отступниками, отец Валентин грозил отлучением от исповеди и причастия. В раскол уходят два видных протоиерея, нареченный во епископа архимандрит Виссарион арестован и выслан из Ташкента, а преосвященный Иннокентий тайно уезжает в Москву. В такой тяжелой ситуации протоиерей Михаил Андреев и иерей Валентин Войно-Ясенецкий сами устраивают епархиальный съезд, берут в свое управление все дела епархии и тем стабилизируют в некоторой степени положение в ней. На этом же съезде туркестанское духовенство и народ, подобно как в первые века христианства, зная высоту духовной жизни отца Валентина и его ревность в защите Православия, избирает его на Ташкентскую кафедру. Приехавший в это время на жительство в Ташкент ссыльный епископ Уфимский Андрей тайно постригает Валентина Феликсовича в монахи с именем Луки. Для хиротонии отца Валентина отправляют в город Пенджикент, где два ссыльных архиерея – епископ Волховский Даниил (Троицкий) и епископ Суздальский Василий (Зуммер) – посвящают кандидата во епископы. Вернувшись в Ташкент, еп. Лука осознавал, что будет неминуемо арестован и, провидя создавшуюся в Церкви обстановку, составляет для паствы свое архиерейское завещание. В нем он обличает «живцов» и сурово называет их организацию диким вепрем. Учит не соблазняться внешностью богослужения и не считать таковое действие вообще за богослужение, не иметь с вепрем никакого общения, не восставать против власти и со смирением ей повиноваться. Репрессии не заставили себя долго ждать – епископа обвинили в шпионаже в пользу англичан и в связи с контрреволюционерами на Урале и направили в Москву как политического преступника. Суд метом ссылки владыке определили Енисейск Красноярского края и отправил по этапу. Этим открывается вторая часть его жизненного пути, внесшая некоторые коррективы в его миссионерство.

По благословию патриарха Тихона епископ Лука продолжал свою врачебную практику в порядке исключения, т.к. церковные каноны налагают строгий запрет для священнослужителей на эту профессию, сопряженную с определенным риском летального исхода, тем самым отличил его врачебный талант как дар от Бога: В частности, отличало епископа Луку во врачебной практике его безмездность – он никогда не требовал оплаты за лечение, в обхождении с больными был всегда безукоризнен – весь народ с благодарностью вспоминает врача, который возвратил здоровье множеству людей.

Общая черта его проповеди и в Ташкенте, и в Сибири касалась предостережения против «живоцерковников» - ни в коем случае не разделять Церковь – Тело Христово, сохранить паству от расхищения раскольниками. Для этого – рукополагать достойных священников и научать народ верности Церкви и Патриарху. В Туруханске он нашел одного священника – Мартина Римшу, который по неведению попал в живоцерковный раскол. После бесед этот священник осознал всю политическую подоплеку раскольников и вернулся в патриаршую Церковь. Благодаря успешной проповеди антирелигиозная пропаганда в городе была сведена на нет, в церковь приток прихожан значительно увеличился. Епископ Лука принимал участие в публичном диспуте с медиком-атеистом, проповедовал и обличал разрушителей храмов, чем настроил против себя все местное партийное и советское начальство.

К первой ссылке относится один интересный знак от Бога, свидетельство об особом избрании епископа Луки: в Енисейске Лука встретился с одним монахом, которому еще за десять лет до этой встречи было видение, что именно этот епископ рукополагал его – у Бога Лука уже тогда числился епископом.

В Туруханске святитель провел три длительные (по три часа) беседы с баптистским пресвитером Шиловым, предпринявшим путешествие специально для такой беседы. Весьма интересен результат этих бесед: баптистский пастор почему-то пришел к выводу, что еп. Лука убежден в правоте баптизма, хотя тот разъяснял Писание в православном духе. Это показывает, что сломать определенные стереотипы мышления у сектантов зачастую очень сложно. В Туруханске, как и везде епископу запрещали благословлять больных в больнице, проповедовать в монастыре и ездить на санях, покрытых коврами – именно так провожали тунгусы владыку. Попавшего в немилость местных властей епископа отправляют еще севернее – к Ледовитому океану, до станка Плахино с надеждой, что суровый климат убьет его. Но на крайнем севере святитель Лука выжил – ему помогли и местные жители, и чиновник из заготконторы. К пребыванию в Плахино относится один из случаев, когда еп. Лука должен был окрестить двух детей, в совершенно экстремальной обстановке. Таким образом миссионерство святителя не прерывалось даже этой частью ссылки. Иная сторона миссионерства – это небольшое предсказание о себе, сделанное маловерующему уполномоченному заготконторы по поводу весьма скорого возвращения в Туруханск, сбывшееся по предсказанию. Причина этого возвращения были даже не хлопоты друзей-профессоров, а небольшой бунт, устроенный туруханцами по поводу смерти одного крестьянина, нуждавшегося в сложной операции.

Возвращение из первой ссылки напоминало шествие архиерея – он не плыл вместе с остальными на барже, а ехал на санях, всюду встречаемый и провожаемый народом с колокольным звоном. Это было, в частности, и заслугой его проповеди, его целительско-просветительской миссии в Красноярском крае.

По возвращении в Ташкент святитель совершил большую ошибку – предпочел уволиться на покой переводу в другую епархию. Результатом этой ошибки стало греховное падение и Божии наказания за этот грех. В течение четырех лет проживания в Ташкенте профессор-епископ занимается только врачебной деятельностью. Возможно, единственное, почему наказание не последовало быстро – это ожидание покаяния Луки с одной стороны, и его непрерывная забота об остро нуждавшихся и тяжелобольных с другой.

Поводом ко второй ссылке послужило определение, выданное еп. Лукой (Войно-Ясенецким) вдове застрелившегося профессора Михайловского (бывшего в то время душевнобольным). Это заурядное дело было раздуто до заговора против науки и покровительства преступника. Местом второй ссылки стал Архангельск. Эта ссылка была для епископа значительно легче, ему не запрещалось заниматься врачебной деятельностью. Как наказание Божие в этой ссылке было недруже-

любие епископа Архангельского. Был от Бога и призыв к покаянию, и предложение занять свободную кафедру, но Лука не внял призыву и получил новые беды. Третий арест и новая ссылка в Красноярский край были очистительными для еп. Луки, покаявшегося в своем отступлении от вверенного ему Богом служения. Будучи в тюрьме, епископ Лука продолжал осознавать себя не только православным, но и епископом. По свидетельству очевидцев-сокамерников, он на неоднократные призывы снять расу, отказывался наотрез. Когда становился на молитву, в камере затихал всякий шум, споры разрешались сами собой. Таким образом, святитель и в такой ситуации продолжал свидетельствовать о Христе.

При высылке еп. Луки в райцентр Большая Мурта с работой ему смог помочь главврач больницы, это пришлось сделать в обход райздравотдела. Многочисленные тяготы и лишения до конца смирили епископа и он полностью раскаялся в своей ошибке. Степень его смирения перед Богом вполне может показать такое его высказывание: «Куда меня не пошлют – везде Бог». Благоволение Божие проявилось с началом войны, в 1941 году. Святитель жаждал приложить все силы для защиты отечества, он готов был даже надеть военную форму, чтобы служить стране по своей специальности – хирургом. В конце концов его просьба была удовлетворена и в конце июля епископа-профессора назначают главным хирургом эвакгоспиталя в Красноярске. В выходные и праздничные дни святитель посещал кладбищенскую церковь и, хотя в ней ему служить не было возможности, он пребывал, как и положено святителю, в служении слова – усердно проповедовал. Кардинально к нему отношение властей меняется только к весне 42-го, его даже представляют к награде – происходит, как он сам выразился в одном из своих писем, эволюция от *persona odiosa* к *persona grata*. Срок ссылки святителя закончился в середине 1942 года, и этой же осенью Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием епископ Лука возведен в сан архиепископа и назначен на Красноярскую кафедру. В начале 1943 года, когда потеплели отношения государства к Церкви, открывают в Николаевке, предместье Красноярска церковь и святитель Лука приступает к полноценному своему архипастырскому служению. В 1942 году святитель вел большую переписку с Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Сергием, которая сыграла немалую роль для подготовки Собора 1943 года, архиепископ Лука стал членом Священного синода и принимал непосредственное участие в составлении документов Собора.

В 1944 году святитель получает назначение на Тамбовскую кафедру. В Тамбове еп. Луке приходилось еще продолжать работать врачом и консультировать, но основная его деятельность уже сконцентрировалась на духовной стороне. Неустанный труд еп. Луки была отмечена наградой – правом ношения на клобуке бриллиантового креста. Пребывая на Тамбовской кафедре, святитель приступил к своей просветительско-миссионерской книге «Дух, душа, тело». По замыслу автора, эта книга имела целью религиозное просвещение отпавших от веры. Этой работой он противопоставил официальной атеистической пропаганде христианскую антропологию. Свой труд святитель считал апологетическим – путем привлечения новейших научных данных и открытий он подтверждал истинность вероучительных догматов. Кроме этой книги святитель готовит и другой труд, оставшийся менее известным по причине отсутствия его публикаций, но не менее интересный «Наука и религия», в котором собраны малоизвестные факты различных подлогов, подтасовок материалистов-дарвинистов, интересные факты из биографий величайших ученых.

В 1946 году святителя переводят на Крымскую кафедру. Также как и в Тамбове, в Крыму архиеп. Лука самозабвенно трудится. Он не считается с уполномоченными, не идет на компромиссы с властью, требует от священства исполнения всех своих обязанностей, следования канонам Церкви. В рапорте к Патриарху в 1948 году святитель описывал удручающее положение приходов: народ отвык от богослужений. Кое-как сохраняется обрядовое; о венчании и об отпевании умерших народ забыл, очень много некрещеных детей. Чтобы в корне изменить ситуацию, архипастырь требует обязательного оглашения взрослых, обязательного применения на исповеди в дни поста правил св. Иоанна Постника. Священников, которые сокращали чинопоследования Крещения, строго предупреждал и запрещал.

Одним из основных своих обязанностей владыка Лука считал проповедь, к этому он призывал и всех священников. Услышать своего архипастыря можно было не только в выходные и праздничные дни, но и в будние дни, за Литургией. В этом направлении его творчество объяло одиннадцать томов. Кроме всего прочего святитель заботился об обеспечении своих клириков и паствы, для чего рассылал анкеты и занимался, что теперь называется, адресной помощью.

В 1954 году, когда в СССР официально был провозглашен очередной раз курс на ликвидацию Церкви, архиепископ Лука выступил перед всем церковным народом с проповедью «Не бойся, малое стадо». Особняком стоят у владыки Луки проповеди против сектантов – еще в середине XX века ему пришлось столкнуться с их активной деятельностью. В этих проповедях святитель доступным языком показывает причину отделения сектантов, их основные вероучительные стороны и предупреждает об опасности отделения от Церкви и его последствий. В секту часто попадают люди невежественные, исполненные гордыни. Порок гордости является наиболее благотворной почвой этих разделений. Одной из причин перехода православных в секты является корыстолюбие некоторых священников: корыстолюбивый и невнимательный к нуждам своей паствы священник толкает прихожан в огромный соблазн разделений.

Результат пастырской деятельности лучше всего показали похороны святителя, скончавшегося 11 июня 1961 года. Архиепископа вышел провожать весь город. Власти хотели запретить народное шествие, были предприняты к этому соответствующие меры. По словам очевидцев, это была настоящая демонстрация, шествие длилось три с половиной часа. Власти вынуждены были смириться с этим.

Итак, особенностью миссионерского служения святителя Луки было сочетание своего архипастырского служения с гражданским трудом профессора-хирурга с внешней стороны. Святитель был близок к народу не только благодаря своему врачебному долгу – желание нести тяготы ближних во всем располагало сердца. Владыка Лука воистину, отверг самого себя и понес свой крест, и как сам говорил, явственно ощущал близость Спасителя. В тяжелое время массовой апостасии он оставался одним из немногих светильников, чей свет ярко горел, указуя путь ко Христу. Имея глубочайшие познания в первую очередь, в медицине и, затем во многих других науках, архиепископ Лука Войно-Ясенецкий поставил все эти знания на службу человеку во благо спасения как телесной, так и духовной сторон. Были ли еще какие апологетические произведения в XX веке, в которых использовался современный научный потенциал, кроме написанных архиеп. Лукою? Если и то, что было написано им, не смогло дойти до своего адресата в виде книги, статьи – оно доходило в виде авторских проповедей и рассказов очевидцев.

МИССИЯ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Русские в Европе, а в начале XX века и в Америке, активно изучали науки технологии в Университетах, лабораториях и институтах. Пример дал Д. И. Менделеев. В плане духовном русские многому учились у Запада, как это было и в предыдущие века, но, в основном, это был опыт отрицательный. Православие на Западе было в ближайших к нам странах – в Греции, Болгарии, Сербии, Румынии, отчасти в Польше. Если в середине XIX века Гоголь, Ал. Иванов и многие другие путешествуют по Европе, то это, прежде всего, усвоение европейской христианской культуры, неправославной, но великой христианской культуры. И если Гоголь в 1842-43 гг. во Франции пишет свои размышления о Божественной Литургии и оставляет их во Франции, то сердце и корни его здесь. И. С. Тургенев, проживший полжизни во Франции, писал действительно русские произведения. То же можно сказать о Тютчеве и многих других.

Русский Запад в духовном плане – люди искусства и культуры, либо политические эмигранты, те, кто учился разрушать православие в России. К ним относились и Герцен и многие другие. В этом смысле очень поучительна и одинока фигура Льва Александровича Тихомирова. Этот талантливый человек, член исполкома Народной воли косвенно участвовал в убийстве Александра II. После убийства Александра II он 10 лет жил в России нелегально и потом уехал в Париж, где написал интересные книги, например, «Революционеры и полиция». В Париже он пришел к Богу и в Церковь. После письма Николаю II он получил разрешение вернуться в Россию и возглавил газету «Московские ведомости», которой руководил до 1915 года. Эта газета была глубоко церковной газетой, в ней великолепно излагались такие события, как канонизация прп. Серафима, как канонизация свт. Гермогена и многое другое. В 1915 году он ушел из редакции.

Среди людей русского Запада были те, кто нашли себя в католичестве: Печерин, кн. Гагарин, Зинаида Волконская и др. Русских людей на Западе захватывали самые разные неправославные духовные течения.

Наступили страшные годы революции и гражданской войны. Поток беженцев уходил из своей страны. Те переживания, которые им даны были Богом, многих обратили в православие. Те,

кто не был еще достаточно утвержден, укрепились в вере. Со многими судьба была сурова. Многие офицеры армии Врангеля, немолодые, некоторые с семьями, оказались в лагере Галлиполи, потом в Болгарии мостили улицы, шоссе. Православная Церковь, как могла, их поддерживала. Много было сделано, в частности в Софийский Университет попали знаменитые профессора-богословы. Там блистали знаменитые Глубоковский, Зызыкин и другие. Многие профессора преподавали в Сербском Университете, в Праге, в Париже.

По разным оценкам за границей оказалось до 3-х млн. человек, и они были рассеяны по всему миру – в Канаде, в Америке, в Австралии, в Новой Зеландии. В Японии укрепились Японская Церковь за счет беженцев из России.

И всюду, где только появлялись русские, искалась возможность открыть церковный приход. В 1921 году состоялся Первый съезд русских приходов в Европе; главой русских приходов за границей был избран митрополит Евлогий. В Карловых Варах (местечко Карловцы) был созван Собор русских заграничных архиереев и возник Заграничный Синод. Он был утвержден Патриархом Тихоном в 1922 году, как глава зарубежных русских приходов.

Шла организация приходской жизни. Во Франции в конце 20-х годов приходов уже около 70 (35 – в Париже и его пригородах и 35 – в других городах). Использовались гаражи, подвалы, чердаки. Первый вопрос, который остро встал, был о подготовке кадров. 1 марта 1925 года являлось днем основания Православного Богословского Института в Париже, которому огромное значение придавал митрополит Евлогий и другие архиереи. Готовились священники на богословских факультетах университетов Софии и Белграда.

«Созданию Богословского Института, единственной богословской школы за границей я придавал огромное значение», – вспоминал митрополит Евлогий. – «В России большевики закрыли все Духовные Академии и Семинарии. Богословское образование молодежи прекратилось, образовалась пустота, которую наш Институт, хотя в минимальной, мере мог заполнить. Ряды духовенства там тоже сильно поредели, и мы могли готовить резервные кадры священства. Потребность в образованных священниках чувствовалась в эмиграции, могли они понадобиться и для будущего России. Открытие Богословского Института именно в Париже, в центре западно-европейской, нерусской, но христианской культуры, имело тоже большое значение. Оно предначертало нашей высшей богословской школе просветительскую линию в постановке некоторых теоретических проблем и религиозно-практических заданий, дабы православие не лежало больше под спудом, а постепенно делалось достоянием христианских народов».

В 1925 году вышел первый номер журнала «Путь», орган русской религиозной мысли. В составе редакционной коллегии и авторов были Бердяев, Вышеславцева, Кульмана, Н. Овсеев, Безобразов, прот. Сергей (Булгаков), Демидов, Борис Зайцев, Лев Зандер, Василий Зиньковский, Александр Ельчанинов, Иванов, Ильин, Лев Карсавин, Карташов, Николай Лосский, Ремезов, Савицкий, Сувчинский, кн. Григорий Трубецкой, кн. Никита Трубецкой, Георгий Флоровский, Семен Франк, прот. Четвериков. Основной задачей журнала было осмысление того, что происходило с самими русскими людьми за границей.

В первой редакционной статье «Духовные задачи русской эмиграции». «Русское рассеяние имеет свой смысл и цель. Не по воле только большевиков, но и по воле Божиего промысла были рассеяны русские люди по всему лицу земли. С этим связаны не только страдания и муки оторванности от родины, но и положительная миссия. Осознала ли русская эмиграция эту миссию? Эта миссия лежит, прежде всего, в духовных задачах, в собирании и выковывании духовной силы. Русские люди насильственно оторваны от благ жизни, они освобождены от порабощенности материальным предметам, они по велению Божию проходят суровую школу аскезы, которую не могли пройти по собственной воле. И облегчена для них возможность обратиться к духовной жизни, к внутреннему человеку.

Есть еще одна миссия русской эмиграции. Неслучайно русские православные люди приведены в тесное соприкосновение с западным миром, с христианами Запада. Православие имеет вселенское значение, и оно не может продолжать находиться в национальном замкнутом и изолированном состоянии. Оно должно стать духовной силой, действующей в мире. Русские, оставшиеся верными вере отцов, принуждены жить среди чуждого мира или мира безбожного и безрелигиозного, или христианского, но по-иному исповедующего христианство».

В Православном Богословском Институте преподавали значительные русские силы такие же, как на теологическом отделении Софийского Университета и других. Создается русское христианское студенческое движение за границей. Это движение создавалось в рамках мирового христианского студенческого движения, которое не было православным.

На Западе русское христианское студенческое движение помогло русской молодежи спастись и физически, и духовно. Русское христианское студенческое движение за границей с самого начала оказалось в руках православных церковных людей. Это очень известный профессор Василий Зеньковский, вскоре ставший священником. Это Александр Ельчанинов, который тоже стал священником и православные церковные люди. Ежегодно организовывались лагеря (съезды) в буржуазной Прибалтике, были в Польше, во Франции и др. местах. Ищущий, страдавший молодой человек попадал на месяц в единую жизнь со своими русскими сверстниками, и кроме того с очень сильными священниками (о. Сергей Булгаков, о. Василий Зеньковский и др.). Для глубоких людей было достаточно одного такого съезда, чтобы получить духовный заряд на всю жизнь.

Известно, что Заграничный Синод, возглавлявшийся митр. Антонием Храповицким назвал это движение масонским, от него отмежевался и запретил участие в нем. Русское христианское студенческое движение родило таких священников, как о. Василий Зеньковский, о. Александр Ельчанинов, а впоследствии о. Иоанна Мейендорфа, о. Александра Шмемана и многих других. «Вестник русского христианского движения» до сих пор стремится остаться лидирующим журналом русского зарубежья.

При этом протестанты из руководства всемирного христианского студенческого движения поддерживали русское христианское студенческое движение, поддерживали Богословский Институт в Париже.

В одной из книг проф. прот. Зеньковского есть такие слова: «Основное содержание нашей эпохи, это разделение, разрыв всей культуры и духовности жизни Церкви, уход культуры от Церкви, так называемая автономия культуры, т.е. принципиальная ее свобода от религиозных верований. Вера для творчества и культуры стала ненужной, является как бы некоей добавочной роскошью, без которой культура может без вреда обойтись, и к которой она потеряла интерес. Всему есть простор в культуре, но только не вере. Необходимость освещения мира кесаря есть творческое начало в принципе симфонии. Это симфония Церкви и культуры... Церковь должна идти в мир, жить его страданиями и трудностями, но в то же время она должна стоять на страже правды в мире, во власти культуры, должна быть детоводителем мира ко Христу, вести по пути покаяния греха и преображения мирских стихий в творческой жизни мира. Это есть задача воцерковления мира. Весь смысл христианского учения в истории только в этом и заключается, это и есть теократическая задача Церкви. Говорим мы о теократии в надмирном смысле слова, а не в смысле клирикократии, к чему исторически сводится этот призыв на Западе».

В 1921 году св. Патриарх Тихон писал Джону Мотту – главе международного христианского студенческого движения по поводу того, что тот финансировал издание перевода православного богослужения на английский язык. «Молитвенно, вседушевно призываю благословение Божие на это благочестивое начинание, имеющее в виду распространение христианской веры на земле и содействие живому общению верующих во Христа с нашим Господом и Спасителем, и желаю благодатного преуспеяния и радости о Духе Святом всем труждающимся в этом великом деле».

Это не означает, что было добренькое отношение к протестантизму у наших богословов, философов, православных священников и мирян на Западе. Отношение было вполне определенное, подлинно экуменическое, как свидетельство о подлинности, глубине и несокрушимости православия перед теми, кто потерял очень много. Как писал Тютчев: «Пора! Молитесь Богу, последний раз вы молитесь теперь...»

В те же годы в Берлине в журнале «Россия и латинство» «евразийцы» Карташов, Флоровский, Никита Трубецкой, Ильин выясняли трудные вопросы с католичеством. Остро стояли вопросы взаимоотношений с католичеством.

В жизни заграничных приходов стояли те же проблемы, что и в России – не допустить подмены православия, не допустить ухода благодатной жизни из прихода, чтобы приход не превратился в формальный клуб; стремиться к тому, чтобы каждый приход был тем праведником, без которого не

стоит ни одно село. Это главные задачи веры, верности и свидетельства о Христе, стояли за границей очень остро. И чем дальше, тем труднее. Несмотря на внешнюю устроенность и налаживание церковной жизни, проблемы оставались.

Вторая Мировая война – новая волна эмиграции. В самом начале войны перед каждым встал вопрос – стремиться ли на родину или уходить на Запад.

Во время войны и после одной из самых значительных фигур в русском богословии на Западе становится отец Георгий Флоровский. Он участвовал во многих крупных съездах, типа съезда Всемирного Совета Церквей, во многих католических съездах или конференциях. Сначала это была Франция, потом Англия и, наконец, США. После войны в 1951 году возникает в Америке Свято-Владимирская Православная Семинария. Туда переезжает о. Георгий Флоровский, а вскоре за ним о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф, которые становятся главными фигурами в этом сильном богословском учебном заведении. Наиболее яркие фигуры активно обращенные к современному Западнему миру – это о. Георгий Флоровский, о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф и митрополит Антоний Блум. Они наиболее ярко представляют миссионерский аспект служения Православной Церкви за рубежом.

Отец Георгий Флоровский, блестящий богослов, историк, философ, учился и защищал диссертацию в Праге. Далее оказался в Белграде, а затем в Париже у истоков Православного Богословского Института. С самого начала он также был у истоков русского христианского студенческого движения. И как деятель студенческого движения, и как преподаватель Богословского Института в Париже, он очень рано начал участвовать в беседах с протестантами и католиками. С самого основания Всемирного Совета Церквей берет свои истоки также из Всемирного христианского студенческого движения. Свидетелем о Православии в этом движении и на католических церковных собраниях и конференциях, ученых и общественных, очень часто бывал о. Георгий Флоровский.

Это человек, которому мы обязаны фундаментальными произведениями – «Византийские отцы IV века», «Византийские отцы V-VIII веков», «Пути русского богословия». С одной стороны, Византия, и в плане историческом, и в плане богословском, святоотеческом, легла в основу и богословского, и проповеднического миссионерского делания. Вторая его любимая и постоянная тема – это Россия, история русской духовной и философской мысли, затем учение о спасении и учение о Церкви. Понятие Церкви, Церковь в самых различных формах жизни, Церковь в богослужении, Церковь во взаимодействии ее с миром – вот темы огромного количества его выступлений, статей. Его доброжелательность в этих экуменических контактах казалось бы не противостояла православному, еретическому или нечистому католическому пониманию и Церкви, и основных вопросов нашего спасения. На самом деле это было свидетельством подлинного православия в достаточно понятной для слушателей форме. Он после войны в 1951 году он был приглашен в Свято-Владимирскую Семинарию в Нью-Йорке, и дальше вся его жизнь прошла в Америке и в разъездах по всему миру. Он был почетным доктором многих Университетов – и во Франции, и в Италии, и в Англии, и в Америке. Закончил он свой жизненный путь в Принстоне.

Это был человек огромной эрудиции. Его библиотека, которая сохранилась, несмотря на многочисленные вынужденные переезды, сейчас является достоянием Принстона; часть библиотеки составляет фонд – библиотека о. Георгия Флоровского. Его влияние на молодежь было велико.

Характерно его отношение к Церкви, к ее границам, достаточно строгое, сформулированное св. Ефремом Сирийским: «Церковь, это сообщество тех, кто уже спасены, но еще могут погибнуть». Если продолжить это определение, то миссия обращена к тем, кто еще не спасен, но еще может быть спасен.

Следующая фигура – отец Александр Шмеман (1921-1983 гг.). Родился он в Ревеле, в семье офицера лейб-гвардии Семеновского полка. С семьей он покинул Прибалтику и жил сначала в Белграде, а затем, с 1929 года, в Париже. Он принадлежал к аристократии, получил великолепное фундаментальное филологическое и историческое образование. В 1940 году поступил в Свято-Сергиевский Православный Институт в Париже и стал учеником Карташова и Зеньковского. Через некоторое время он священник и остался при Парижском Богословском Институте, занимался научной работой и преподавал. Основные его книги: «Исторический путь православия», «Цер-

ковь и церковное устройство», «Судьба византийской теократии», «Догматический союз», «Трактат о свт. Марке Эфесском» и другие.

С 1951 года он в Нью-Йорке, в Свято-Владимирской Семинарии, а с 1962 года он ректор этой Семинарии.

Следующий цикл его работ – «Введение в литургическое богословие» (1961 г.), «Великий пост», «За жизнь мира», «Водой и Духом» и последняя наиболее интересная книга – «Евхаристия», не считая его проповедей и воскресных бесед.

О. Александр скончался в 1983 году сравнительно молодым, имея сан протопресвитера и являясь одним из главных деятелей церковной жизни Американской, и не только Американской, Церкви.

Вся его деятельность, с одной стороны, была обращена к отцам Церкви, к постижению позиций и духа богословия отцов, а, с другой стороны, была обращена к современной жизни Церкви.

В монографии книги «Церковь. Мир. Миссия» собраны его выступления, его статьи, начиная с конца 60-х годов и до конца 70-х годов.

Для о. Александра миссия православных христиан и Православной Церкви к человеку и к миру возможно только по образу и в духе Евхаристии. Без Евхаристии не может быть должного отношения к человеку и к миру. Отношение к миру, естественно, двойное, антиномичное – с одной стороны, он, в том числе и мир природы, во зле лежит, он падший, более того, он антихристианский, с другой стороны, это мир Божий, мир, в котором человек поставлен править, главенствовать, это мир, который имеет целью Преображение, Царствие Божие. Тема Царства Божия, пришедшего в Силе, реализуемого в Евхаристии – это основная тема о. А. Шмемана. Этой теме посвящена его последняя работа «Евхаристия». От Чаши, от Евхаристии, от Бескровной Жертвы идет отношение к миру и непросвещенному человеку.

В 1983 году Н. А. Струве писал о нем: «Можно смело сказать, что о. А. Шмеман один из самых значительных деятелей Церкви и русской духовной культуры XX века. <<Церковь была для него живым средоточием, из которого исходили и к которому возвращались все его помыслы. Он стоял перед ее лицом и по ее закону творил над самим собой внутренний суд. Всем, что было для него дорого, он дорожил по отношению к ней – ей служил, ее оборонял, к ней прочищал дорогу от заблуждений и предубеждений, всем ее радостям радовался, всеми ее страданиями болел внутренне, глубоко, всей душой>>. Эти слова Юрия Самарина о Хомякове можно повторить об о. А. Шмемане, не изменяя в них ни одного слова. О. Александр продолжатель, в каком-то смысле, и завершитель хомяковской богословской, исторической и общественной традиции», и далее, где говорится о трех родинах, о трех корнях о. Александра. Первая, это Россия, в которую он не смог приехать до конца дней своих. Вторая его родина – Париж, где прошла вся его юность и почти более половины жизни. Третья его родина – Америка, которой он отдал последнюю часть своей жизни.

«Все три родины мирно сосуществовали в его сердце, потому что на самом деле его единственной родиной, как и всех христиан, было Царствие Божие, у которого нет географического центра, который вечно в ожидании и вечно наступает в том особом месте и времени, которое называется Церковью. Истинной родиной о. Александра была Церковь и Царство не от мира сего».

Следующая фигура – это отец Иоанн Мейендорф. Это крупнейший богослов современности, наиболее близкий к нам по духу, ближе о. А. Шмемана. Также, как о. А. Шмеман, он получил в Париже блестящее образование историческое, филологическое, философское; также был углублен в историю и богословие Византии; изучал вслед за о. Георгием Флоровским византийских отцов (его книга «Византийское богословие»). Он несколько уже о. А. Шмемана, но и несколько глубже. К концу 50-х годов жизнь православного Парижа, по словам отца Иоанна, стала «несколько безнадежной». Представители первой волны эмиграции умирали один за другим, младшие поколения ассимилировались и постепенно утрачивали национальный дух. Приходилось думать о дальнейшей судьбе Православия вне России: можно ли связывать его будущее с умирающей русской эмиграцией или надо искать новые возможности? Русские богословы и пастыри потянулись в Америку. Первым уехал отец Георгий Флоровский, потом отец Александр Шмеман и профессор С. Верховской. Вслед за ними вскоре после своего рукоположения в священник сан в 1958 году (хиротония состоялась в день памяти святого Григория Паламы) отец Иоанн Мейендорф переехал в

США, где стал профессором в Свято–Владимирской духовной семинарии. Вместе с о. Александром они с 50-х годов вели Свято-Владимирскую Семинарию после войны. После смерти о. Александра, о. Иоанн возглавил Семинарию. Вместе они выясняли самые трудные, самые болезненные вопросы Православия на Западе, вместе они боролись за Православную Церковь в Америке, которая вся на виду, вся обращена к этому многоголосию, к этому многоязычию Америки, к пестрому разнообразию всех национальностей, всех культур, всех религий, и при этом к самому секулярному, самому безбожному, самому антихристианскому отношению к Церкви и к религии на всем Западе. Сохранить Православную веру, Православную Церковь, достойно ответить миру в этой духовной пустыне, когда уходит дух, остаются формы или возникают какие-то формы, которые претендуют на обновление духовной жизни – это была их совместная задача.

Отец Иоанн Мейендорф был скромнее. Не было того блеска, не было той славы и известности. Он приезжал в Россию, но не учить, а в значительной мере учиться, чтобы для себя выяснить все основные вопросы жизни Православной Церкви, вопросы жизни России. Оба они считали, что жизнь Православия и сейчас определяется жизнью Православия в России. И при том свобода богословской мысли; свобода высокого профессионализма, глубокого владения и историческими реалиями, и богословскими понятиями, богословием отцов прежде всего; свобода понимания классической христианской и даже нехристианской современной культуры. Эти отличительные черты делали отца Иоанна исключительным явлением современной нашей жизни.

О. Владимир Воробьев рассказал, что в последние несколько лет жизни, уже будучи ректором Свято-Владимирской православной академии, о. Иоанн очень часто посещал Россию. Сначала тайно, потом с разрешения властей. Его особенно радовали встречи с верующей молодежью, на которую он возлагал главные надежды в "чаемом всеми нами православном возрождении". Богослов с искренней радостью говорил о широких возможностях, открывающихся перед православными пастырями в сегодняшней России, о важности изучения святоотеческого наследия. Он напоминал о том, что в секуляризованном мире христиане, а особенно богословы и пастыри, должны стремиться к единомыслию и поддерживать друг друга. Иоанн Мейендорф стоял и у истоков создания Свято-Тихоновского гуманитарного университета. «В марте 1992 года был учрежден наш университет, – вспоминает о. Владимир. – Неожиданно в ночи раздался звонок. Это был о. Иоанн, который приехал в Россию и предложил свою помощь по поднятию и развитию университета. Благодаря ему мы смогли организовать первые богословские чтения, на которых отец Иоанн рассказал первым студентам о православии в Америке, о смысле веры, о религии. У нас тогда даже не было помещения, и потому наши чтения мы проводили в здании Первой Градской больницы. Помню, тогда в зале было столько народа, что не все умещались в помещении и слушали в коридоре то, что рассказывал о. Иоанн. А потом внезапно к нам приехал Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, специально для того, чтобы послушать то, что рассказывал богослов».

Наконец, митрополит Антоний (Блум). Его известные книги – «Школа молитвы» и многие другие обращены к современному часто не церковному человеку. Это духовный пастырь обращенный к неправославному миру. Последний период его жизни – это Англия. То место, которое сейчас занимает Православие в Англии, во многом обязано Владыке Антонию. С конца 70-х годов его знает вся Англия, и знает уважительно. Это нужно было заслужить. Несмотря на блестящее образование, он ученым богословом никогда не был, но всегда был практиком. Кроме образования, ему дан дар проповедничества и пастырства.

Были и многие другие священники и миряне; их достаточно много, и их должно знать, потому что мы многим им обязаны. В эпоху, когда и богословие, и пастырство было в состоянии молчания, когда никаких необходимых для научной и богословской жизни контактов у нас не было, они многое сохранили. И нам сейчас необходимо пользоваться и тем опытом, и тем наследием, которое они оставили для того, чтобы выработать наше отношение к современному миру.

Миссионерский Отдел Московского Патриархата, его структура и координационная деятельность

Согласно Определению Архиерейского Собора 1994 года «О православной миссии в современном мире» в феврале 1995 года была образована Рабочая группа по планированию возрождения православной миссии Русской Православной Церкви на ее канонической территории.

После выработки концепции и принятия ее Священным Синодом в декабре 1995 года Указом Его Святейшества и Определением Священного Синода был образован 26 декабря 1995 года Миссионерский отдел, задачи которого были определены основными положениями «Концепции возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви». Миссионерский отдел Русской Православной Церкви возглавляет Высокопреосвященный Иоанн, Архиепископ Белгородский и Старооскольский, ректор Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью).

Основные направления деятельности Миссионерского отдела определены Архиерейскими Соборами 1994 и 1997 годов, Концепцией возрождения миссионерской деятельности РПЦ (1995), а также решениями съезда епархиальных миссионеров РПЦ (Белгород, 1996).

Структура Миссионерского отдела.

Миссионерский отдел имеет следующие секторы:

- Миссионерских программ и координации
- Информационно-аналитический
- Издательский
- Реабилитации и работы в группах риска

Деятельность каждого направления определяется годовым планом. В настоящее время отдел имеет 11 сотрудников, которые осуществляют свою деятельность в главном офисе в Москве, а также в Белгороде, где расположены издательский и методологический секторы.

Отдел возобновил и поддерживает практику проведения региональных миссий в Якутской, Камчатской, Калмыцкой и ряде других епархий. Основное внимание при этом уделяется внутренней миссии как среди нехристиан, раскольников, язычников, так и внутри официальных границ Церкви.

Осуществляется практика миссионерских поездок по рекам на кораблях-церквах (Новосибирская, Благовещенская, Амурская, Волгоградская епархии), проводятся противосектантские совещания и конференции.

При отделе работает духовная семинария (с 1996 г., Белгород), готовящая православных миссионеров.

Совместно со светскими организациями (фонд «Дети России», «Славянский фонд России» и др.) проводится миссионерская работа среди детей разных регионов, образован Центр реабилитации жертв нетрадиционных религий (с 1996 г., Москва).

Издаются ежемесячный журнал «Миссионерское обозрение», координирующий миссионерские программы епархий, и бюллетень «Миссионерское обозрение» (ежемесячное приложение к газете «Православная Москва»),

Со времени прошедшего в 1997 году Архиерейского собора Миссионерский Отдел действовал в следующих направлениях:

1. Возрождение миссионерского делания.

Сотрудники Миссионерского отдела постоянно участвуют в миссионерских поездках по регионам России и выступают перед самой разнообразной аудиторией. Эта работа проходит в рамках возобновления исторической практики региональных миссий (Якутская, Камчатская, Чукотская, Калмыцкая и т.д.), внутренних миссий (среди нехристиан, раскольников, язычников). При этом во многих регионах главы и представители администраций отмечают, что акции Миссионерского отдела являются показательными примерами конструктивного взаимодействия представителей Церкви и государственных органов.

За истекший период Миссионерским отделом осуществлялась не только координация действий по возрождению миссионерского служения, но и непосредственное участие его сотрудников во многих мероприятиях.

Сотрудники Миссионерского отдела участвуют в помощи нашим военнослужащим, находящимся в условиях ведения боевых действий (Чечня, Дагестан, Ингушетия).

2. Богословско-методическая работа и информационная миссия.

Миссионерским отделом осуществляются программы, способствующие богословскому осмыслению современных проблем Православной миссии (в различных ее аспектах - канонические основы, воспитательная и апологетическая миссия, социо-культурные аспекты миссии и др.).

Миссионерским отделом ведется активная консультационная работа по вопросам разрешения юридических конфликтов православных истцов с сектантами и псевдорелигиозными организациями, готовятся религиозоведческие и правовые экспертные заключения по данному вопросу.

Отделом разработана программа по миссиологии для духовных учебных заведений, которая проходит апробацию в нескольких семинариях.

Миссионерским отделом были изданы:

Справочник «Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера» (три издания).

«Классификация тоталитарных сект и деструктивных культов Российской Федерации» (серия «В помощь епархиальному миссионеру»),

«Научно-богословские труды по проблемам Православной миссии» (в книге опубликованы материалы I Съезда епархиальных миссионеров Русской Православной Церкви и научно-богословских конференций «Евангелие и культура» и «Миссия Церкви. Свобода совести. Гражданское общество»),

3. Молодежные программы и апологетическая миссия.

Начиная с 1998 года Миссионерский отдел совместно с Московской городской думой организует благотворительные Пасхальные концерты для детей и подростков - известные популярные исполнители рассказывают о своем пути к Богу и помогают подросткам выбрать истинные ориентиры в системе жизненных ценностей. К тому же подобные концерты являются эффективным профилактическим мероприятием против употребления наркотиков. Особое внимание при организации концертов обращается на привлечение «проблемной» молодежи — выпускников детских домов и интернатов, детей-сирот и инвалидов, детей из малообеспеченных и многодетных семей.

С конца 1999 года постоянно ведется миссионерская молодежная программа на «Народном радио» в интерактивном эфире.

Успешно действуют православные молодежные миссионерские центры, созданные в Белгороде, Екатеринбурге, Москве. Как правило, самыми активными миссионерами в таких центрах являются бывшие сектанты. Методика создания таких центров разработана Миссионерским отделом.

В рамках сотрудничества с Всецерковным Православным молодежным движением на базе Центра реабилитации жертв нетрадиционных религий им. А.С. Хомякова при Миссионерском отделе развивается деятельность по духовной реабилитации наркозависимых. Разрабатываются методики, связанные с использованием возможностей и духовного опыта монашествующих в данном процессе (пилотный проект на базе Площанской пустыни).

Деятельность реабилитационного центра, возглавляемого иереем Олегом Стеняевым, является хорошим примером ведения апологетической миссии. Благодаря сотрудникам этого центра, за межсоборный период около 2 тыс. человек были присоединены к Православию. Публичные диспуты с сектантами, с адептами оккультных течений и псевдорелигий, проведенные иереем Олегом Стеняевым, были настолько успешными, что многие лидеры сект вместе со своими последователями приносили покаяние и были после проведения индивидуальной реабилитации каждого из них, присоединены к Православной Церкви.

4. Координация деятельности епархиальных миссий. Совместная деятельность с общественными организациями.

Созданный институт епархиальных миссионеров постепенно набирает силу. Особо следует отметить оживление миссионерской деятельности среди монастырей. В этом смысле выделяются Троице-Сергиева Лавра, Сретенский монастырь и Оптиная пустынь.

Миссионерским отделом проводятся совместные миссионерские мероприятия с различными общественными организациями: фондами Андрея Первозванного, Славянским, Благотворительным Резервным, «Дети России», с обществом «Россия Православная».

Налажено сотрудничество с Международным комитетом по борьбе с наркотиками. Рассматриваются вопросы взаимодействия в деле профилактики наркозависимых с Государственным комитетом РФ по делам молодежи.

Сотрудники Миссионерского отдела принимали активное участие в работе «Палаты по Государственной информационной политике политического консультативного совета при Президенте Российской Федерации».

5. Осуществление проекта «Миссионерское поле России».

Во исполнение определения Архиерейского Собора 1994 года об изучении «миссионерского поля» на канонической территории Русской Православной Церкви в Миссионерском отделе создан специальный информационно-аналитический центр. В его задачу входит разработка методик оценок духовного состояния того или иного региона, анализ влияния инославных конфессий, других религий и сект, выработка рекомендаций по проведению миссионерской работы.

На основании накопленной базы данных Отдел издал справочник по новым религиозным организациям деструктивного и оккультного характера, который включил в себя анализ доктрин и деятельности этих сект.

Без изучения «миссионерского поля» на общецерковном, епархиальном и приходском уровнях сегодня уже невозможно правильно избрать формы и методы противодействия зарубежной миссионерской экспансии, выбрать главное направление в просветительской работе среди различных социально-культурных групп.

На основании собранных данных составлены своеобразные «карты воцерковленности» населения того или иного благочиния Пермской епархии, и даже отдельных приходов. Благодаря проделанной работе, разработаны конкретные рекомендации по практическому осуществлению миссии в зависимости от региональных особенностей социального, культурного, межконфессионального и других контекстов.

Интересен опыт работы по изучению «миссионерского поля» Комиссии по миссионерской, антираскольнической и антисектантской деятельности Московской епархии. Благодаря деятельности Комиссии выявлены тенденции развития в деятельности сект на территории Московской области и успешно осуществляется работа по возвращению в лоно Церкви отпадших от Православия.

Сегодня требуется создание на епархиальном уровне реабилитационных центров, подобно действующим в Москве, Новосибирске, для ведения профилактической работы среди молодежи по предотвращению их увлеченности оккультизмом и сатанизмом и активное сотрудничество со всеми заинтересованными общественными организациями, обмен информацией о деятельности adeptов этих культов, активная пропаганда в СМИ их пагубности и опасности.

6. Подготовка миссионерских кадров.

В настоящее время подготовку миссионерских кадров РПЦ осуществляет Белгородская Православная Духовная семинария (с миссионерской направленностью), где обучаются 115 воспитанников очного отделения и 91 воспитанник сектора заочного обучения из 34 епархий Русской Православной Церкви.

Выпускники семинарии, имея опыт миссионерской работы, полученный в процессе обучения в семинарии, уже сегодня трудятся на ниве Христовой.

Там, где есть подобная направленность, например, в Калужской, Смоленской, Белгородской, Тобольской семинариях, Свято-Тихоновском университете, вырастают будущие миссионеры, способные продолжать и развивать лучшие традиции Русской Православной Церкви.

На II (VII) Всецерковном съезде епархиальных миссионеров в Москве Святейший Патриарх Алексий II сказал: «XXI век мы должны сделать Православным веком, ибо альтернатива этому — полная бездуховность, размывание традиционных устоев и нравственности и, как следствие, гибель России, потерявшей свою историческую память и духовную самобытность. Под понятием «Православный век» имеется в виду не то, что мы в отдельно взятой стране устроим некое подобие симфонии Церкви и государства, а то, что Православное мирознание станет с нашей помощью противостоящей силой той разрушительной культуре, которая не встречает сопротивления в общественном сознании... Нам придется действовать так, чтобы каждый услышал и понял голос Православия и чтобы с этим голосом Православия каждый живущий в России соотносил бы свое слово и дело».

Церковь в своей жизни и деятельности должна явить высоту и красоту Православия прежде всего для народов России, а затем и для всего мира.

В основу материала легли следующие материалы:

1. А. Б. Ефимов. Миссионерство и роль Церкви в колонизации территорий (рукопись);
2. Св. Стефан Пермский-выдающийся миссионер Русской Православной Церкви. <http://revolution.allbest.ru/dl/30/00017385.zip>
3. Железняк С.Е. Особенности миссионерского подвига свт. Луки (Войно-Ясенецкого).
4. Железняк С.Е. Миссионерство среди славян-язычников.
5. Миссиология: Учебное пособие. – Белгород: Белгородская Православная Духовная семинария, 2009.